АЗБУКА ВЕРЫ

Александр Касьянович Горшков

Грешница

Художественная литература · azbyka.ru

Грешница – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/greshnicza-gorshkov

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Грешница

Александр Касьянович Горшков

Оригинал

Новая повесть от автора популярных книг «Самарянка», «Отшельник», «Ангелина» снова вводит читателя в мир сложных человеческих отношений, где вера в Бога сплетается с подделками веры или же с полным неверием, безбожием. Главная героиня является типичным образом для нашего времени, однако ее путь к Богу не совсем типичен для большинства ровесников. Как и предыдущие повествования, книга «Грешница» построена на динамичном сюжете, который держит внимание читателя до последней страницы, не дает готовых рецептов духовной жизни, приглашает к глубоким размышлениям на темы богопознания, раскаяния в совершенных грехах, промысле Божьем в человеческих судьбах.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся литературными произведениями современных православных авторов.

Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница…

Лк.7:36–39

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа.

Ин.3:8.

1

Максим заснул, мгновенно от всего отключившись, просто вырубившись. Так он засыпал везде: в постели, в дороге, дома, в гостях, лежа, сидя, сам, в чьих-то объятиях… Бессонница, разные снотворные средства, привычка ворочаться с боку на бок, таращиться в потолок, клевать носом — это ему было неведомо. И спал он всегда крепко, хоть из ружья, хоть из пушки рядом пали.

— Жизнь научила, — коротко объяснял он эту свою способность, если кто удивлялся. — Там, где я бывал, бессонницей никто не страдал. Два-три человека в дозор, остальные вырубились. Полчаса сон, потом ноги в руки — и дальше по ущелью, пока не выполнишь задачу. Очередь из пулемета над головой, выстрел гранатомета — вот и вся наша «колыбельная».

Теперь он шоферил, зарабатывая таксистом. Ночи напролет у него проходили за рулем, потому что не все выдерживали такой ритм, зато ночным клиентам отбоя не было: тех привезти, тех увезти, тех встретить, тех проводить. И в кассу хозяина хорошие деньги шли, и сам не сидел на безденежье, копейки не считал: на «чаевые» обычно не скупились. Только когда Максим «зависал» в каком-нибудь ночном клубе, на его маршрут выходили другие водители, подменявшие друга. Знали: раз Макс «завис», то лучше его не трогать — сам объявится, как нагулявшийся кот. Несмотря на свои тридцать «с прицепом», семьи у него не было — только

сожительницы, подружки, которых он менял чаще, чем резину на колесах своего рабочего «мерса». Ни с одной из них его не связывали серьезные отношения. Не было даже намерений — лишь увлечения, интрижки, постель… Долго уговаривать никого из девчонок ему не приходилось: пару формальных звонков, SMSok — и закрутилось. Он был из породы молодых мужчин-сердцеедов: спортивное тренированное тело, жгучий взгляд, сам остроумный, напористый, страстный.

Не устояла перед ним и Ольга: свободная, ничем и никем не обремененная. Познакомились в ночном клубе, куда Максим приехал со своими друзьями. Он сразу положил на Ольгу свой глаз. Та сидела в окружении веселых ребят и девчонок: тоже красивая, с вьющимися каштановыми волосами, стройная, задорная, без комплексов. Клубная обстановка тоже непринужденная: захотел подойти — подходи, хочешь знакомиться — знакомься, хочешь чего-то еще — проси, предлагай, не комплексуй. Максим сделал все сразу: подошел, познакомился, предложил поехать к нему сразу после вечеринки. Ольга согласилась. Ей такие интрижки были не впервой. Вопросы морали ее вообще не беспокоили: хорошо ли это, что будет потом, чем все закончится? Им обоим было хорошо, беззаботно, непринужденно и просто. Иногда они договаривались о новой встрече, но часто Ольга сама оставалась у Максима на ночь, даже если тот уходил до утра обслуживать вызовы. Приготовит завтрак — и умчится на работу в торговый центр «Modis», где работала продавцом-консультантом. Добираться туда от Макса было даже ближе: пару трамвайных остановок. При хорошей погоде она успевала и пешком.

Оба они — Максим и Ольга — жили беззаботной жизнью, не строя планов создавать семью, иметь собственных детишек. Ольге через знакомых удалось снять крохотную комнатушку в старой заводской «общаге», Максим тоже ютился в чужой комнате вместе с обитателями таких же убогих жилищ, выходивших обшарпанными дверями на общий заставленный разным хламом коридор, дурно пахнущую общую кухню, загаженный общий туалет и покрытую плесенью общую ванную комнату.

«Чудовище неугомонное», — Ольга тихонько встала, набросила халатик, нашла мягкие тапочки и неслышно прошла в ту самую ванную. Горячей воды, как всегда, не было. Да и холодная текла из крана слабой струйкой, и было непонятно: то ли кран протекал, то ли слабый напор в трубе.

Ольга увидела под ванной небольшую металлическую миску.

«Нагреть, что ли?» — подумала она и подставила под кран.

Потом осторожно, чтобы не расплескать, пошла на кухню: оттуда лился неяркий электрический свет. Там за столом сидела немолодая женщина: перед ней стоял стакан горячего чая, сама же она задумчиво курила папиросу, уйдя в свои мысли, ничего не замечая вокруг.

— Можно, я… — тихим голосом спросила Ольга, отрывая ее от раздумий. Та лишь махнула рукой: дескать, валяй, делай, что хочешь.

Ольга пошарила на полочке, потом на столе, где постояльцы обычно оставляли спички, но их нигде не было. Рядом с женщиной лежала зажигалка. Ольга хотела снова спросить, но та сама молча протянула ей. Ольга чиркнула, поставила миску на горелку и присела рядом.

— Курить будешь? — женщина кивнула на раскрытую пачку папирос.

Ольга поморщилась:

— У меня свои, не такие крепкие.

— Ясно. Хозяин барин. Когда-нибудь и таким будешь рада. Хотя, не дай Бог…

Женщина подняла на Ольгу тяжелый уставший взгляд:

— Тогда, может, выпьем? Выпить хочешь? У меня кроме чая кое-что найдется.

Ольга снова поморщилась. Ей действительно ничего не хотелось: помыться бы да спать. Женщина усмехнулась:

— Ясно. Пьяна от любви… Красивая деваха, вся в соку. Макс таких любит. У тебя с ним серьезно или так, поваляться, побаловаться?

Ольга неопределенно пожала плечами.

— Я тоже не всегда была такой развалиной, как теперь. И тоже пьянела от любви: с одним, с другим, с третьим — всех не перечесть. Вся моя молодость прошла на железной дороге, а там все запросто: что ни рейс, то новый роман, а то и два — в обе стороны, мужики в купе тянут, чтобы познакомиться поближе, в полный контакт. Потом спохватилась, думала на ком-нибудь остановиться, да оказалось, что уже не на ком: осталась шваль да пьянь. Хотела ребеночка заиметь, чтобы радость в жизни была — и это не получилось, потому что после всех абортов, таблеток, пипеток, чисток я стала уже негодящей забеременеть и рожать.

Ольга пассивно слушала, не желая ни поддакивать, ни обсуждать эту тему: в конце концов, у каждого своя жизнь и своя судьба. Она встала и выключила газ, собираясь забрать миску и уйти. Но женщина тронула Ольгу за руку:

— Хахаль твой спит?

Ольга кивнула.

— Тогда побудь со мной, успеешь выспаться. Ты, вижу, не местная?

— Из Комаровки.

— Чего дома не сиделось? Скучно?

Ольга усмехнулась: ясное дело.

— Ни женихов, ни удовольствий, — женщина затянулась папиросой, с прищуром посмотрев на Ольгу. — Конечно, скучно…

— Главное, что ни работы там нет, ни будущего. Какой смысл оставаться и жить в той дыре? Я не одна такая.

— И я такая же, как ты и другие. Ничем не лучше. Только из далеких краев. Девчонкой приехала сюда по объявлению учиться на проводницу, туг и осталась. Мечтала вообще стюардессой стать.

Она рассмеялась хриплым голосом, обнажив редкие, убитые ядреным никотином, зубы:

— Похожа я на стюардессу по имени Жанна из той старой песенки?

В сердце Ольги шевельнулась жалость:

— Зачем вы смеетесь над собой?

— Кстати, меня Надей зовут.

— Ая Ольга.

— Ну, за знакомство положено выпить! Таков порядок. Угощаю.

— В другой раз, хорошо?

— А вдруг его не будет?

— Чего? — не поняла Ольга.

— Другого раза.

— Как это?

— Да так: захочешь со мной выпить, а меня уже не будет.

— Куда же вы… — недоуменно посмотрела Ольга.

Надежда показала взглядом наверх:

— Туда же… Больше некуда.

Ольга почувствовала, что сидящая перед ней женщина страшно одинока, несчастна, и сейчас ей хотелось развеять это тягостное одиночество. Но о чем с ней говорить? И нужно ли откровенничать? Неожиданно Ольга нашлась.

— Надя, а кто тут еще живет, кроме вас и Макса?

— Одни тараканы, — скупо ответила та, что вызвало на лице Ольги удивление.

— Чего сама вытаращилась, как таракан? Или не знаешь, кто такие тараканы, где и как они живут? Забьются в щели и живут. Мы точно такие же тараканы: каждый сам по себе, каждый в своей щели, в своей дыре — ни я ни к кому, ни ко мне никто. Солнышко вышло — все вылезли и разбежались. Тараканьи бега начались. К вечеру опять в кучу собрались — и снова по щелям, по норам: кто сериальчик, кто футбол, кто новости смотрит, кто у компьютера до утра торчит, кто пьяный вдрызг валяется, кто с «телочкой», вроде тебя, в постели кувыркается. Редко когда вылезут из своих нор, соберутся вместе, да и то, чтобы перегавкаться, обгадить друг друга, перемыть кости — вот и все общение. Короче, настоящая тараканья жизнь. Люди могут годами жить и не знать, кто у них сосед слева или справа. Год назад прямо под нами жила одна бабушка. Как она жила, с кем, кто она такая — никто не знал. Спохватились, когда из-под ее дверей по всему дому потянуло трупным душком. Сразу полиция примчалась, движуха началась, взломали дверь — а она, оказывается, уже две недели, как Богу душу отдала. Ах да ох, как же так! Сын рядом, соседи еще ближе, и никто, видите ли, не наведался, никто не поинтересовался, почему эта старушка давненько во двор не выходит и вообще из своей конуры не выглядывает, почему ее дверь не скрипит, почему ключ в замке не ворочается, почему ее шагов, голоса за стенкой не слышно. Короче, настоящие тараканы…

— Но на вашей площадке живет один, как вы говорите, «таракан», который играет на скрипке.

Или он на другом этаже?

— О ком ты? Палата номер шесть? Ольга не поняла, о чем речь.

— Ты, наверное, спрашиваешь о «чуде в перьях». Да, есть такой на нашей площадке. Пиликает, пока ему в стенку, в пол, в потолок или прямо в дверь не постучат, чтобы прекратил свои концерты. В шестой квартире живет, его окошко смотрит во двор аккурат со стороны ржавой водосточной трубы. Маленькое такое, крошечное, там еще возле форточки кормушка для птиц висит, а вся стена ими обгажена.

— Да-да, оттуда я и слышу эту скрипку.

— Ну и? — Надя снова сделала глубокую затяжку и выпустила дым через ноздри. — Скрипку, что ли, любишь? Или скрипачей?

— Ни то, ни другое. Но он так душевно играет, что…

Когда она первый раз услышала эту скрипку? Кажется, в первый же вечер, когда вместе с Максом приехала к нему. Между ними не было никакой недосказанности, оба предвкушали бурную ночь, оба горели желанием отдаться бушевавшей в них страсти. Окружающий мир для них перестал существовать. На ходу щелкнув кнопкой автосигнализации, Максим схватил Ольгу за руку, потом за талию — и в таком безумном порыве, хохоча и дурачась, увлек ее через тесный двор к своему подъезду. Ольга не сопротивлялась: ей нравилась напористость этого парня, которого час назад впервые увидела в пелене табачного дыма ночного клуба; ей нравились его сильные мускулистые руки, его наколки на плечах, руках, на шее; ей нравилась его смелость, бесцеремонность, даже наглость, цинизм — нравилось все. Она бежала за ним, вся в его власти.

И тут Ольга споткнулась… Нет, не о камень или еще обо что-то. Она споткнулась о звуки, лившиеся из маленького окошка на третьем этаже — тихие, очень печальные, полные невыразимой грусти о чем-то неземном. Звучала скрипка: запись ли, живым ли исполнением — непонятно. Наверное, такие волшебные звуки заставили бы остановиться любого, кто очутился здесь в это время, но почему-то остановилась только Ольга. Она удивленно посмотрела наверх.

— Что там?

— У меня музыка веселее, — Максим потянул Ольгу к двери подъезда. — Идем быстрее.

Но та продолжала стоять.

— Погоди, не могу понять…

— Да брось ты этого Моцарта, — Максим обнял ее за плечи и увел силой. — Сейчас такой «концерт» будет, что…

И побежали по деревянной лестнице.

Утром Ольга не слышала, когда Максим поднялся и ушел.

«Наверное, вызвали», — подумала она, вспомнив, что он рассказывал о срочных звонках, когда подворачивался выгодный клиент.

Только сейчас огляделась: вчера вечером и почти всю ночь было не до этого. На столе возле

окна стояла откупоренная бутылка шампанского, пустая бутылка из-под пепси, два бокала, один опрокинутый и разлитый, рядом на блюдечке — нарезанный на четыре большие дольки апельсин, надкушенная шоколадка, рассыпанные по полу сигареты… Обстановка — почти никакая: старый скрипучий диван на пружинах, старый шкаф, стол, пара стульев, табурет, полка, заставленная рюмками, тарелками, коробочками из-под чая и кофе, в углу — видавший виды тарахтящий холодильник, на подоконнике — электрический чайник, пара фарфоровых чашек, керосиновая лампа, будильник.

Ольга потерла виски, чтобы отогнать от себя все, что внутри еще продолжало петь, плясать, хохотать, горланить, бить в барабан, сверкать разноцветными огнями. К ним добавлялись звуки, доносившиеся через тонкие перегородки этого коммунального жилища: где-то плакал ребенок, откуда-то слышалась грязная мужская брань и женский плач, сверху гудел пылесос, а через раскрытое окно пробивалось пьяное бормотанье заблудившегося ночного гуляки.

И тут до слуха Ольги снова донеслись звуки скрипки: такие же тихие, нежные. Поначалу Ольге показалось, что это обрывки воспоминания вчерашнего вечера. Но звуки лились и лились, ища себе выход из той тесной комнатки, где рождались, пробиваясь через щели, форточки, заклеенные пленкой и приоткрытые окна. Ольге почему-то показалось, что эти волшебные звуки слышит лишь она, что лишь для нее одной играл скрипач, желая сказать своей музыкой что-то очень важное, очень личное, глубоко сокровенное и тайное.

Из этого состояния ее вывели стук в перегородки и истошные крики:

— Выключи свою шарманку, скотина! Дай поспать!

Даже тот выпивоха, который свернулся калачиком во дворе, вдруг поднялся и закричал:

— Эй, артист, выгляни в окно, чтобы я знал, куда запустить вот этим кирпичом! Выгляни или заткнись!

Волшебные звуки утихли… Вместо них снова все наполнилось детским плачем, мужской бранью, звяканьем кастрюль, шансоном из радиоприемника, бренчанием расстроенной гитары.

Позже Ольга часто слышала эту скрипку: почти каждый раз, когда приходила к Максу и оставалась у него на ночь. Как-то она спросила, кто этот таинственный скрипач, на что Максим отделался шуткой:

— Тебе что, нравится под скрипку? Ты извращенка?

Больше она не расспрашивала. Но в разговоре с Надеждой вдруг снова вспомнила о том скрипаче.

— Кто он такой? Не то Лукич, не то Фомич… Пес его знает…

Надя безнадежно махнула рукой:

— Таких сумасшедших одиночек, которые «тихо сам с собою», нынче хватает: один на скрипке пиликает, другой на дудочке играет, третий стишки пишет, четвертый под себя ходит… Дети выросли, старики им не нужны, внукам подавно. Найдут им какую-нибудь клетушку — и будьте здоровы, живите богато. А то и вовсе в богадельню, в интернат сдадут, чтобы на казенные деньги их кормили, задницы вытирали, подмывали и досматривали до гробовой доски.

— Он музыкант? — Ольге хотелось узнать больше об этом незнакомом человеке.

— Говорю же, пес его знает: музыкант, официант… В больших профессорских очках. Грамотный, видать. Он редко из своей норы высовывается: чаще всего, когда все спят или по делам разбежались. Спустится в магазин — и так же тихонько к себе с сеточкой в руке. Я не помню, чтобы к нему гости приходили. Захаживал, правда, такой же «музыкант», о чем-то они подолгу толковали, чаевничали. Но давненько не видать. Наверное, врезал дуба. И этого «Моцарта» вынесут, а кого-то нового внесут доживать век в этом гадючнике.

— Интересно, а… — Ольга хотела спросить еще, но Надежда широко зевнула и не дала ей договорить:

— Слушай, девочка, выпить со мной ты не хочешь, а я не хочу отвечать на твои глупые вопросы о каком-то старом импотенте. Уволь меня от этих разговоров. Я их наслушалась до тошноты, пока в проводницах была. Пойду баиньки. Да и тебе нечего засиживаться: вода, поди, давно остыла…

Она в последний раз глубоко затянулась и привычным движением пальца примяла папиросу, потом кинула ее в железную кружку, служившую пепельницей, и таким же привычным плевком затушила струйку табачного дыма.

— Не забудь выключить свет, — сказала она, покидая кухню, — не то сюда не будут пускать. Тараканы тьму любят: помни это.

2

Роман Ольги с Максимом продолжался.

Хотя романом это трудно было назвать — скорее, затянувшийся флирт. Похожие увлечения у обоих проходили быстро — как и начинались. Обоих вполне устраивало все, что их связывало: страстные отношения, короткие паузы между которыми заполняли совместные походы по ночным клубам, отдых где-нибудь за городом, общение с друзьями. Ольга взяла на себя нехитрые обязанности временной хозяйки: готовила, прибирала, делала обычные постирушки. Максим же, со своей стороны, считал вполне достаточным привозить заработанные деньги, не требуя отчета, куда, на какие нужды их тратит Ольга. Лишь однажды Максим предложил:

— Переезжай ко мне.

— Как? — удивилась Ольга.

— Насовсем.

— В роли кого? Любовницы?

— Замяли… — уклонился от прямого ответа Макс и больше не возвращался к этому разговору.

Возможно, Ольга и не была прочь перебраться к нему, скажи он обо всем более понятно. Ну, переедет, а завтра он приведет новую подружку — и куда деваться? А то, что такая соперница не появится, не факт. Да, Макс ее устраивал: он был и ласков, и страстен, и щедр, и весел… Но с ней ли одной? Для нее ли одной жил такой завидный любовник?

«Мне двадцать пять, — раздумывала Ольга. — Есть два-три года в запасе, чтобы не ты на мужиков, а мужики на тебя пялили глазки. Дальше что? Судьба несостоявшейся стюардессы Нади, которая живет через дверь? Папироса в зубах, бутылка недопитого портвейна в шкафу, банка кильки в томатном соусе, пачка грузинского чая — и вся радость? Надя ведь тоже

мечтала о чем-то большем, высоком, когда была молода, здорова и красива. И чего добилась?»

Возле Максима ее ничто не держало. Ничто не мешало ей сказать ему: «Па-па!» и поискать кого-то другого для серьезных отношений. Но Ольга не спешила уходить отсюда. Что-то держало ее здесь, звало каждый раз, когда она собиралась после работы в свою общагу. И причиной этому был не Макс, а все та же таинственная скрипка, волшебная музыка, которую Ольга хотела слушать снова и снова, очарованная ее необъяснимой, поистине магической, красотой и силой. Когда отовсюду раздавались стуки и крики с требованием прекратить эту игру, Ольге самой хотелось крикнуть: «Заткнитесь вы там!», чтобы молча сидеть, облокотившись на стенку или лежа на старом диване, и слушать, слушать, слушать, ни о чем не думая, наполняясь этой музыкой, растворяясь в ней. Но Ольга понимала, что здесь она бесправна: ни в отношении Макса, ни в отношении всего остального — даже этой музыки. Оборвалась — и что? Просить на «бис»? Тебя соседи так отсюда «попросят», что больше не сунешься.

Расспрашивать других соседей о скрипаче? Зачем? К нему и к его «скрипичным концертам» никто не питал симпатий. Поэтому Ольга все сильнее загоралась желанием сама попасть к нему, лично познакомиться, все увидеть и обо всем узнать. И такая возможность у нее появилась.

Как-то она осталась у Максима на целый день: у нее был отгул, Макс умчался по срочному вызову — делай, что хочешь. Пролежав всласть целое утро, Ольга решила встать и пойти на кухню. В это время, она знала, все здешние обитатели, кроме глубоких стариков и маленьких детей, разбегались по делам. Можно спокойно побыть на кухне, никому не мозоля глаза, не слыша за своей спиной язвительных шепотков и усмешек.

«Сварю суп», — подумала Ольга и вышла в коридор. На кухне возле газовой плиты хозяйничал незнакомый старичок, которого она раньше не видела. Он тоже что-то варил, неторопливо помешивая в кастрюльке самодельной деревянной ложкой.

— Доброе утро, — поздоровалась Ольга.

Вместо ответного приветствия старичок вдруг сжался и засуетился, извиняясь за то, что занял место:

— Ой, я сейчас, сейчас… Уже закипает.

— Ничего, я не спешу, — Ольга присела у стола.

Старичок был сутулый, в старой пижаме, поверх нее набросил такую же старую кофту домашней вязки, на ногах толстые шерстяные носки, тоже грубой домашней вязки.

«Как ему не жарко, когда на дворе лето, да еще возле самой плиты?» — подумала Ольга, смерив незнакомца с головы до ног.

— Пар костей не ломит, — как будто прочитав ее мысли, сказал тот, не поворачиваясь и по-прежнему суетясь у своей кастрюли. — Особенно таких старых и больных костей, как в моем возрасте. Простите, еще несколько минут…

И повернулся в вполоборота. Ольга успела увидеть его старческое морщинистое лицо в больших очках с толстыми стеклами, с зачесанными назад редкими седыми волосами.

— Ну, вот и все, — сказал он, накрывая кастрюльку крышкой и выключая газ. — Простите ради

Бога, что заставил ждать…

Он обернул ручки кастрюли полотенцем, чтобы снять с плиты, но едва попытался поднять, как охнул и от боли даже присел:

— Опять эта поясница… Что ты будешь делать? И позвать некого…

— Как некого? — откликнулась Ольга. — Я, вроде, здесь, никуда не делась.

— Неудобно как-то, — смущенно улыбнулся старичок. — Вы молодая девушка, к тому же мы незнакомы.

— Ничего страшного, — Ольга подошла к плите и взялась за кастрюлю. — Идите вперед, показывайте дорогу, я за вами.

— Не знаю, как вас благодарить, — еще больше смутился старик и пошел первым.

Ольга не заметила, что вошла в комнату, на дверях которой выцветшим фломастером был написан номер 6: та самая «палата номер шесть», по рассказам ночной собеседницы Нади. Поставив горячую кастрюлю на керамическую подставку, Ольга собралась вернуться на кухню, но старичок остановил ее и улыбнулся:

— Я придумал, как отблагодарить вас. Приглашаю отведать моего супчика. Очень прошу: не откажите старику. Я даже не помню, когда у меня последний раз были гости.

Ольге неловко было отказаться.

— Ну, что ж… Пожалуй, не откажусь позавтракать в компании с вами. Или уже время обедать?

— Какая разница? — махнул рукой старичок и засуетился, накрывая на стол.

Пока он доставал из буфета тарелки, ложки, нарезал аккуратными ломтиками ржаной хлеб, Ольга осмотрелась по сторонам. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые книгами: толстыми, тонкими, потрепанными, в обложках и без них, одна на одной, аккуратными стройными рядами и втиснутые друг к дружке. Стопки книг виднелись на шкафу, лежали связанными пачками на полу, выглядывали из-под кровати.

«Библиотекарь, наверное, — подумала Ольга. — Или писатель».

Поверх стеллажей, на самих стенах, было несколько портретов — тоже очень старых, пожелтевших от времени, в потемневших рамках: интеллигентные лица разных возрастов, очень благообразные, степенные. Сразу было заметно, что все эти люди — не из нашего времени, вообще из другой, давно ушедшей эпохи.

Мебель, которой было обставлено жилище гостеприимного старика, тоже казалась привезенной сюда из антикварного магазина или музея: такую мебель — стулья с резными высокими спинками, широкий стол с точеными ножками и инкрустацией, этажерки с книгами и фарфоровыми статуэтками, оббитый кожей диван — нынче можно увидеть только там, в магазинах антиквариата или в музеях.

Но больше всего Ольгу удивил иконостас: небольшой, но очень изящный, светлый, сияющий, сам по себе излучающий свет. Несколько образов старого письма: Христа Спасителя, Божьей Матери «Казанская», Крестителя Иоанна, святителя Николая Чудотворца и еще нескольких

святых — все иконы висели в строгом порядке на восточной стене возле окна, перед ними с потолка свисала лампада из толстого красного стекла, а рядом на маленьком столике лежали несколько священных книг.

«Кто же этот старикан? — терялась в догадках Ольга. — На попа не похож: те бородатые, с большими животами, и живут не в таких трущобах. Тогда зачем ему столько икон? Может, богомол из каких-нибудь сектантов? Или псих-одиночка?»

Между тем хозяин достал из буфета хрустальный графинчик и, налив оттуда в две серебряные стопки, с улыбкой сказал:

— Для начала: меня зовут Арсений Ильич, а фамилия дворянская — Балашов.

Ольга тоже улыбнулась:

— А я просто Оля, и фамилия моя простецкая: Рябцева.

— Вот за это немного выпьем, — предложил Арсений Ильич, поднимая свою стопку. — Туг замечательная домашняя наливка, держу для таких вот радостных в моей одинокой жизни случаев.

Ольга снова улыбнулась, вспомнив, как ей за знакомство предлагала выпить Надя.

— Разве что по чуть-чуть, — она подняла стопку и пригубила.

Наливка удивила насыщенным ароматом и необыкновенным вкусом, в котором чувствовалось столько всего, что Ольга не могла определить, сколько и какие компоненты она содержит.

— Это очень старый рецепт от многих болезней и вообще для хорошего настроения, — хозяин не стал раскрывать секрета. — Не бойтесь, от него не пьянеют.

Потом он достал половник и налил гостье и себе по половине тарелки горячего супа. Отведав его, Ольга не сдержала удивления:

— Вкусно-то как! Это тоже какой-то особенный рецепт? Тоже старый?

— Нет, — добродушно рассмеялся Балашов, — это грибы. Причем, не из-под парниковой пленки и не из супермаркета, а из настоящего леса. Подарок моих друзей-сибиряков. Жаль, что они слишком далеко, их грибы поддерживают мои силы…

— Неужели кроме друзей, которые живут в Сибири, о вас некому позаботиться? — удивилась Ольга.

— Как же? Есть, — серьезно ответил Арсений Ильич. — Если бы не было, то…

— Наверное, дети, внуки?

— Нет, Олечка. Обо всех нас, в том числе обо мне, заботится Господь. Лучше Него не позаботится никто, даже самые родные и близкие люди.

Ольга прыснула со смеха.

— Вас это развеселило?

— Простите, — Ольга вытерла тубы салфеткой, — наверное, я еще слишком мало жила на свете, чтобы поверить в это. Пока что мой жизненный опыт научил меня обратному: если ты не позаботишься сам о себе, о тебе никто не позаботится.

Арсений Ильич не стал спорить, ожидая, что его гостья скажет дальше.

— Мне кажется, для того, чтобы в Бога верить серьезно, тем более надеяться на эту веру, необходимо какое-то чудо, какая-то острая нужда. Для чего мне Бог, разные там боги с богинями, когда я сама себе «бог»? Что хочу — то и делаю, с кем хочу — с тем и общаюсь, во что хочу — в то и верю. Или не так?

Балашов по-прежнему молчал.

— Возможно, я бы и поверила во что-то эдакое высокое, божественное, — Ольга глубокомысленно покрутила ладонью, — если бы меня этому научили, воспитали, если бы на эту тему со мной много беседовали в детстве, если бы встретились по-настоящему верующие люди. А так… В школе учили, что никакого Бога нет, что человек вышел из обезьянника. Дома тоже ни о чем таком не говорили, потому что я из очень простой деревенской семьи: когда в хозяйстве напашешься, не до разговоров на разные пустые темы. Помню, покойная бабушка хотела говорить со мной о чем-то духовном, но дед сразу затыкал ей рот и начинал горланить:

Никто не даст нам избавленья.
Ни Бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

— Добивайся всего сама, ни на кого не надеясь, — вот и вся моя наука о Боге, — развела руками Ольга.

Балашов улыбнулся:

— Ясно. С дедушкой, которые пел такие революционные песни, у вас полное совпадение взглядов, да?

Ольга пожала плечами:

— Я верю жизни. Больше всего я верю ей. Чего добилась, что заработала — то и мое. Причём туг Бог? Зачем Он мне? Зачем я Ему? Какие у нас отношения?..

Балашов задумчиво смотрел на Ольгу.

— Я вас расстроила, обидела? — тихо спросила она, не понимая внутреннего состояния сидящего перед ней старика.

— Что вы? Совершенно меня не обидели и не расстроили, — улыбнулся Арсений Ильич. — Я слушал вас, а вспоминал себя, потому что в ваши годы тоже не задавался ничем, что выходило за рамки моих взглядов, убеждений и жизненного опыта: я был молод, красив, весел, удачлив, влюбчив, многим дарил цветы и нежные слова… Потом была семья, серьезная работа. Зачем мне Бог, когда я многого добился собственным трудом и упорством? И вообще смешно просить Бога о том, что обязан делать ты сам. Меня всегда удивляли верующие люди, не понимавшие этой простой правды. Бог непременно придет на помощь, когда ты крепко веруешь в Него и когда сам уже исчерпал собственные силы. Но тогда я тоже, как и вы, был «божком»: уверенным в себе, полным энергии, молодецкого задора, огня, в почете и в славе. Наверное, я

оставался бы таким и теперь, если бы…

Он замолчал.

— Что, «если бы»? — заинтересовалась Ольга.

— Об этом как-нибудь в другой раз, хорошо? — Балашову не хотелось загружать свою гостью сложными разговорами. — Мне неудобно, что я оторвал вас от дел, которыми вы хотели заняться.

Ольга встала и подошла к стеллажам, заставленным книгами. Чего здесь только не было! Разные энциклопедии, словари, научные справочники, книги с незнакомыми научными словами, книги на разных иностранных языках… Отдельно стояли книги религиозного содержания: в красивых переплетах с золотым тиснением, некоторые очень старые, с пожелтевшими, выцветшими обложками. Здесь же Ольга увидела несколько научных томов, на корешках которых стояла фамилия Балашов. Ей захотелось спросить, кто был их автор — Арсений Ильич или же однофамилец, — но постеснялась.

— Спасибо за угощение, пойду, — Ольга повернулась к двери и только сейчас увидела скрипку, аккуратно прислоненную в углу к стенке. Рядом стоял ее черный футляр.

Она прошептала:

— Это вы?..

— В каком смысле? — не понял ее удивления Балашов, занятый уборкой на столе.

Ольга кивнула на скрипку. .

— Вот оно что… — смутился Арсений Ильич. — Действует на нервы, да? Простите… Я стараюсь играть как можно тише.

— Нет-нет, — остановила его Ольга, — не действует. Наоборот… Я не разбираюсь в серьезной музыке, очень далека от нее, как и от веры в Бога, но ваша музыка трогает душу, заставляет ее…

Ольга запнулась. Она сама не могла понять, что делает с ней эта музыка: заставляет о чем-то думать, о чем-то плакать, трогает неведомые струны души, привораживает, зовет к себе?..

Ольга подошла ближе и нежно провела по струнам:

— Можно, я…

— Конечно! — обрадовался Балашов. — Вы хотите сыграть?

— Нет, я не музыкант…

Ольга еще раз провела пальцами по упругим струнам, потемневшей матовой полировке.

— Это очень старый инструмент, — сказал Арсений Ильич, взяв скрипку. — Мне оставил ее знакомый сосед еврей, когда я жил не тут, а в другом месте. Он был прекрасным человеком и талантливым скрипачом.

— А вы тоже музыкант? Как же наука? Вы ведь рассказывали, что занимались наукой.

Балашов добродушно рассмеялся:

— В любой науке, в любом деле, если им заниматься серьезно, с душой, есть своя музыка. Но в моей жизни эти две стихии — наука и музыка — долго соперничали: каждая тянула меня на свою сторону, я разрывался между ними, не зная, кому отдать предпочтение, за кем идти. В конце-концов наука взяла верх, но с музыкой, как ни странно, она нашла полное согласие. Более того, благодаря им обеим я открыл для себя главное дело своей жизни — познание Бога. Наука стала, образно говоря, той дверью, за которой я увидел величайшую тайну, непостижимую без веры в Бога-Творца. А музыка стала тем языком, с которым моя душа общается с Ним, когда не хватает слов. Ведь человеческое слово очень ограниченно, скудно, чтобы вместить в себя все, что хочет выразить душа. Звук же не требует никаких слов: он сам — слово. Мелодия способна выразить так много оттенков душевного состояния, что на это не хватит всех книг. Не случайно святой Пророк Давид, сам бывший искусным музыкантом, призывает славить Бога не только словом, но и со звуком трубным, на псалтири и в гуслях, на тимпане, на звонких кимвалах.

— Странно…

— Что именно?

— Вера, наука, скрипка… Не пойму, что между ними общего?

Балашов ласково посмотрел на нее.

— Признаюсь, я тоже кое-чем удивлен…

— Чем же?

— Тем, что вас тронула эта музыка. Вас саму это не удивляет? Всех она почему-то сильно раздражает, всем мешает, а вас трогает. Не странно ли это?..

3

Прошло время. Ольга по-прежнему продолжала встречаться с Максимом, и часто оставаться у него на ночь, а то и жить по нескольку дней, если набегали отгулы. Знакомство с Балашовым не оттолкнуло от него, она вспоминала о том, что увидела в его тесной заставленной комнатушке, что услышала, что узнала. Она ловила себя на мысли, что снова хочет услышать ту тихую музыку, понять ее смысл, понять душу и настроение самого скрипача, снова встретиться с этим одиноким человеком — ученым, музыкантом, философом, пообщаться с ним, даже поспорить… Балашов, однако, нигде не появлялся: ни на кухне, ни в коридоре, ни во дворе. И его волшебной скрипки почему-то не было слышно. Возможно, он заболел или с ним стряслась беда? Но Ольга не решалась спросить об этом Макса или соседей, живших через стенку. Она знала, что, кроме насмешек, эти вопросы ничего другого не вызовут.

Как-то Максима снова срочно вызвали: нужно было поспеть в аэропорт на международный рейс. Туда и назад — почти целый день в пути. Он ушел еще до рассвета. Ольга осталась одна. Спешить было некуда: выходной. Всласть выспавшись, она пошла на кухню что-нибудь приготовить. Есть с утра тоже не хотелось. Но, чтобы побаловать Максима, когда тот уставший возвратится домой, решила пожарить рыбу в кляре — одно из любимых его блюд.

Почти все она сделала прямо в комнате: достала рыбу из холодильника, разморозила, потом в мисочке взбила негустое тесто, смешала с яйцом и майонезом. Осталось обмакнуть каждый

кусочек рыбы, дать стечь лишнему тесту — и на сковородку. Она взяла миску, порезанную рыбу, масло и пошла на кухню. Там никого не было. Ольга включила горелку и, разогрев сковородку, стала выкладывать кусочки рыбы в тесте. Перевернув один за другим, чтобы хорошо прожарились, она сложила их на широкой тарелке, накрыла салфеткой и понесла назад. Потом возвратилась на кухню и заварила чашечку кофе: обычно с него она начинала свое утро. И тут глянула на дверь, за которой жил Балашов.

«Может, проведать его? — подумалось ей. — Вдруг человек нуждается в помощи? Что плохого, если навещу?»

Она допила кофе и, положив несколько долек приготовленной рыбы на отдельную маленькую тарелочку, украсила блюдо дольками нарезанного лимона и листочками зелени: так она делала всегда перед тем, как подать на стол. Взяв, она подошла к двери Балашова и тихонько постучалась. Никто не отозвался, хотя дверь оказалась не заперта: она приоткрылась.

«Он, случаем, не умер?» — со страхом подумала Ольга и постучалась снова: на этот раз настойчивей и громче.

— Открыто, — раздался изнутри болезненный старческий голос.

Ольга вошла.

Арсений Ильич лежал на своем кожаном диване, накрытый шерстяным клетчатым пледом, под головой — скомканная подушка, рядом на табурете — стакан воды, какие-то таблетки, книга в темном переплете с закладкой, поверх нее — очки. Балашов тяжело дышал.

Ольга подошла ближе:

— Вам плохо?

— В мои годы, Олечка, по-другому быть не может. Это естественно. Говорю вам как человек, научно изучавший законы развития всего живого.

Ольге хотелось помочь старику:

— Может, вызовем врача на дом или сразу «скорую»?

— Зачем их понапрасну беспокоить, когда я сам врач? — улыбнулся Балашов. — Сердце — такой интересный человеческий орган, который ничем не заменить. Многое в нашем организме можно чем-то заменить или вообще без него обойтись, а вот без сердца никак. Это как двигатель в машине. Пришло время: последний раз «тук-тук, туктук» — и остановилось, как часы, у которых кончился завод или разрядилась батарейка.

— Первый раз вижу пожилого человека, чтобы так равнодушно относился к собственному здоровью, — удивилась Ольга. — Обычно люди цепляются за жизнь, за любой шанс пожить даже в безнадежном состоянии.

— У нас, Оля, ничего собственного нет. Ни здоровья, ничего остального — все Божье, от Бога.

Ей не хотелось спорить.

— Между прочим, я пришла вас кое-чем угостить. Вы меня угощали прошлый раз, я же — теперь. Кстати, когда вы последний раз ели? Вас что-то не видно и не слышно: ни на кухне, ни

в коридоре — нигде. Чем вы питаетесь?

— Много ли нужно старику? — с улыбкой ответил Арсений Ильич. — Пожевал того, сего, попил водички — и хватит.

— Но от моего угощения, надеюсь, не откажетесь? — Ольга поставила тарелку, помогая Балашову сесть удобнее.

Пока тот медленно ел, Ольга повернулась к этажеркам с научными книгами, стоявшими за спиной. И опять увидела на нескольких корешках фамилию их автора: «А.И. Балашов».

— Хотите, я подарю вам любую книгу из моих научных трудов? — спросил Арсений Ильич, заметив интерес на лице Ольги.

— Я там ничегошеньки не пойму, — махнула она, — такие книги не для моего бедного ума.

— Я раньше тоже думал, что ничего не пойму в серьезной науке, а потом так увлекся ею, что захотелось добавить что-то свое к тому, что уже было исследовано и сказано до меня другими учеными.

Он потянулся к этажерке и вытащил из стопки книг одну в эластичном кожаном переплете:

— Тогда вот вам книга, для которой много ума не нужно.

Ольга взяла и, прочитав название, усмехнулась: это было Евангелие.

— Эта святая книга постигается не столько умом, сколько непосредственно жизнью, — понял ее скепсис Балашов. — Она сама открывает свою премудрость тем, кто старается жить по принципам, которые там написаны. И писали эту священную книгу не какие-то грамотеи, не писатели-фантасты, не академики, не богословы, а малограмотные, малообразованные люди. Их умудрил Дух Святой, а уже через них — весь мир.

— И вы, образованный человек, ученый, верите всему, что там написано? — Ольга посмотрела на Балашова с нескрываемой иронией.

— Верю, — спокойно ответил он. — Каждому слову верю. Вам тоже советую прочитать. Не сомневаюсь, что там найдется что-то такое, что станет интересным, поучительным и для вас. Это ведь Книга книг, высшая премудрость, ключ к пониманию глубоких тайн любой частной науки, любого вопроса, который возникает у людей.

Ольга покачала головой:

— Вот уж не думала, что буду сидеть рядом с ученым, автором серьезных книг, а он будет мне рассказывать…

Она кивнула на Евангелие.

— …дедушкины сказки? — рассмеялся Арсений Ильич.

— Что-то в этом роде, — кивнула Ольга.

— Я посмеивался точно так же, — вздохнул Балашов. — И над этой книгой, и над теми, кто ею жил, ею дышал, кто тайно — потому что в советское время это нельзя было делать открыто, — советовали ее почитать. Кому? Мне, маститому биологу, атеисту, готовому посмеяться над

всем, что тоже представлялось сказкой, выдумкой, глупостью, басней — чем угодно, только не основанием для серьезного разговора.

— И что же вас развернуло на сто восемьдесят градусов, разуверило в науке, заставило идти на попятную?

— Не совсем так, — задумчиво ответил Балашов. — На попятную я не пошел. Я остался в науке, был по-прежнему исследователем, но однажды встретил удивительного человека, и знакомство с ним, а потом и дружба в корне изменили мои прежние взгляды, всю мою жизнь.

— Наверняка это был кто-то из…

Ольга изобразила на себе длинную бороду, намекая на священника.

— Нет, — засмеялся Арсений Ильич, — он не был ни священником, ни проповедником, ни «свидетелем» — вроде тех зазывал и агитаторов, которые теперь ходят по улицам, по домам, по квартирам с разными книжонками, листовками, цепляются, чтото тараторят, приглашают на свои собрания, обещают кучу всего: и богатство, и здоровье, и успех, и долгие лета, и счастье в личной жизни. Это был самый обыкновенный и в то же время необыкновенный человек. Обыкновенный внешне: с приятным интеллигентным лицом, но не красавец, слегка прихрамывал — следствие ранения на войне, жил в еще более тесной комнатке, чем моя лачуга, его жилище напоминало настоящий проходной двор. Люди к нему шли непрерывным потоком день и ночь, не давая покоя ни ему, ни соседям. Что ни делали: и ругались, и заявляли на него, а люди шли и шли, в том числе большие чины, партийные работники.

— Чем же он их к себе притягивал? — заинтересовалась Ольга. — Тоже играл на скрипке?

— Нет, и скрипачом он никогда не был. Это был замечательный врач, из старого поколения: с большим опытом, чуткий, внимательный.

— Ну, хорошие врачи, наверное, и сейчас есть? — возразила Ольга.

— Безусловно, есть. Но таких личностей, как та, о которой я рассказываю, — звали его Николай Васильевич Мурагин, — я больше не встречал. И дело не только в том, что он был врачом с большой буквы, врачом от Бога. Меня пленил его внутренний мир, его божественная душа…

— Как же вам удалось ее разглядеть? Под своим микроскопом? — съязвила Ольга.

— Сам не знаю. Мы были немного знакомы, часто встречались по утрам, когда садились в трамваи: на одной остановке садились, на одной выходили. Пока ехали, перекинемся словцом о том, о сем.

— И о вере в Бога не говорили?

— Ни словечка. Меня эта тема совершенно не интересовала, даже косвенно. Он же, повторяю, не был похож на людей, которые при первом знакомстве начинают навязывать свои религиозные взгляды, сразу куда-то тянуть, в чем-то горячо убеждать. О чем говорят люди в городском транспорте? Погода, последние известия, новости, городские сплетни: там отключили, там посадили, там назначили… И мы о том же. Потом вместе выходили: я к себе на работу в институт, в научную лабораторию, а он… Мне тогда было очень любопытно, куда он идет почти каждое утро. Почтенный возраст, глубокий пенсионер — ему-то куда спешить по утрам? И однажды — прости меня, Господи, — я решил проследить, подсмотреть, куда он

направляется. Каково же было мое изумление, когда я увидел, как он входит в большие ворота церковного двора, а оттуда в храм — единственную в то время действующую церковь, стоявшую сразу за углом нашего института. Она и сейчас там стоит: белокаменная красавица, словно резная. Он в церковь, я тихонечко, незаметно, как шпион, за ним. Смотрю и не верю своим глазам: Николай Васильевич опускается на колени перед образом Божьей Матери и начинает истово молиться. Мне подумалось: загорись в этот момент что-нибудь рядом, взорвись, обвались, — он головы не повернет, ничего не услышит. Он весь растворился в молитве, в разговоре с Христом, с Его Пречистой Матерью. О чем он говорил с Ними? Наверное, не о тех пустяках, которые были темой наших разговоров в трамвае по дороге сюда. Это открытие потрясло меня. В моем убогом представлении верующие в Бога были люди дремучие, невежды, во всем отсталые, фанатики, психически ущербные. А тут передо мной на коленях стоял человек, которого знал весь город, ценил его опыт, знания, интеллект. Зачем ему Бог? О чем с Ним говорить?

Арсений Ильич ласково посмотрел на свою собеседницу:

— Вам бы, Оля, нашлось, о чем говорить с Богом?

Та на секунду задумалась:

— Чтобы с Ним говорить, я должна в Него поверить. Во-первых, поверить, что Он есть. Я ведь не могу говорить, например, с дедом Морозом, со Снегурочкой, с бабой Ягой, просить их о чем-то? Если узнают, что этим занимаюсь, сочтут, что я впала в детство или вообще сошла с ума.

— Сочтут, — согласился Балашов. — Непременно сочтут. И такими сумасшедшими людьми в то время считали всех, кто верил в Бога, кто шел в храмы или молился тайно у себя дома. Этих людей осмеивали, отовсюду гнали, преследовали, сажали в тюрьмы, даже расстреливали… — Однако ваш друг избежал всего этого. Более того, вы говорите, что он был известным, уважаемым человеком.

— Да, частично избежал.

— Как это? — удивилась Ольга.

— Уже позже, когда мы сблизились, когда с его помощью я нашел свою дорогу к Богу, он приоткрыл мне некоторые эпизоды из своей жизни, которые меня ужаснули: его тоже гнали, над ним тоже смеялись, издевались, заставляя публично снять с себя крест и отречься от Бога. От него ушла любимая жена, отказались дети — и только потому, что лично он не отказался от Бога, от своей веры в Него.

Балашов перекрестился:

— Вечная ему память… С ним все-таки считались, как с опытным врачом: и на войне, где он помогал раненым бойцам — не в глубоком тылу, а на передовой, — и уже после войны, когда был направлен в городскую больницу. Везде и всегда он оставался человеком глубокой порядочности, скромности и глубокой веры: в нем не было ничего показушного, ради людской славы, хотя таким людям есть чем гордиться. Многие из знакомых и близких считали его недалеким, непрактичным человеком, таким себе недотепой. Ведь через его руки шли немалые суммы, люди не скупились, хотели отблагодарить доктора за добро, которое он им дарил. На те деньги он мог бы обеспечить себе безбедную жизнь, спокойную старость, а не коротать годы в клетушке без всяких удобств. А у него левая рука не знала, что делает правая: одной брал, чтобы не обижать людей, другой сразу раздавал — тем, кто в них остро нуждался, кто не имел

ни копейки на лекарства, на лечение. Бесплатная медицина и в то время существовала лишь на бумаге. Себе — ни гроша. Мало кто из его друзей и знакомых верил, что все, что он делал простым людям, было бескорыстным, искренним, от сердца. Многие судили по себе: дай им то, что давали моему другу, то купались бы в роскоши. Когда Николай Васильевич умер или, правильнее сказать, упокоился, почил от своих великих трудов, подвигов и скорбей, бывшие рядом с ним люди кинулись рыскать по всем ящикам, бумагам, даже вспороли матрас, подушку, на которых лежало его еще не остывшее тело: искали деньги, драгоценности, облигации. Не могли поверить, что главное свое сокровище он спрятал на небесах, куда ни вор не подкопается, где моль не подточит, ни плесень не съест. Не верили в его воинствующее бескорыстие, в доброту, считали жутким сквалыгой[1], скупердяем, а некоторые — просто дураком, не научившимся, как нужно жить. Его и хоронить-то не за что было. И не в чем. Что нашли в шкафу — в то и одели, что собрали по соседям — за то и похоронили, справили скромные поминки. Когда город узнал, что Мурагина нет в живых, его могилу засыпали живыми цветами. Принесли море цветов! И людских слез…

— Да, интересный человек… — задумчиво сказала Ольга.

— Не то слово! Великая личность. Пациенты, которые обращались к нему за помощью, на консультацию, считали его настоящим чудотворцем. Господь его руками творил настоящие чудеса: поднимал, казалось, неизлечимо больных, опровергал самые мрачные диагнозы, которые ставили светила медицины, вселял надежду безнадежно больным и слабым духом. Ему хватало завистников. Как только его не костерили, как только не называли! И шарлатаном, и самозванцем, и неучем, и разными другими недостойными словами. Он же ни перед кем не оправдывался, но делал свое дело, твердо уповая на Бога, на Его милость, на Его силу — и Господь ни разу не посрамил упования Своего слуги.

Балашов умолк.

— По-хорошему завидую вам, — вздохнула Ольга. — В моей жизни такие люди, к сожалению, не встречались. Мне кажется, их сейчас вообще нет, все они остались в том далеком прошлом.

— Почему вы так считаете? — возразил Арсений Ильич. — Они всегда были, всегда есть и будут до скончания нашего грешного мира. На таких светлых людях он еще удерживается для покаяния: они не только молятся за нас, но и подают живой пример, как надо жить с Христом, для Христа и во Христе — нашем Спасителе. Ведь одно дело рассуждать о Нем теоретически, абстрактно, умозрительно, другое дело — наполнить Им свою жизнь, взять свой крест и идти вслед Христу. Нам трудно, а то и вовсе невозможно повторить подвиги, о которых мы читаем в житиях святых. Но научиться всему у Христа можем: и терпеть, и прощать, быть великодушными, не лукавить перед собой и перед другими, то есть всем христианским добродетелям. Никто из знавших Николая Васильевича или его знакомых не мог припомнить случая, что видели его разраженным, обиженным, уязвленным. Напротив: он старался быть слугою всем, прежде всего своим обидчикам, кто посмеивался над ним, завидовал его популярности, почету и уважению среди людей, писал на него кляузы в разные инстанции. Николай Васильевич пленял всех своей простотой, искренностью, теплом. Эти душевные качества были прямым следствием его веры, желания подражать Христу. Ведь Господь оставил нам не какую-то тайную доктрину, а до предела простую и понятную людям заповедь: любить друг друга, нести тяготы друг друга — вот и весь Его завет. Дружба с Николаем Васильевичем неожиданно открыла мне тайну, почему христианство так быстро было принято миллионами людей, несмотря на жесточайшие гонения, мученичество. Язычники смотрели на первых христиан и удивлялись, как они любят — не только друг друга, но даже своих яростных врагов, гонителей, палачей. Любовь среди христиан была непостижимой для них, поэтому обращала к себе целые народы, континенты — без всякой агитации, листовок, концертов, как теперь.

— Да, интересный человек, — задумчиво сказала Ольга. — Хотелось бы встретить именно такого.

— Не удивляйтесь, но Господь Сам ищет таких людей, и когда находит, то радуется, помогает им во всем, слышит их молитвы, каждый их вздох, каждую просьбу. Думаю, что и вам посчастливится встретить настоящего христианина — и он увлечет вас: не собой, а Христом, Который живет в его душе, в его сердце. Так произошло и со мной, когда я увидел тот неземной свет, который горел внутри моего доброго друга Николая Васильевича.

Ольга хмыкнула:

— Вы думаете, что мне встретится такой человек? За какие, так сказать, заслуги?

— Ни за какие. У вас доброе сердце. В нем есть место для Бога. Много места. Нужно лишь открыть его дверцу — и Господь войдет туда.

Ольга засмеялась:

— У меня доброе сердце? Откуда вам это известно?

— Вы же пришли ко мне? Вспомнили одинокого старика, приготовили вкусное угощение, проведали.

— Наверное, на моем месте это сделал бы любой.

— Наверное, — грустно улыбнулся Балашов. — Но на вашем месте оказались только вы, Оля. Других, к сожалению, не нашлось…

4

Книга, которую Балашов подарил Ольге при встрече — святое Евангелие, — же тронула ее души. Несколько раз, оставаясь наедине у Максима, она открывала, пробегала по строчкам в надежде, что найдет какой-то эпизод, который ее захватит, увлечет, зацепит, как обещал Балашов, но этого не происходило.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть…»

«Муть… — вяло думала Ольга, листая книгу дальше. — Какое начало, где начало?..»

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя…»

«Кто же от кого рожал? Без женщин, что ли, обходились?..»

Накатывалась дрема, глаза слипались, Ольга проваливалась в какую-то бездну, тут же забывая о прочитанном: непонятном и невероятном — разных чудесах, исцелениях, наставлениях. Но общение с Балашовым продолжалось: Арсений Ильич так и лежал с больным сердцем, не вставая и никуда не выходя. Молчала и его скрипка. Когда Максим уезжал на целый день — а это случалось тоже частенько, — Ольга готовила больному соседу поесть, бегала за покупками в ближайший продуктовый магазин, коротала с ним время в непринужденных разговорах. Из

них она узнала, что Арсений Ильич стал одиноким по той же причине, что и его друг Мурагин: ни жена, ни дети не смогли смириться с тем, что глава их семейства, известный ученый поверил в Бога, изменил свое отношение к жизни, увидел в нем некий возвышенный смысл.

— Враг нашего спасения — дьявол — ничем не искушает нас, пока мы живем в его воле, остаемся безбожниками, — Балашову хотелось развеять недоумения Ольги. — Но стоит нам обратиться к Богу, даже вознамериться сделать это, — жди искушений, жди борьбы, жди плевков. И от кого? Прежде всего, от самых близких, родных людей, если те останутся жить в безбожии, увязнут в нем. Дьявол сумеет настроить их против нас, превратить сначала в мишень для насмешек, издевок, а потом и открытой вражды.

— Читайте, вникайте в великую Книгу, которая теперь есть у вас, — хотел убедить Арсений Ильич, глядя на неискушенную Ольгу, — она откроет много тайн и многому научит.

Увы… Ольга ничего не могла в ней понять, тем более поверить, сделать руководством в своей жизни.

«Сказки… — вяло думалось ей. — Бабушкины, дедушкины… Какая разница?..»

…Вечеринка обещала быть жаркой. Ольга поспешила в ночной клуб сразу с работы, чтобы успеть занять столик возле окна: оттуда тянуло приятной прохладой и не было так душно, как в глубине клуба. Макс должен был подъехать позже и отметить дату их знакомства: как-никак, а два месяца вместе.

Один за другим в зале появлялись знакомые и друзья, быстро занимая пустующие места. А на сцене клуба уже начиналось представление: ди-джей «разогревал» публику ритмичной музыкой, сверкали разноцветные огни, тонкие лазерные лучи метались по стенам, по потолку, возбуждая общее настроение, официанты сновали между столиками, несколько пар уже танцевали в центре под огромным светящимся шаром, окутанным маревом сигаретного дыма.

Ольга потягивала охлажденный апельсиновый сок, бесцельно глядя в окно на спешащих прохожих, поток машин у светофора, бесшумно скользящий трамвай. Максима еще не было. Молодежь, сидящая за соседним столиком, сорвалась с мест и тоже побежала на танцпол, потянув за собой Ольгу, но та отмахнулась.

Если бы она не вытащила телефон из сумочки и не положила бы перед собой, то не услышала бы, как он зазвонил: все вокруг наполнилось музыкой, шумом, гамом, смехом. Звонил Максим, чтобы сообщить, что не сможет приехать.

— Как же, Максик? — приподнятое настроение Ольги испортилось. — Я жду тебя здесь, а ты… Или забыл, какой сегодня день?

— Не забыл. Но клиент нас не поймет. А клиент, как и покупатель, всегда прав: не тебе объяснять эту простую истину. Отметим в другой раз и в другом месте: в более красивом и более теплом.

— Где это? — не сразу поняла Ольга.

— Например, в турецкой Анталии. Ты же хотела там побывать? А для этого нужны «мани-мани-мани», и немалые.

— Анталия… Это очень далеко и нескоро, — вздохнула Ольга. — Приезжай сюда, а?

— Котенок, я уже так далеко, что, пока вернусь, ты будешь видеть десятый сон. Расслабься сама. Я приеду утром.

— Ты же голодный. Вместе поужинали бы, а тогда…

— Зато клиент у меня щедрый, на бабло не скупится. Утром и позавтракаем, и все остальное сделаем, обещаю. Чмоки-чмоки!

Ольга потянула через трубочку освежающий сок. Настроение вовсе улетучилось. Не хотелось ни сидеть здесь, ни танцевать, ни вступать в разговоры. Она достала из сумочки пачку тонких дамских сигарет и, чиркнув зажигалкой, затянулась.

«Мог бы отложить, — с обидой подумала она. — "Всех денег не соберешь, всех баб не перелюбишь". Собирались, собирались — и собрались. Весь вечер коту под хвост…»

Глянула на часы: не было еще и восьми. Куда девать время до ночи? Она не привыкла ложиться спать так рано.

Стало душно.

«Пойду на свежий воздух», — подумала она и, накинув сумочку на плечо, спустилась по сверкающим мраморным ступенькам к главному входу: широкой стеклянной двери, автоматически распахивающейся перед каждым посетителем.

Ночной клуб «Золотая корона» каждый вечер собирал толпы завсегдатаев. Чуть опоздал — и свободных мест не оставалось: ни за столиками, ни за стойками бара. Можно было довольствоваться лавочками, что стояли вокруг клуба среди дорожек и цветников, но и сюда не каждый раз протиснешься, особенно в разгар сезона: весной, летом. Молодежь буквально оккупировала клуб и прилегающую к нему территорию городского парка, чтобы провести вечер в теплой компании, обсудить последние сплетни, послушать зажигательную музыку, потанцевать. Часто здесь проходили сольные концерты самодеятельных и профессиональных артистов, интересные творческие встречи. Но настоящий аншлаг наступал, когда в центре клуба устанавливали ринг, и тут открывались зрелищные турниры боев по правилам и без правил. Тогда страсти кипели нешуточные.

Сегодня же клуб жил своей обычной жизнью, поэтому можно было найти свободное местечко возле аллеек, чтобы присесть и подышать не табачным дымом, а спустившейся вечерней прохладой. Но и сидеть Ольге не хотелось. Ничего не хотелось. На нее напала хандра, тоска и апатия. В таком состоянии она вышла за ограду скверика, где стоял клуб, и прошлась дальше, в сторону улицы, откуда еще доносился городской шум, гудки автомобилей, стук трамвайных колес.

Вот к остановке плавно подъехал и остановился большой красный трамвай из двух сцепленных вагонов. Двери открылись, оттуда начали выходить пассажиры, и через динамики послышался голос водителя:

— Остановка «Институтская». Следующая — «Чернышевского». Готовимся на выход заранее.

Ей вдруг вспомнился разговор с Балашовым: он рассказывал, как следил за своим другом, выйдя из трамвая. Ольга осмотрелась: да, вот какой-то научно-исследовательский институт, за ним еще, а за углом… Несмотря на то, что она жила в городе не первый год, не все здешние переулки были ей знакомы. Ей стало интересно: что же за углом от институтской остановки? Она не спеша прошла вперед, повернула — и прямо перед собой увидела маленькую

церквушку, точь-в-точь такую, как вспоминал Балашов: из белого камня, словно резную, игрушечную. Входная дверь была открыта, внутри было светло. Сама не зная, зачем, Ольга медленно пошла туда.

В храме почти никого не было. Несколько немолодых женщин вышли оттуда как раз перед тем, как Ольга вошла в ажурные металлические ворота на церковный двор. Две женщины суетились за лавкой с книгами, свечами, иконами, запирая ящики и накрывая их белым покрывалом. Увидев Ольгу, они сказали ей:

— Девушка, мы закрываемся. Вечерня служба закончилась.

— Я на минутку, сейчас выйду, — ответила Ольга, остановившись в дверях.

До нее донесся недовольный шепоток:

— Одного выперли, так теперь эта приперлась. Ни страха Божьего, ни стыда, ни совести… Прости нас, Господи…

Обстановка храма впечатлила ее: блеск огоньков догорающих свечей на киотах святых образов, сами эти иконописные образа — строгие, устремившие свои взгляды на нее, Ольгу, зачем-то оказавшуюся здесь, когда отзвучали все уставные славословия и песнопения. Храм был старой постройки: маленький, даже тесноватый, но очень уютный, светлый, весь в росписи. Стояла тишина, пахло душистым ладаном, воском и еще чем-то незнакомым ей. Странно было очутиться здесь, выйдя из ночного клуба, где все окутано клубами табачного дыма, светоустановок, где все содрогается от рокм-узыки, рева микрофонов, криков и визгов пляшущей толпы.

Справа на стене в толстой тяжелой раме висел большой образ Богоматери: лик Ее был скорбный, а взгляд тоже устремлен на Ольгу.

«Наверное, перед этой иконой молился тот человек…» — подумала Ольга, и ей захотелось подойти ближе, чтобы тоже о чем-то — нет, не помолиться, а поговорить с Богородицей. О чем? В душе Ольги вдруг шевельнулось странное, неведомое чувство, пугающее и радостное одновременно. Ольге показалось, что в этом храме ей все давно знакомо, понятно, близко — эти краски, образа, запахи, что она тоже стояла на коленях перед этой старинной иконой, где Младенец Иисус прильнул к Своей Матери, а Та обратила Свой взор к людям — к тем грешным, неблагодарным, жестоким людям, которые будут кричать: «Распни, распни Его’», когда Ее возлюбленный Сын подрастет и пойдет на вольную смерть ради искупления проклятия греха, тяготевшего над человечеством.

Ольга уже пошла к образу, как снова услышала:

— Девушка, вы зачем сюда пришли?

Рядом стояла пожилая женщина — одна из тех, которая закрывала церковный прилавок. Ольга растерялась: она сама не знала, что привело ее сюда.

— Свечку можно поставить? — тихо спросила она.

— Свечку? — всплеснула руками женщина. — Милочка, мы вам русским языком сказали, что здесь храм Божий, а не магазин. Служба давно кончилась: вам понятно?

— Понятно. Я сама работаю в магазине, и когда нас просят о чем-то, то, даже если бы мы и

закрывались…

— Извините, у каждого свои порядки, — отрезала женщина. — Возвращайтесь в свой магазин и там распоряжайтесь.

— Тогда, если можно, я…

Ольга увидела маленький ящик для пожертвований возле иконы и захотела положить небольшую сумму. Она полезла в сумочку, чтобы достать кошелек, но случайно достала оттуда и пачку сигарет: они выпали и рассыпались по паркетному полу.

— Шура, ты глянь, что творится! — всплеснула руками женщина, обращаясь к своей напарнице.

Шура быстро подошла и тоже начала причитать:

— Ай-яй-яй! Какой грех, какой стыд!

Ольга стала собирать рассыпавшиеся сигареты и прятать назад.

— Что там случилось? — раздался еще один строгий голос.

Ольга повернулась и увидела мужчину лет сорока, с аккуратно стриженой бородкой, в элегантном костюме, в модной рубашке..

— Полюбуйтесь сами, батюшка, — обратилась к нему одна из женщин.

— Ничего страшного, — снисходительно улыбнулся тот. — Девушка, похоже, перепутала двери, не туда запита, заблудилась.

Он помог собрать оставшиеся сигареты. — Вы только этим балуетесь?

Ольга встретилась с насмешливым взглядом священника.

— Я зашла, чтобы…

Ольга запнулась.

— Вот и слава Богу, что зашла. Теперь я помогу выйти.

Батюшка хотел взять Ольгу под руку, но та отстранила:

— Я зашла, чтобы увидеть Бога… — неожиданно прошептала Ольга.

Обе женщины возмутились:

— В таком виде не к Богу, не в храм Божий ходят, а… В штанах, с голыми плечами, с непокрытой головой, накрашенная! Стыд и позор! Куда годится?

— А табачищем как прет! Прямо как из заводской курилки, где собираются мужики! Да еще с собой в это святое место принесла. Не стыдно? Фу!

Священник снова снисходительно улыбнулся, полагая, что перед ним невменяемая от алкоголя или чего покрепче девица: такие гости здесь были нередки.

— Приходите завтра — и увидите Бога. Сейчас Он пошел спать. И вам пора. Я провожу вас до ворот.

Они вышли все вместе. Женщины заперли двери храма и, поговорив еще немного, разошлись в разные стороны.

Батюшка шел рядом с Ольгой, искоса поглядывая на нее: молодую, красивую, стильную.

— Моту вас подбросить, — предложил он за воротами, где стоял его черный «Опель». — Или, может, посидим немного? Лично мне спешить не туда, весь вечер впереди. Ну, как? Куда поедем?

Он щелкнул сигнализацией. К этому времени Ольга пришла в себя. Она без труда поняла намек. Посмотрев в глаза батюшке, спокойно отрезала:

— Зато мне есть куда спешить.

И неторопливо пошла за угол на трамвайную остановку.

5

Вечеринка сорвалась, а возвращаться в клуб Ольге уже не хотелось. Обязательно кто-нибудь начнет цепляться, навязываться, «грузить» своими проблемами, разговорами — без этого не обойдется. В душе Ольги сейчас жили два противоположных чувства. Досада от несостоявшейся встречи с Максом — это чувство было ей понятным, объяснимым. Другое же чувство наполняло душу странным теплом, умиротворением. Откуда оно пришло? Что это? Ольга прислушалась к себе и поняла: это тепло шло из храма, где она только что побывала, от того печального лика Божьей Матери, с Чьим взглядом встретилась, переступив порог церкви. Даже то, что ее попросили выйти, приняв за выпившую, пожурили за неподобный вид, не отогнало тихой радости, не вытеснило ее обидой. Будь храм открыт, она пошла бы туда снова, чтобы постоять, подышать сладковатым запахом ладана, посмотреть на мерцающие свечи, отблеск их огоньков в строгих ликах святых угодников. Ольге подумалось, что никто из них не осудил ее, когда она вошла в храм — пусть даже просто так, бесцельно, не для того, чтобы помолиться, совершить, как некий обряд; к тому же, вошла в неподобающем виде, с непокрытой головой, с распущенными волосами, прокуренная дымом ночного клуба, сама с пачкой сигарет в сумочке.

В темноте аллеи, по которой она медленно шла в сторону освещенной городской улицы, послышался стон. Ольга свернула, подошла ближе и увидела на газоне лежащего мужчину. Она чиркнула зажигалкой и потрясла его за плечо:

— Эй, ты кто?

— Конь в кожаном пальто, — отозвался тот и снова застонал.

Потянуло алкоголем. Он лежал, скрючившись от боли.

— Тебе что, намяли бока? — Ольга нагнулась ближе.

— Нет… — застонал незнакомец. — Язва… Проклятая язва прихватила…

Ольга покачала головой, понимая, о какой «язве» речь. Но не ушла.

— «Скорую» вызвать?

— Лучше сразу катафалк — и в морг… Возни меньше будет.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Помоги лучше подняться… Так скрутило, что…

Ольга протянула ему руку, он схватился, но не смог встать. Ольга растерялась:

— Что мне с тобой делать?..

И тут она увидела идущих по той же аллейке двух знакомых девчонок из «Золотой короны».

— Ленка! — громко позвала Ольга. — Помоги мне.

Обе подошли ближе и с отвращением поморщились:

— Фу, он тебе нужен?

Ольга снова подала ему руку, ожидая, что девчонки помогут, но те пошли дальше:

— Возись сама. От него столько заразы нахватаешься, что не отмоешься.

Ольга снова осталась наедине с незнакомцем. Между тем, постанывая, он потихоньку поднялся сам и, опираясь на ее руку, вышел на аллею и присел на лавочку.

— Ох, сразу легче стало, — он вздохнул полной грудью. — Так прихватило, что…

Ольга покосилась на этого человека. Ему было лет пятьдесят, в костюме, довольно опрятный, не похожий на уличного бомжа или пропойцу. Через силу улыбнувшись, он сказал Ольге:

— Спасибо… Тебя, наверное, Сам Бог послал, чтобы я случайно не загнулся в чужом городе…

— Не знаю. Мне сказали, что в это время Он уже крепко спит.

— Кто вам такое сказал? Где?

— Вон там, — Ольга кивнула в сторону церкви.

— В том храме?

— Да, там. И культурно выпроводили за ворота.

Мужчина засмеялся:

— Ну, с вами еще хорошо обошлись, действительно культурно, грех обижаться.

Ольга пожала плечами:

— Я не обижаюсь. Не знаю, как бы я поступила на их месте.

— Но вы же поступили… Они на своем месте, вы — на своем.

Ольга хмыкнула:

— С выпившими везде поступают одинаково: что у нас в магазине, что у них в церкви.

— Вы были выпившей?

— Нет. Наверное, чем-то напоминала ее. Да и не таком виде, как я, идут к Богу: так мне сказали.

— Короче, встретили по одежке.

Ольге не хотелось говорить на эту тему.

— Вы нездешний? — спросила она.

— Да… Так получилось, что приехал по делам, а сейчас не осталось ни копейки, чтобы вернуться домой.

Ольга недоверчиво отнеслась к его словам. Ей казалось, что это обычный пьяница.

— И часто с вами такое случается?

— Не знаю… В жизни всякое может случиться. И с любым. Спасибо, что не оставили меня с моим приступом. Мне намного лучше. Еще посижу и пойду еще куда-нибудь просить на дорогу. У меня ни друзей в этом городе, ни родни.

— Вы уже просили?

Тот кивнул тоже в сторону церкви.

— Что, отказали?

— Наверное, не только вас, но и меня встретили по одежке, — усмехнулся мужчина. — Люди по-другому не умеют. На то они и люди.

— Погодите…

Ольга открыла свою сумочку, достала оттуда несколько купюр и протянула незнакомцу:

— Не знаю, хватит ли на дорогу… Это все, что у меня есть.

Мужчина даже не взглянул на сумму. Он посмотрел Ольге в глаза:

— Хватит… Не знаю, чем смогу отблагодарить вас.

Ольга махнула рукой:

— Вы же сами сказали, что в жизни всякое может случиться. С любым. Вот и…

Она встала, собираясь идти дальше.

— Вас послал Сам Бог, — прошептал незнакомец.

Ольга улыбнулась:

— Мне самой хотелось бы встретиться с Ним.

— Он рядом, — тихо сказал мужчина. — И вовсе не спит: вам сказали неправду. Бог очень близко. Вы Его обязательно увидите. А Его Царство еще ближе: оно вообще внутри нас…

Ольга пошла дальше. На трамвайной остановке стала решать, куда ехать дальше. Если на квартиру к Максу, то в одну сторону, если к себе — в противоположную.

«В какую сторону раньше трамвай придет, туда и поеду».

Вскоре появился трамвай, шедший в сторону ее общежития. Он был окрашен в непривычный ярко-красный цвет, а по всей его длине красовалась надпись-реклама: «Пейте кока-колу!» Ольга без раздумий села и поехала. Вагон был почти пустой. Прислонившись к окну, она стала смотреть на мелькающие вечерние огни.

Вдруг кто-то сзади потряс ее за плечо:

— Красавица, который час?

— Начало одиннадцатого, десять минут, — ответила Ольга, не оборачиваясь.

Но послышался тот же голос:

— Сигаретки не найдется?

Ольга обернулась и увидела сзади неопрятную женщину: не то цыганку, не то бродягу-нищенку, которые живут попрошайничеством. Не желая вступать в разговор, Ольга достала из сумочки две сигареты и протянула через плечо.

— Глянь на нее, — хриплым прокуренным голосом засмеялась женщина, — я просила сигарету, а она мне две. Ты или очень добрая, или очень глупая.

Ольга и на этот раз промолчала. Через минуту та снова попросила:

— А огонька не дашь прикурить?

— Если водитель трамвая увидит, он тебе так даст прикурить, что из трамвая вылетишь, — повернувшись вполоборота, сказала Ольга.

— Я скоро выхожу. Только прикурю.

Ольга молча протянула ей зажигалку. Та чиркнула — и потянуло легким сигаретным дымком.

— Ты ко всем такая добрая? — услышала она снова насмешливый голос.

— Через одного, — Ольге не хотелось разговаривать.

— Может, и денег дашь?

Ольга отрицательно покачала головой.

— Жалко, да?

— Нет, — спокойно ответила Ольга, — нечего дать. Пустой кошелек.

— Так меньше сори ими, они счет любят. Не будь растяпой.

На всякий случай Ольга нагнулась и посмотрела себе под ноги: может, уронила что-то? Женщина засмеялась:

— Не там смотришь и не там ищешь! Они в парке остались.

Ольга повернулась:

— Ты что, была там?

— И там тоже, — ответила незнакомка, глядя насмешливым взглядом. — Я за тобой давно слежу и давно тебя знаю.

В душе Ольги появился неприятный леденящий холодок и страх.

— И где меня еще видела?

Та громко рассмеялась:

— Если я начну тебе рассказывать, где и с кем тебя видела, мне придется ехать с тобой до конца, потом идти и торчать у тебя до утра. А я устала, спать хочу.

— Погоди, — остановила Ольга. — Кто ты такая? Я вижу тебя первый раз в своей жизни.

— Еще увидишь, — закашлявшись, ответила та. — Встретимся.

В этот момент из динамика раздался голос водителя трамвая:

— Следующая остановка — «Улица Вишневая. Готовимся на выход».

— Это моя, — сказала женщина, поднимая стоявшую рядом с ней холщевую сумку и два пакета. — Дай-ка на дорожку еще сигаретку, раз такая щедрая.

Ольга достала всю пачку и протянула:

— Забирай всю, только скажи, кто ты и где мы встречались?

— Все равно не поймешь, — уже без смеха ответила та, устало махнув рукой. — Своего школьного учителя физкультуры помнишь?

Ольга машинально кивнула: конечно, хорошо помнит.

— А помнишь, какой «физкультурой» вы занимались в раздевалке, когда все уходили оттуда на другие уроки? «Ноги шире плеч!» Помнишь?

Ольга обомлела.

— Кто ты?.. — прошептала она сдавленным голосом.

— А помнишь того солдатика, который приезжал к вам в деревню в отпуск со своим дружком, твоим соседом? Кажись, нерусский какой-то. Но тебе с ним очень нравилось. Славненько вы «укрепляли» дружбу народов. Потом ты строчила ему любовные письма, собиралась туда уехать. Тоже забыла?

Ольга не знала, что отвечать. Она лишилась дара речи.

Незнакомка поднялась:

— Обо всем рассказывать — никакого времени не хватит. Живи, как живешь, не будь лапшой и дурой. Тебе сказали: «Бог спит» — и не беспокой Его. Не буди. Зачем Он тебе? Зачем ты Ему? И милосердие твое никому не нужно: ни Богу, ни людям. Бог слишком высоко, а люди — черви: добра все равно не поймут, не оценят, да еще за него тебя же оплюют, обгадят, втопчут в грязь, по стенке размажут. Поверь мне, я на своем веку много чего повидала.

— Прошу тебя… Кто ты?.. — выдавила из себя Ольга. — Умоляю…

Уже возле дверей женщина остановилась и насмешливо посмотрела на Ольгу:

— Так-то, девочка… Рассказывать о твоих похождениях — никакого времени не хватит. Думай, шевели своими мозгами. Может, кое-что поймешь. А не поймешь — тоже не беда. Еще встретимся!

Двери бесшумно открылись, незнакомка подмигнула, ловко спрыгнула со ступенек и быстро растворилась в темноте.

Ольга не могла прийти в себя. Что это было? Сон, галлюцинация, гипноз? С кем она разговаривала? Откуда взялась эта незнакомка? Кто она? Вопросы кишели в голове, пульсировали болью в висках.

Она решила возвратиться назад, к Максиму, дождаться его. Ей было страшно оставаться самой. Она доехала до кольцевой остановки и, не выходя, поехала на другой конец города.

Максим приехал только под утро и очень удивился, застав Ольгу взволнованной, даже расстроенной. Выслушав внимательно ее сбивчивый рассказ, он задумался.

— Говоришь, красный трамвай с нарисованной бутылкой «кока-колы»? — уточнил он. — «Четверка», что бегает по кольцу? Его все знают. И водилу тоже: «Солянкой» зовут. Он был моим напарником, потом ему надоело, плюнул на все и возвратился в трампарк, где работал раньше.

Он подумал еще.

— Мне кажется, я смогу помочь тебе разобраться. Сейчас новые трамваи оборудованы камерами внутреннего видеонаблюдения. Понимаешь, люди страшно напуганы всякими терактами, взрывами, разбоями, пожарами. Там такая камера тоже наверняка установлена: трамвай-то новый. Думаю, по старой дружбе «Солянка» не откажет мне посмотреть это «кино».

Максиму подумалось, что Ольгу в трамвае кто-то обидел либо к ней нагло приставали. Если это так, то Максим готов был разобраться и наказать обидчика. Ольга же рассчитывала, что Макс, знавший многих горожан, поможет установить личность странной незнакомки, опознает ее, ведь та же знает откуда-то Макса.

«Солянка» и впрямь не отказал Максиму. Они встретились в городе, и тот передал запись из камеры.

— Между десятью и одиннадцатью вечера? Ну да, мой обычный график, — подтвердил он. — Только не припомню, чтобы в это время на маршруте кто-то беспредельничал. Хотя всякое случается…

Ольга едва дождалась вечера, чтобы сесть за ноутбук: Максим одолжил у соседа.

— Ну-ка, кто там наш обидчик, покажи мне его, — он обнял Ольгу и сел рядом. — Я ему не завидую…

— Погоди, — Ольга прильнула к монитору, ожидая разгадки вчерашней тайны.

Запись была технически слабоватой, но все-таки позволявшей разглядеть всех, кто входил и выходил из салона трамвая. В правом верхнем углу фиксировалось время с точностью до секунды.

Вот из трамвайного динамика послышался знакомый голос:

— Остановка «Институтская».

Вот Ольга видит себя: входит, компостирует проездной талон и садится на сиденье возле окна — это посадочное место только для одного пассажира. В салоне видно несколько человек: две девчонки болтают на задней площадке, еще две сидят рядом и прилипли к мобильным телефонам, чуть поодаль — старушка с внучкой, перед самой Ольгой — какой-то пожилой интеллигент с портфелем «дипломат».

Вот трамвай тронулся, плавно покачиваясь на рельсах. Ольга прислонилась к окну, за ним не видно ничего, кроме мелькающих огней. Цифры в углу показывают время: 22.10.

«Да, все так и было, — она вспоминала детали. — Сейчас должна появиться… Спросит время, потом будет цыганить сигарету…»

Но в салон никто не заходит. Наоборот, он еще больше опустел, когда оттуда со смехом выскочили девчонки. Ольга по-прежнему сидит одна, прислонившись к окну, ни с кем не вступает в разговоры, погруженная в свои мысли. Рядом с ней тоже никого нет.

— Мне уже скучно, — зевнул Максим. — Когда же наступит самое интересное?

— Да погоди ты, — отмахнулась Ольга.

Но ничего не было. Вот объявили остановку «Улица Вишневая». Где же таинственная незнакомка? Кто просил сигареты? Кто разговаривал, открывая интимные тайны?

Ольгу снова охватил ужас. Может, это все-таки были галлюцинации? Может, она вообще начинает сходить с ума или близка к этому? Что это?..

— Макс, мне страшно… — прошептала она, прижавшись к Максиму.

— Но я ничего страшного не увидел. Объясни, чего ты испугалась? Что произошло, пока я мотался с клиентом?

Ольгу била нервная дрожь.

— Не могу…

— Ты чего-то боишься? Или не хочешь мне рассказать?

— Я хочу, но… Я сама ничего не понимаю… Макс, мне страшноБольше ничего не говоря, она легла и замолчала. Максим обнял ее:

— Все будет хорошо. Это усталость, нервы. Скоро полетим к туркам, там весело отдохнем — и все как рукой снимет.

Ольга понемногу успокаивалась, дрожь в теле прошла, на нее начал наваливаться сон. Уже засыпая, она прошептала:

— Наверное, я схожу с ума…

6

Всегда разговорчивая, нередко даже болтливая, Ольга замкнулась, общаясь с другими лишь по необходимости, да и то скупо. Максиму хотелось понять причину этих изменений, но ничем не мог ей помочь: ни лаской, ни вечеринками в кругу друзей, ни выездами за город. Ольга боялась, что, откройся она другим — и ее сочтут за ненормальную, а все происшедшее — за психический срыв, станут сторониться ее, как чумной. И кому открываться? Подругам на работе? Засмеют. Соседу Балашову? Но тот по-прежнему лежал с больным сердцем, ему только чужих проблем не хватало. Ольга навещала его, ухаживала, но рассказать о том, что томило ее душу, тревожило, не решалась.

Она боялась заглянуть даже в саму себя, признаться, кем была на самом деле. Вот что страшило больше всего… Ей казалось, что внутри пронесся вихрь, смерч, возмутивший, поднявший все, что таилось глубоко в тайниках памяти, ничем не напоминая о себе, не будоража совесть. Теперь же эти воспоминания, словно разбуженные звери, вырвались из своих лежбищ, клетей, ринулись на нее, начали терзать, рвать, царапать когтями. Все, что ею было давно забыто: разные имена, интимные сцены, разврат, грязь — теперь выплеснулось наружу, утопило в потоке грязи, вымазало душу так, что в ней не осталось ничего чистого, светлого.

Это наваждение не давало покоя ни днем, ни ночью — особенно ночью, когда она оставалась наедине с собой: именно в это время проснувшиеся внутри звери начинали рвать душу с особым остервенением и злобой, куда-то гнать, искать новые ушаты помоев, чтобы ими насытиться и угомониться.

Ольга понимала, что очиститься от всего этого обычными средствами не получится. Ее болезнь была особого рода, потому что касалась не тела, а души, поэтому могла поддаться особому врачеванию — духовному. Но что это такое — Ольга не знала…

Как-то, зайдя к Балашову, она увидела его в приподнятом настроении.

— Дело, вижу, пошло на поправку?

— Моя поправка под большим вопросом, — ответил Арсений Ильич, — а вот духом я действительно взбодрился. Есть у меня для этого хороший «эликсир бодрости».

И он показал Ольге книжку с потрепанной обложкой: было заметно, что ее много раз читали.

— Блаженный Августин[2], — пояснил он. — Его философские мысли, жизненные наставления не могут не бодрить. Вот послушайте, как замечательно он пишет.

И, надев очки, начал читать изречения святого:

«Разве что-нибудь может одолеть тайную болезнь нашу, если Ты, Господи, не бодрствуешь над нами со Своим врачеванием? Нет отца, матери и воспитателей, но присутствуешь Ты, Который

нас создал, Который зовешь нас».

«Куда бы ни обратилась человеческая душа, всюду кроме Тебя наткнется она на боль, хотя бы наткнулась и на красоту, но красоту вне Тебя и вне себя самой. И красота эта ничто, если она не от Тебя».

«Ты, Господи, заглянул в бездну смерти моей и выгреб десницей Своей с самого дна сердца моего груды нечистот. А это значило отныне — всеми силами не хотеть того, чего хотел я, и хотеть того, чего хотел Ты».

«Повсюду со мной была моя растерзанная, окровавленная душа, и ей невтерпеж было со мной, а я не находил места, куда ее пристроить… К Тебе, Господи, надо было вознести ее и у Тебя лечить».

Ольга прислушалась. Эти мысли показались ей близкими, понятными, словно адресованными именно ей — для вразумления и утешения.

«Ты, Господи, заглянул в бездну смерти моей и выгреб десницей Своей с самого дна сердца моего груды нечистот», — мысленно повторила она, поразившись тому, что в них нашла ответ и поддержу в ее нынешнем мятежном состоянии.

— Что, зацепило? — Арсений Ильич заметил интерес на лице гостьи.

— Тоже… А можно еще раз последние строчки о растерзанной душе?

— Можно! Вот вам вся книжка, читайте для душевной пользы.

Балашов протянул Ольге книжку святого Августина. Та взяла и присела напротив. Ей захотелось открыться этому человеку.

— Может быть, вам, верующему человеку, мой вопрос покажется наивным и даже глупым… — смущенно начала Ольга.

— Так и спрашивайте, — успокоил ее Балашов. — Я тоже не слишком большого ума.

— Что такое вера в Бога?

— Дар, — без раздумий ответил Арсений Ильич. — Особый Божий дар, о котором нужно просить Самого Бога. Есть, конечно, вера слепая, полная заблуждений и пустоты, примитивная, наивная, смешная, бесплодная, фанатичная, переполненная страхами — словом, разная. Вера же, которая ведет к Богу, дается Богом: как путеводитель, как указатель, как ярко горящая свеча, чтобы человек не сбился с правильного пути, не заблудился в дебрях, впотьмах и в подворотнях. Об этой вере просил отец, который привел ко Христу своего любимого сына, страдающего с детства падучей болезнью[3]. Болезнь эта очень страшная, в старину к ней относились, как к каре небесной: во время приступов больного бросало на землю, он испускал пену, кричал, бился в судорогах… Люди ничем не могли помочь. И вот такого несчастного юношу ведет к Иисусу отец, охваченный горем и отчаянием — ведет в последней надежде, потому что надеяться больше не на кого. Даже ближайшие ученики Христа — апостолы — оказались бессильны исцелить юношу. Здесь-то и рождается вера в Бога, здесь-то она по-настоящему и проверяется. «Если хоть чуть-чуть веришь, — говорит Иисус, обращаясь к плачущему отцу, — то все возможно верующему». А что тот? Стал сомневаться, возмущаться, бежать еще куда-то? Нет, он в слезах взмолился: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» И едва сказал, как произошло чудо: Иисус велел нечистому духу выйти из юноши —

и тот мгновенно стал здрав. Все Евангелие пронизано темой рождения веры во Христа, как Истинного Бога и нашего Спасителя, темой борьбы веры в Него и неверия. Вы, наверное, и сами уже прочитали эту книгу.

Что Ольга могла ответить? Ей стыдно было признаться, что она не прочитала и нескольких страниц.

— Вера приходит к человеку по-разному: одному — как сказочно красивый цветок, который медленно пробивается к воде и свету через толщу асфальта или скалы; другому — как озарение, как вспышка молнии. Так произошло со мной. Сидел маститый очкастый ученый, обложился умными книжками, сам написал кучу научных трудов, думал, что он умнее всех, умнее Самого Бога, в Которого ни капельки не верил. А потом однажды положил перед собой два минерала и задумался: может ли из них родиться жизнь?

Он весело подмигнул Ольге:

— Вы-то, девушка, сами как думаете по этому поводу?

Ольга пожала плечами.

— Ну, вопросик ведь совсем простой. Берем два камня, кладем рядом. Может ли из них появиться жизнь?

— Разве что по-щучьему велению, — рассмеялась Ольга.

— А если сложим в кучу сто штук? Целую гору? Жизнь в них родится или же так и останутся кучей безжизненных камней?

— Сказки.

— Верно, в сказках — может. Однако наука — это не сказка, и сказками она не занимается. Ей неведом ни один — подчеркну: ни один! — случай, чтобы из неживой материи — будь то камень, дерево, вода или еще что-то — появилась какая-то форма биологической жизни. Ее должен вдохнуть Тот, Кто Сам есть Жизнь — Творец Бог. Человек же — это вовсе венец, вершина всего, что создал Бог. Все, что им было создано до этого — создавалось для человека, чтобы он разумно пользовался всем этим богатством, как царь в роскошном дворце. Творец всего живого, сама полнота жизни — Бог, а не эволюция, не случайность, не визит на Землю инопланетян или другие теории, которые выдают за научные, правдивые. Бог! Вот что вдруг озарило меня, опрокинуло всю мою ученость. Мы исследуем то, что является следствием жизни, однако ее источник — выше всякой земной науки, непостижим ею. Стоило мне поверить в это, принять, согласиться, как Господь Сам начал управлять всей моей последующей жизнью, ведя за руку, как слепца, мимо всяких ям, ухаб, кочек, пропастей, повсюду расставленных капканов.

— Как слепца?

— Да, как слепца. Они ведь разные бывают. Есть зрячие слепцы: смотрят в упор — и не видят Бога во всем, что их окружает, чем наполнена красота этого мира, его гармония. Эти слепцы не задумываются над тем, Кто создал свет утренней зари, Кто движет небесными светилами, парящими в небе облаками, Кто украшает полевые цветы, для чего и для кого все это создано. Есть же слепцы, о которых рассказывает святое Евангелие[4]: они не видят ничего, что открыто нам, но видят то, что от нас скрыто. Сидит такой слепец от рождения, просит у людей подаяния: чем он еще себя прокормит? Только милостыней. А мимо идет Иисус в

сопровождении учеников. Кого люди видели в Иисусе? И пророка, и чудотворца, и чародея, и обманщика, и дерзкого бунтаря, бросившего вызов незыблемым законам иудеев… Он делал добро, нес людям свет, а в благодарность от них получал упреки, обвинения, угрозы — аж до ареста, показательного избиения и распятия. Даже для апостолов тайна Божества их Учителя была до времени сокрыта. А слепец сразу увидел, безошибочно узнал во Христе Истинного Бога, поэтому сразу получил от Него исцеление и стал зрячим. Можно себе представить, какое было изумление в народе, какой поднялся ажиотаж, когда сотни людей увидели, как слепец от рождения вдруг прозрел? И что, люди поверили в Божественную природу Того, Кто совершил такое великое чудо? Ничуть. Фарисеи, узнав об этом, тут же обвинили Христа за то, что Он совершил исцеление в священный для иудеев день — в субботу, а прозревшего слепца после недолгих расспросов обо всем происшедшем с ним выгнали в три шеи: «Ты, окаянный грешник, берешься нас учить?» И снова настал момент веры. Иисус, узнав, как несправедливо законники и фарисеи поступили с тем человеком, Сам нашел его и спросил: «Ты веруешь в Сына Божия?» — «Верую, Господи», — без колебаний ответил исцеленный слепой и поклонился Ему — как Богу.

Балашов замолчал, чтобы передохнуть.

— Жаль, что все это было очень-очень давно, — вздохнула Ольга.

— И что с того? — в размышлении ответил ее собеседник. — Свойства Бога неизменны во времени: Он и тогда, и сейчас, и до скончания века Тот же Самый. Если мы рождаемся, взрослеем, стареем, умираем, то Бог вечен, и каждое Его слово, каждое Его обещание есть вечная и непреложная Истина, в том числе: «Чистые сердцем Бога узрят». Не тот, кто перечитал кучу книг и считает себя мудрецом, и не тот, кто уверовал в свою святость, а чистый сердцем. Это как если бы мы хотели увидеть солнце: пока оно скрыто за тучами или стоит ночь, мы ничего не увидим. Но вот эти тучки, «небесные странники», начали развеиваться, горизонт порозовел, блеснули первые солнечные лучи, а за ними показалось солнышко ясное. То же самое и в христианской жизни: чем сильнее разгоняешь тучи, мрак греховный вокруг и внутри сердца, тем быстрее оно прозревает, исцеляется, становится способным увидеть Бога. Но в этом же божественном свете человек начинает видеть себя, свою падшую природу, свою никчемность перед Творцом. В таком состоянии ему открывается ответ на очень простой вопрос: «Зачем мне Бог?» Душа человека прозревает пониманием, что никто, кроме Бога, не может ее очистить от греха, вызволить из плена, дать подлинную свободу и радость. Не в разных мирских утехах, не в материальных побрякушках, не в денежных накоплениях, даже не в здоровье, а в радости быть с Богом, ощущать свое усыновление Небесным Отцом. Из этого глубокого понимания рождается все, что ведет нас к спасению: молитва, покаяние, смирение, борьба, подвиги… Это путь, которым шли все святые.

— Так то святые… — вздохнула Ольга

— Да, святые, которые были грешниками, а некоторые из них лютыми грешниками: разбойниками, блудниками, блудницами. Таких-то Господь и призвал к покаянию. «Праведникам» же, убежденным в собственной непорочности, нет нужды искать Бога, каяться перед Ним. Сам Христос говорит о том, что на небесах бывает великая радость об одном раскаявшемся грешнике, чем о многих праведниках.

Балашов вздохнул:

— Имей мы духовное зрение, то, возможно, увидели бы много чего интересного. Прежде всего, мы увидели бы себя: не такими, какими хотим казаться другим, а такими, какими есть на самом деле, без всякого самолюбования. От этой правды мы пришли бы в ужас, закричали бы к

небу молитвой мытаря: «Боже, милостив будь мне, грешному!» Тогда и на других людей мы смотрели бы вовсе не так, как смотрим грубыми телесными очами: смотрели бы на их немощи с состраданием и любовью, понимая, что мы тоже неисцелимо больны и немощны, что все нуждаемся во Враче душ и телес наших Иисусе Христе. Господь тонко проверяет наше сердце, ставя нас в разные обстоятельства, тем самым испытывая, как мы поведем себя: проявим великодушие, милосердие, любовь или же начнем возмущаться, негодовать, роптать, судить…

Он взглянул на Ольгу:

— Кто смог увидеть в молодой женщине — красивой, эффектной, пользующейся спросом у мужчин, — больше, чем обычную блудницу?

— О ком это вы?..

— О той женщине, которая омыла ноги Христу и вытерла их своими волосами: о ней тоже рассказывает Евангелие. Кто видел в ней больше, чем предмет похотливых удовольствий, торговли телом, язвительных шуток, людских пересудов? Никто. Только Христос: Он видел ее сердце, ее душу, живущую там любовь, сострадание, поэтому простил ей все, в чем другие обвиняли, а потом обвинили и Самого Христа, потому что думали так: если, дескать, Он пророк, то наверняка знал бы, какая грязная женщина прикасается к Нему. Вот что такое суд человеческий и суд Божий! А разве не такой женщиной, стыдившейся своей «славы» и людской молвы, была самарянка? Она пришла по воду к колодцу в самый зной, когда все сидели по домам, прячась от палящего солнца: не хотелось лишний раз слышать язвительные насмешки. И женщине с такой репутацией Христос вдруг открывает тайну Своего Божества. Не Своим ближайшим ученикам, а той, которую презирали все остальные, знавшие о ее, мягко говоря, не слишком праведной жизни. А разве могла рассчитывать на милость людей несчастная женщина, которая была уличена в явном прелюбодеянии и по закону иудеев подлежала публичному избиению камнями? Законники волоком притащили ее ко Христу и, искушая Его, гневно спросили: «Ты-то что скажешь?»

— И что Христос?

— А Христос простил. Но перед этим низко нагнулся и прямо на земле, на пыли перстом написал грехи каждого, кто привел эту несчастную перепуганную женщину, требуя ее позорной смерти. Грехи каждого из законников были настолько мерзкие, отвратительные, что пречистые уста Спасителя не могли произнести их вслух. За эти богомерзкие дела законники сами подлежали жестокой казни. Дунул утренний ветер — и все написанное Иисусом исчезло, но те успели все прочитать, поэтому в ужасе разбежались, оставив женщину наедине с Христом. И когда та подняла голову и встретилась со взглядом Иисуса, то увидела там не гнев, не ярость, не жажду расправы, как перед тем у своих судей, а сострадание, любовь. «Иди, — говорит Он, — и больше не греши». Могла ли она грешить дальше после таких слов?..

— Не знаю, — прошептала Ольга. — Случись со мной нечто подобное, я бы никогда больше… Ни-ко-гда…

— Каждому из нас нужно быть готовым к тому, что Господь заглянет в наше сердце, испытает его, к чему оно склоняется — к добру или ко злу, чем оно наполнено — любовью к людям, состраданием к ним или же равнодушием. И как страшно, если над нами прозвучит грозный приговор Судьи: «Идите прочь, Я никогда не знал вас!» «За что?» — в ужасе воскликнем мы. «Зато, что Я голодал, а вы Мне и куска хлеба не дали; страдал, а вы не подошли ко Мне; замерзал, а вы не укрыли Меня, не обогрели…» «Когда такое было? — снова закричим мы в свое оправдание. — Когда мы Тебя не накормили, не напоили, не утешили и не согрели?» И

перед нами замелькают кадры из прожитой жизни: вот мы прошли мимо чьей-то протянутой руки; вот мы воротим нос от лежащего на земле человека, думая, что это обычный пьяница или бомж; вот мы смеемся над каким-то уличным простаком, калекой; а вот снова спешим в свою теплую квартиру, когда прямо в подъезде замерзает незнакомец. И такие кадры мелькают, мелькают, мелькают… Оказывается, в нашей жизни этих моментов было много, и везде мы оказались безучастными, равнодушными, глухими. «Господи, когда же мы Тебя не накормили, не напоили, не утешили и не согрели?» — снова закричим в надежде оправдаться перед Богом. «Пройдя мимо этих несчастных, вы прошли мимо Меня», — скажут нам — не в наше оправдание, но в осуждение, как приговор. Страшно, правда?

— Правда… — прошептала Ольга.

7

Сквозь сон Ольга услышала, как загудел н виброзвонок на мобильном телефоне: она обычно оставляла его включенным рядом с собой. Несколько секунд тишины — и снова это противное надоедливое: «У-уу-у, у-у-у-у…» Ольга с трудом открыла глаза и в темноте вгляделась в тикающие на стене часы: стрелки показывали лишь начало пятого утра.

«Наверное, Макс», — подумала она: тот обещал позвонить из другого города, куда повез своих ночных пассажиров.

— Как ты? — будучи уверенной, что это был Макс, сонным голосом спросила Ольга, не глядя на светящийся номер абонента. — Все нормально?

В ответ услышала чье-то всхлипывание:

— Какой там «нормально»? Беда, Олька, беда-а-а…

Сон мгновенно улетучился.

— Какая беда? Кто звонит?

— Не узнала? Зазналась, городской стала. Это я, Даша, соседка твоя из Анфимово.

— Дашка? Ты? — от удивления Ольга вскочила с кровати. — Каким ветром? И где ты, откуда звонишь?

Даша Горяева была не только соседкой, но и одноклассницей Ольги: вместе топали каждый день по 5 километров из родной деревни в соседнюю, где находилась ближайшая восьмилетка. Все у них было общим: и учебники, и тетрадки, и домашние задания, и девчачьи секреты, и сопливые деревенские ухажеры, и танцульки в клубе.

Даша первой из их класса выскочила замуж, еще совсем девчонкой, «по залету». Парнишка был на год старше ее, жил в той же деревне Анфимово: он не стал отказываться, что зачатый ими плод любви — это его «баловство» и неопытность. Быстренько гульнули свадьбу, Даша переехала к своему Косте — так звали того женишка, — и стали жить-поживать, добра наживать. За первым быстро нажили еще одного ребеночка. На судьбу не жаловалась, но самостоятельная жизнь развела бывших школьных подруг, их общение оборвалось. И тут Ольга снова слышит знакомый голос Даши, но почему-то заплаканный, тревожный.

— В поезде я, подъезжаю к твоему городу, — ответила она.

— В поезде? Сюда? — Ольга ничего не понимала. — Заранее не могла меня предупредить? Я бы встретила.

— Ох, не спрашивай…

Опять послышались всхлипывания.

— Не от хорошей жизни… Забрала всех своих четверых в охапку, и в чем была — в том и поехала, куда глаза глядят.

— Как четверых? — переспросила Ольга. — У тебя же, вроде, двое было.

— Потом еще двоих Бог послал. Все со мной.

— А Костик? Он где? Почему не с тобой? Разбежались, что ли?

В ответ — горький плач:

— Нет Костика…

— Как нет? Ушел, а тебя с детишками бросил?

— Нет… Сгорел он… Все сгорело: и Костик, и дом наш, и все, что нажили… Погорельцы мы, Олька. Кому мы теперь нужны?..

— У вас ведь столько родни! Что, некому приютить хотя бы на время?

— Ага, — всхлипнула Даша, — эта родня хороша за столом: выпить да погулять. А как до беды, до горя, то все отвернулись.

Ольга постаралась собраться с мыслями, по-прежнему мало что понимая.

— В город зачем едешь? Здесь у тебя тоже родня? Почему не перезвонила, не сообщила, я придумала бы что-нибудь.

— Не звонила, потому что братья обещали не оставить в беде, помочь. А уже по пути сюда узнала, что и они…

— Погоди, — остановила Ольга. — У тебя, помнится, есть меньшая сестренка Танька. Но та ведь в деревне живет. Какие еще братья? Откуда они взялись?

— Братья по вере, Христовы братья, то есть. Мне их тоже Бог послал.

— Что за это братья? — Ольга ничего не могла толком понять.

— Говорю же тебе: Христовы.

— Это как? Объяснить можешь?

— Так. Душечка наша к Богу тянется, а куда ей идти? Вокруг ни одной церкви, люди Бога совсем забыли. А тут Господь Сам послал Своих сеятелей: они начали ездить по деревням, хуторам, нас просвещать, нести слово Божье, Библию толковать, собирать людей молиться. У нас дома тоже часто собирались, места, слава Богу, хватало. Другие на нас косятся, сектантами обзывают, посмеиваются, а нам всем вместе так хорошо: и трудимся, и молимся, и

помогаем друг другу, и детишек в вере воспитываем — все вместе. Настоящая христианская семья! Здесь, в городе, наши братья тоже есть, в кинотеатре собираются, я к ним пару раз приезжала, мне понравилось. Там такая любовь, такое тепло, все Бога славят…

— Ну и…

Ольга теперь недоумевала: где же эти любовь и тепло, когда стряслась беда, когда семья осталась без главного кормильца и крова над головой?

— Обещали помочь в нашей беде, — поняла ее Даша, — да разве столько ртов сразу прокормишь? Их тоже можно понять…

Ольга задумалась:

— Дашка, вот так, с ходу и с лету, я ничего не могу предложить, но что-нибудь попробую придумать. Ты каким едешь? Питерским?

В ответ послышалось угрюмое:

— Угу.

— Я на вокзале встречу вас и заберу к себе. Макс пару дней в отъезде, как-нибудь разместимся, растолкаемся. А там видно будет. До встречи!

Она стала быстро собираться.

Через пару часов все семейство Даши было в комнатке Максима. Ольга отпросилась с работы, приготовила завтрак, постелила на полу, чтобы всем хватило места. Дети сразу уснули, утомленные дорогой.

— Намаялись, бедные, — улыбнулась Ольга, глядя на них, четверых деток-погодок: первенцем был мальчик, а за ним на свет появились три девочки.

— Счастливая ты, Дашка, — Ольга обняла подругу.

Та всхлипнула:

— Да уж… Все сгорело. Костик даже не успел проснуться, угорел от этого проклятого газа, забыл кран закрыть. Потом как пыхнуло, что только уноси ноги… Пожарники приехали, когда от нашего дома одни головешки остались. Куда нам теперь? Кому мы нужны с таким «счастьем»?..

— Как-то образумится, — вздохнула Ольга, сочувствуя горю подруги.

Она протянула ей маленькую сумочку:

— Здесь деньги: и мои, и Макса. Теперь твои тоже. Бери, не стесняйся. Детишек нужно кормить, да и сама не должна голодать, иначе протянешь ноги. Кто им тогда за мамку будет? Я, что ли?

Теперь Даша обняла подругу:

— У тебя доброе сердце, Олька. Бог тебя не оставит. Все будет: и детишки, и семья…

Тут она увидела на подоконнике Евангелие — подарок Балашова.

— Ты, вижу, тоже слово Божье читаешь? Молодец.

Ольга промолчала. Даша продолжала расспрашивать:

— У тебя с Максимом серьезно? Как он?

Ольга пожала плечами:

— Как все. Трудится день и ночь, крутит баранку, неплохо зарабатывает, не пропивает, не обижает, даже предлагает сойтись.

— А ты?

— И я так же: работаю, вечером идем куда-нибудь отдохнуть, развлечься, сейчас в Турцию собираемся махнуть…

Даша кивнула на Евангелие:

— Богу молитесь? Ходите в собрание?

— Какое еще собрание? Ты чего мелешь? Я беспартийная, по собраниям не хожу, — Ольге не хотелось говорить на эту тему. — В клуб ходим, Дашка.

— В какой?

— В ночной. «Золотая корона» называется. Хочешь, сходим вместе?

Та от страха сделала большие глаза:

— В ночной клуб? Там, где… Срам какой! Грех!

— Ходим, как другие ребята и девчонки.

— В ночной клуб… К Богу почему не ходите?

— Наверное, потому, что никто нам о Нем не рассказал, как тебе. Хотела однажды сама поискать Его, да…

Ольга замолчала, усмехнувшись. Даша с тревогой посмотрела на нее:

— Хотела найти, и…? Дальше-то что? Почему не нашла?

— Опоздала. Мне сказали, что я слишком поздно пришла в церковь. В это время, сказали, Бог уже отдыхает, спит. Посоветовали тоже идти отдыхать, иначе вызвали бы наряд полиции. Там бы точно «привели к Богу»…

— Бог спит?! — в ужасе прошептала Даша. — Где тебе такое сказали?

Ольга махнула рукой.

— Ты не махай! — Даша взяла ее за плечи. — Мы пойдем в наше собрание, ты увидишь, какие там замечательные, какие душевные люди. А пастор! У него такая сильная молитва, настоящие

чудеса!

— «Там чудеса, там леший бродит…» — засмеялась Ольга.

— Не смейся, я правду говорю, — с жаром остановила Даша. — Я поведу тебя на служение исцеления, тогда не будешь смеяться, а мигом уверуешь. Пастор помолится, возложит руки — и человек здоров: точь-вточь, как у апостолов. Я на себе испытала силу его молитв. Помню, однажды…

— Потом расскажешь, — Ольга кивнула на зашевелившихся детишек. — Ложись и тоже отдыхай. Мне еще одного человека навестить нужно.

И, собрав поесть, она пошла к соседу Балашову.

Арсений Ильич встретил Ольгу ожидаемым вопросом:

— Что у вас за шум? Детские голоса, вроде, слышались. Или показалось?

— Нет, не показалось, — Ольга поставила поднос рядом с ним.

Пока тот ел, Ольга рассказала ему про беду, случившуюся с Дашей.

— Ума не приложу, что делать дальше, чем помочь, — вздохнула она.

— Не ломайте голову, — спокойно сказал Арсений Ильич, — выход из этой ситуации есть, и он очень прост.

Ольга с удивлением посмотрела на него. — Пусть переселяются сюда.

— Ну да, — всплеснула руками Ольга, — с вашим больным сердцем только этой гоп-компании не хватало.

— Завтра я съезжаю отсюда, а на долго ли — Господу ведомо, — объяснил Балашов. — Помните, я рассказывал о человеке, который открыл мне свет веры? Николай Васильевич Мурагин. Его племянник — священник, не на много младше меня. Вот и будет компания из двух стариков: надеюсь, мое общество не будет ему в тягость, его же для меня — большим утешением. По великому счету, мне остался еще один переезд, последний…

— Куда это? — не поняла Ольга.

— В могильную землю, — невозмутимо сказал Арсений Ильич. — В моем возрасте да при моих болезнях полезно, даже необходимо каждый день думать об этом неизбежном для каждого человека исходе, а не ждать в свой адрес пожеланий еще долгих лет жизни. Пожил на белом свете сам — дай пожить другому.

Ольга хотела возразить на эти слова, но Балашов не дал:

— Зачем комнатке пустовать? С собой я все равно ничего не смогу забрать: ни к тому батюшке, ни в могилу. Пусть пользуются ваши друзья. Они оказались в большой беде. Снять в городе отдельную квартиру, даже угол по теперешним временам немалые деньги стоит. Где им взять?

Ольга опешила:

— Вы хотите отдать свою комнатку даром, просто так?

— Правильно поняли. И пусть не затягивают с переездом: я уезжаю — они въезжают следом, чтобы не нашлись другие охотники.

— Арсений Ильич, — прошептала изумленная Ольга, — вы или святой, или…

— «Или», — улыбнулся Балашов. — Второе «или».

Максима неприятно удивило то, что у него хозяйничали посторонние люди: по комнате всюду лежали детские вещи, остатки еды, пустые бутылочки с детским питанием, обертки, кульки. Денежными запасами тоже успели попользоваться. Ольга поспешила все объяснить.

— Короче, объявились бедные родственники, — усмехнулся он.

— Считай, что так.

— Дай им понять, что здесь каждую копейку зарабатывают горбом, собственным здоровьем: с неба деньги не падают.

— Я возвращу все, что для них пришлось взять, — Ольга чувствовала настроение Максима.

— По-моему, ты начиталась дурных книжек, — он кивнул на раскрытое Евангелие. — Поверь мне, в жизни все по-другому. Не живи сказками, даже очень добрыми и красивыми. Жизнь — не сказка.

8

Ольга не ожидала, что так заскучает за Балашовым, когда тот переехал к знакомому священнику. Теперь ей так не хватало этого общения, тихих бесед — очень искренних, доверительных, теплых. В основном рассказывал Балашов, Ольга же слушала: о его жизни, об удачах и неудачах, о радостях и разочарованиях, о его нынешнем печальном одиночестве и ожидании смерти. Первый раз Ольга видела человека, который ни о ком не говорил с обидой, с раздражением. Напротив, ему хотелось всех оправдать, всех пожалеть, всех выгородить. Себя же, напротив, он ставил ниже всех: даже, казалось, явных обидчиков и людей, поступивших с ним несправедливо и жестоко. Винил себя в том, что ему не хватило любви, не хватило милосердия к тем, кто отказывался его понять, осмеивал, винил в идеализме, считал человеком с повредившемся рассудком.

— Вера переворачивает жизнь не только того человека, в чье сердце она входит, но часто и тех, кто находится рядом, кто остается в неверии, кто не хочет открыть сердца для Христа, пустить Его к себе, — задумчиво говорил Балашов, рассказывая Ольге о прожитой жизни. — Вера — это ведь не только запах ладана в храме, не только красивое церковное пение, не только лики святых. Вера — это огонь, это удар острого клинка, это пропасть, которая даже родных, близких людей разводит в разные стороны: иногда надолго, часто навсегда…

И однажды прочитал Ольге задушевные строки:

С верою жить просто,
С верою жить строго,
Если душа просит
Жить и любить с Богом.

С верою жить вольно,
С верою жить сладко,

Если душе больно,
Если душе гадко,

Если ее судят —
Судят судом строгим —
Беру твою людям,
Веру твою в Бога.

С верою жить больно,
С верою жить чудно,
Если вокруг колья,
Если тебе трудно.

Вера — она терпит,
Вера любить учит,
Даже когда треплют
Или когда мучат.

Вера живет кротко,
Пламень страстей тушит,
Даже когда кто-то
Плюнет тебе в душу...

— Это мне Николай Васильевич подарил, когда было особенно трудно, — объяснил Балашов. — Я и не знал, что в нем жил еще и поэт.

К смерти отношение у Балашова тоже было удивительно спокойным, без тени отчаяния или страха. Нельзя сказать, что он ее совершенно не боялся. Он готовился встретить ее со страхом, но страх этот был особого рода — как у человека, ожидающего приговор судьи: сурового ли, оправдательного ли — знал только сам судья. Но страх не вытеснял из души Арсения Ильича надежду на милосердие Божие, на Его милость к кающимся грешникам.

— «Что жить, что умирать — все равно день терять», — улыбнется и начнет рассказывать что-нибудь интересное.

А рассказчик он был замечательный: слушать — не переслушать.

Как не был похож Балашов на стариков и старушек, которых Ольга видела и знала до него: не желающих мириться с мыслью о неизбежно приближающейся смерти, цепляющихся за любую надежду продлить свое дряхлое старчество, брюзжащих, раздраженных, унылых, мрачных, озабоченных лишь тем, чтобы найти в аптеках и по знакомым такое снадобье, чудо-лекарство, которое, по их мнению, способно возвратить здоровье, силы, бодрость и саму молодость. Глядя на Арсения Ильича, Ольге казалось, что он знал какую-то тайну, скрытую от других людей его возраста, поэтому ожидал приход смерти не с ужасом, а с оптимизмом, словно ему предстояло просто выйти из этой тесной комнаты в другой мир, где не было старости, не было болезней и печалей… Смерть же была его освободителем от всех земных оков, мешающих таинственному переходу в эту загробную вечность. Зачем ее так сильно бояться?.. Правда, зачем, если Христос воскрес? Верил же Балашов твердо: и во Христа, и в Его Воскресение, и в Его победу над смертью.

С его переездом в тихой комнате стало невообразимо шумно и весело. Дашины детишки были неугомонны: они добрались до книг, до этого стоявших стройными рядами и шеренгами на полках, бросались ими, громоздили баррикады, садились, прыгали через них. Книги валялись

повсюду: на столе, на кровати, разбросанные по полу. Едва не досталось старой скрипке: Ольга успела вовремя положить ее на самый верх шкафа.

Даша тоже радовалась: она не ожидала, что ее проблема разрешится так быстро. Она не могла поверить, что хозяин согласился пустить их к себе без всяких условий, не стал требовать платы, понимая, что несчастному семейству платить было нечем.

Но удивили ее не только великодушие Балашова, но и иконы в углу. Рассмотрев их, Даша скептически хмыкнула:

— Зачем эта «выставка»?

— Хозяин квартиры — верующий человек. Православный.

— Ты считаешь это верой? — усмехнулась Даша.

— Считаю, — спокойно ответила Ольга. — Иначе мы сейчас искали бы для тебя другое жилье. К тому же, за немалые деньги.

Ольга продолжала ощущать в себе все новые и новые движения души. Она уже видела, что в ее жизни произошло смещение всего, что казалось уже более-менее устоявшимся. Относительно стабильная работа, относительно неплохая зарплата, относительно спокойная личная жизнь… Не станет этого — найдется что-то другое: новая работа, новая зарплата, новая любовь. Она замечала: на нее по-прежнему заглядываются многие мужчины, даже из числа состоятельных «папиков», которые были намного старше ее. Любой из них охотно закрутил бы с ней роман: служебный ли, курортный, клубный, прямо в своей крутой «тачке» — без разницы. Казалось, нет повода для беспокойства, нет нужды что-то изменять, от чего-то отказываться. Однако Ольга чувствовала, что стала терять интерес ко всему, чем был наполнен образ ее жизни. Теперь душа потянулась к чему-то другому, а к чему именно — не могла выразить ясно. Непонятность, неудовлетворенность, странная внутренняя тревога, беспокойство — все это так или иначе ассоциировалось с последними событиями: со знакомством с Балашовым, с его скрипкой, с его тихими беседами о Боге, о рождении веры в Него…

Даша тоже заводила разговор на эту тему, но у нее получалось все не так, как у Балашова: тот ничего не навязывал, а лишь рассказывал, почему его душа устремилась к Богу, почему пошла за Ним, будучи уверенной, что Бог — это не плод чьей-то фантазии, не мираж, не самообман, не навязчивая идея нашего мозга, но Сама Правда, Сама Любовь.

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»[5]. Балашов не сомневался в истинности этих слов. Пройдя жизнь, испытав себя всеми ее «усладами», он обрел ее высший смысл и свое собственное главное призвание только во Христе, в служении Ему, в стремлении исполнить Его священные заповеди. Но почему простота этой Правды была скрытой для Ольги, почему не спешила открыться ей?

Вспоминалась встреча в трамвае. Кто была та странная незнакомка? Зачем она вытащила из памяти Ольги то, что ею самой давно забылось, не тревожило совесть, не бередило ее, не уязвляло стыдом? Теперь же она испытывала и стыд, и раскаяние во всем, чем занималась едва ли не с детства, познавая грех, вкушая его, услаждаясь им с такими же деревенскими малолетками. Кому обо всем рассказать? Кому открыть свою душу? Кто поймет? Кто не осудит?..

В который раз она вчитывалась в книгу, подаренную Балашовым — мысли блаженного Августина. Многое из того, о чем он писал, было созвучно нынешнему настроению Ольгиной души:

«Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда, — расширь его. Он обваливается — обнови его. Есть в нем чем оскорбиться взору Твоему: сознаюсь, знаю, — но кто приберет его?..»

«Ты, Господи, заглянул в бездну смерти моей и выгреб десницей Своей с самого дна сердца моего груды нечистот. А это значило отныне — всеми силами не хотеть того, чего хотел я, и хотеть того, чего хотел Ты».

«О пути извилистые! Горе дерзкой душе, которая надеялась, что, уйдя от Тебя, она найдет что-то лучшее. Она вертелась и поворачивалась и с боку на бок, и на спину, и на живот — всё жестко. В Тебе одном покой…»

«Кто выгребет груды нечистот из моей души? — думала она, вчитываясь и вчитываясь в эти мысли. — Их там так много… Кто простит? И простит ли?..»

В душе Ольги вдруг проснулось еще одно неизведанное чувство: желание одиночества. Суета, шум, веселье, компании — ничего этого теперь не хотелось. Хотелось тишины, хотелось остаться наедине с собой, чтобы лучше услышать себя. Она вспоминала, как спрашивала Арсения Ильича: неужели ему не в тягость его одиночество, замкнутость в четырех стенах?

— Когда Господь коснется вашего сердца, вы поймете, почему, — отвечал он с привычной мягкой улыбкой. — Душа, почувствовав близость к Богу, захочет отвернуться, убежать от всего, чем наполняла себя до этого момента. Она будет желать одиночества, чтобы слышать только Бога, Его голос, чтобы Он слышал голос души, ее молитву, вздохи, сокрушение, плач. Никто, ни один человек, даже самый умный и внимательный собеседник, не услышит нас так, как Господь. И никто, кроме Бога, нас не поймет и не простит.

И снова читал строчки своего друга:

Ночь осенняя, ночь холодная,
расплескалась на сердце грусть,
в тишине пред святой иконою
Божьей Матери помолюсь.
Богородице Дево, радуйся!
милосердия двери открой!
Не с обидою и не жалостью
я взираю на образ Твой.
Не богатств прошу ослепительных,
чтобы украсить жизнь захудалую:
слез прошу обличительных, слез прошу
покаянных.
Не здоровья прошу, не почестей,
чтобы их обрести нечаянно:
горьких слез прошу,
горько-горестных —
слез прошу
покаянных…

Как сейчас Ольге не хватало Арсения Ильича, чтобы поговорить с ним. Кто еще выслушает так,

как он? Бог? Если бы Его встретить. А может, Его не стоит тревожить своими проблемами?.. Живи, как жила — и с тебя хватит. Кому нужны твои тревоги?..

…Ольга сама не заметила, как однажды вечером снова очутилась перед той белокаменной церквушкой в тихом переулке. В ночной клуб идти не хотелось: там было душно, накурено и шумно. На улице же стояла приятная прохлада, время от времени моросил дождик, увлажняя пыльные улицы и дорожки в городском парке. Дождя давно не было, поэтому радовались не только горожане, но и уставшая природа: почти никто не ходил под зонтиками, деревья и кусты сразу позеленели, распрямились.

Дверь в церковь, как и в прошлый раз, была открыта: внутри горел свет, слышалось пение, а по дорожке, ведущей от главных ворот, ходили люди — правда, не слишком много. Некоторые стояли у входа и о чем-то негромко разговаривали, несколько человек шли уже из храма на улицу. Церковный двор был освещен, всюду зеленели раскидистые березки и липы, стояли красивые лавочки: под накрапывающим дождем все вокруг блестело. Шум большой городской улицы сюда почти не доносился.

Ольга остановилась в воротах, раздумывая, идти ли в церковь, откуда ее однажды попросили выйти. Неподалеку стояла знакомая машина настоятеля, покрытая мелкими капельками дождя.

Ольга вдруг подумала:

«Интересно, я крещенная? Может, мне сюда вообще вход запрещен?»

«Вроде бы, крестили, — мысленно ответила себе же. — Тетя Шура была моей крестной, а вот кто был крестным — не помню. Все так давно… Крестик у меня был, но носить не разрешали, чтобы другие не смеялись и не содрали с шеи: как-никак, не железный, а настоящий серебряный. По-моему, тоже тетя Шура подарила. Или баба Надя?.. Праздники какие-то отмечали: Пасху, Рождество, но все по-народному — с водкой, с застольными песнями. Все праздники заканчивались почти одинаково: отец валялся на полу пьяным, мама плакала…»

Постояв еще немного, решила войти. Но остановилась.

Этого одинокого человека Ольга увидела сразу: он сидел на одной из мокрых лавочек, не прячась от дождя под деревом или навесом. Может, потому, что на нем был длинный плащ с накинутым капюшоном? Одинокая фигура этого человека казалась чем-то лишним на фоне гармонии тихого уютного вечера: открытые двери храма, тихое стройное пение изнутри, струящийся неяркий свет, неспешно идущие люди, мокрые дорожки, лавочки… Кажется, все на своих местах, кроме этой фигурки. И сама она выглядит странной: человек сидел, низко склонившись к земле и что-то чертя там тонкой палочкой. Не похоже, чтобы ждал кого-то из церкви. Наоборот, он, казалось, был поглощен своим занятием, долгое время оставаясь в такой согнутой позе.

Кто это мог быть? Уличный бродяга? Но в такое время да в такую погоду эти люди ищут теплые места, подальше от лишних глаз, а не мокнут под дождем, к тому же на виду у всех, прямо в церковном дворе. Может, сидел нездоровый человек — из тех, которые часто «на своей волне»? Возможно. Но почему никто не подойдет и не поинтересуется им? Вдруг ему нужна помощь, обычное человеческое участие? Вдруг его ищут родные? Почему никто не подойдет, словно его вовсе нет? А он сидит, склонившись к мокрому песку, и что-то чертит своей палочкой.

Ольга свернула с дорожки и подошла к незнакомцу. Тот даже не повернул головы, продолжая

сидеть в своей неудобной позе.

Мелькнула мысль:

«Может, ему плохо? Что-то болит?»

— Эй, — Ольга прикоснулась к его мокрому плащу, — ты кто? С тобой все в порядке?

Незнакомец ничего не ответил и даже не поднял головы. Прямо перед ним на мокром песке Ольга увидела черточки, которые он делал обломанной березовой веточкой: четкие, десятка два-три. Она положила руку на его плечо:

— Ты кто? Здешний сторож?

Странный незнакомец на этот раз отреагировал, молча кивнув головой. Удивление не оставило Ольгу.

— А что это за черточки? Я не могу понять, объясни, пожалуйста. Игра какаято? Головоломка? Или что-то считаешь?

Тот вместо ответа снова кивнул.

— Тебе плохо? — не отступала Ольга, подозревая, что это все же не совсем здоровый человек, и ему нужна помощь. — Почему ты тихо сам с собою?

— Теперь тихо сам с тобою, — послышался из-под капюшона его негромкий глухой голос.

Ольга присела рядом.

— Там мокро, — снова послышалось изпод капюшона.

— Я все равно промокла, — мирно сказала Ольга, — даже зонтик не взяла. Кто знал, что пустится дождик? Вот так прогнозам верить… Дома обсушусь.

— Дома? Он далеко отсюда. К тому же, там тоже идет дождь.

Ольга не придала значения его словам.

— Тогда я зайду в церковь: внутри тепло и сухо. Может, пошли вместе, а? — предложила она, чтобы как-то отвлечь незнакомца от странного занятия.

Теперь Ольга была уверена, что рядом с ней сидел нездоровый человек. Он ничего не ответил.

— Ну что, идем?

В ответ — молчание.

— Может, хочешь горячего чаю или кофе? Туг недалеко есть уютная кафешка. Пойдем, я угощу. Тебе не будет так одиноко. Пойдем? Я помогу тебе встать…

Тот немного повернул голову в сторону Ольги:

— У тебя доброе сердце.

Но так и не шелохнулся, чтобы встать и пойти. Ольга успела увидеть из-под низко надвинутого капюшона длинные мокрые волосы. Ей стало жалко этого человека. Она вдруг почувствовала, что он страшно одинок: его никто нигде не ждет, он никому не нужен, всеми забыт… Чем ему помочь? Ольга снова попыталась разговорить незнакомца.

— Я сейчас посмотрела на тебя и вспомнила, как один мой хороший знакомый рассказывал об Иисусе. Однажды к Нему привели молодую женщину. Ее поймали с чужим мужчиной… Понимаешь, о чем речь? Деталей я не помню. Эту женщину должны были поставить на площади и на глазах у всех жителей побить камнями. Приводят к Иисусу и спрашивают Его: «По нашим законам ее нужно убить. Ты что скажешь на это?» А Иисус, представляешь, нагнулся низко к земле, как ты сейчас, и начал что-то писать на песке. Те стоят, ждут, что Он скажет, а Иисус ничего им не говорит: только пишет, пишет, пишет… Тем стало интересно, они подошли ближе, а когда прочитали, то…

— Верно, — тихо сказал незнакомец. — Этих людей было семеро, все книжники и фарисеи. Главного, кто кричал громче других, звали Мешулам. Рядом стояли Ашер, Шалум, Елед, потом Амарнах, Иоиль и Мерари. Жалкие вожди и судьи… По закону с каждым из них следовало поступить так, как они хотели поступить с той женщиной. Они заслуживали даже большего наказания и позора, ибо их беззаконие превзошло всякую меру. Они были уверены, что об их делах никто не узнает. Но у Бога нет ничего тайного, что не стало бы явным. Поэтому ни у кого из них не поднялась рука первому взять камень и бросить в несчастную.

— Ты знаешь ее имя?.. — прошептала Ольга.

— Думаю, оно тебе тоже хорошо знакомо… — так же тихо ответил незнакомец и начал медленно поворачиваться к ней, распрямляя спину и поднимая голову.

Ольга окаменела от ужаса. Она была уверена, что сейчас он назовет не чье-то, а именно ее имя, что через секунду она встретится с его взглядом и тогда… Что тогда? В это мгновение Ольге стало понятным состояние евангельской блудницы, которую привели на расправу, когда все, кто был тогда на главной городской площади перед храмом Соломона, — и фарисеи, и книжники, и ближайшие ученики, и простые люди, и случайные зеваки, — смотрели на Христа и ждали, чем Он ответит на брошенный Ему вызов: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?» Дескать, нам-то все ясно, мы свято чтим закон, знаем каждую его букву, вот и камни уже наготове. «Ты что скажешь?» Одно Твое слово — и первый же увесистый камень размозжит несчастной женщине голову, второй добьет ее…

Но сейчас Ольга явно видела на месте перепуганной насмерть иудейки — молодой, красивой, желанной многими мужчинами — себя. Это в нее полетит первый камень, за ним второй, третий…

Сначала она дико закричит от страха неизбежной боли и смерти, потом ничего не будет чувствовать, а лишь будет лежать на окровавленной земле и тихо стонать, пока и эти стоны не утихнут… Осталось дождаться, что произнесет Иисус. Никто из окружающих не сомневается, что Он не посмеет восстать против святого закона: зло должно быть наказано.

Но Иисус ничего не говорит: Он нагнулся к самой земле и что-то пишет, водя перстом по пыли. Что именно пишет — не видно никому, кроме судей, кипящих гневом и жаждой возмездия. Они всматриваются — и каждый сам приходит в неописуемый ужас. Каждый читает собственные преступления, за которые должен быть немедленно связан и насмерть забит камнями: Мешулам, оказывается, грязный вор, расхититель церковных украшений; его ближайший друг

Ашер прелюбодействует хуже пойманной «на горячем» женщины — он спит с женой своего родного брата, Мерари — вообще содомит, Шалум — клятвопреступник, «святоша» Иоиль втайне поклоняется и приносит жертву языческим богам, «праведник» Амарнах ограбил бедную вдову и забрал у нее все имущество, Елед унижает и бьет родного отца.

Как Он обо всем узнал? Как?! А Иисус продолжает писать: молча, ни на кого не глядя, низко опустив голову. Вот подул легкий ветерок — и тайные грехи, только что начертанные Им на пыли, исчезли. Но все, кому они были адресованы, успели прочитать и теперь пятились назад, охваченные страхом, забыв об уличенной в грехе плачущей женщине, забыв, зачем пришли сюда. Лучше бы они вообще не приходили!

И тут Иисус, по-прежнему не поднимая головы, обращается к ним: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Ну, кто? Давай, начинай! Приводи приговор в исполнение, Мой суд уже окончен! Теперь ваш черед!

Все семеро по-прежнему охвачены невыразимым ужасом: минуту назад вооруженные своей правдой, своей праведностью, набожные, они вдруг стали безоружными, обезоруженными, никчемными — оружие правды оказалось у Того, Кто смотрел им прямо в сердце, и от этой правды нельзя было никуда скрыться, убежать, откупиться, оправдаться, выкрутиться, свалить вину на другого.

Площадь перед храмом быстро опустела. Все боятся стать следующими, о ком молчавший Учитель напишет правду. Нет никого: лишь Он и в страхе упавшая перед Ним женщина.

«Где твои обвинители? — спрашивает Иисус, поднимая голову и распрямляясь. — Никто не осудил тебя?»

«Никто, Господи», — слышит Он в ответ голос женщины, которая еще до конца не верит в то, что с ней произошло. Ее место возле каменной стены, куда ставили приговоренных к позорной смерти грешников, уличенных в тяжких преступлениях против закона Моисея. В нее уже должны лететь увесистые камни, а сама она должна лежать в луже собственной крови, испуская последние предсмертные хрипы. Вместо этого ужаса в ее сердце входит невыразимая, неописуемая радость, которую не сравнить ни с чем, что она испытывала, предаваясь низменным плотским страстям. Она вдруг осознает, что до этого была даже не женщиной, а живым товаром, самкой, животным, и даже хуже, ибо никакого другого удовольствия, кроме блуда, не знала. Понимание низости своей жизни, глубокой порочности приходит к ней, как озарение, как вспышка молнии — без всяких нравоучений, чтения нотаций на темы морали, без угроз и без уговоров. Иисус видит состояние ее падшей грешной души, как перед тем видел души семерых «праведников».

«И Я не осуждаю тебя, — говорит Он женщине, — иди и впредь не греши».

Господь освобождает несчастную душу от ярма греха, который раздавил, смешал ее с грязью. Она уже твердо знает, что к прежней жизни не вернется: никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах…

Все это пережила и Ольга, до конца не понимая, кто был сидевший незнакомец в мокром плаще с капюшоном. Еще не встретившись с ней взглядом, он видел, что творилось в ее душе, когда там обнажился грех, лопнул и вытек со зловонием, как назревший гнойник. Ольгу уже не терзал вопрос, который возник у нее, когда она встретилась с такой же загадочной незнакомкой в вечернем трамвае. Сейчас ее охватил уже не страх, что ее грех обнаружен, что о нем узнали. Ольгу охватил горький стыд, осознание того, что она была во много раз хуже той

уличенной женщины, поэтому готова принять самый суровый приговор, встать к стене позора, быть оплеванной, осмеянной, побитой до смерти камнями: она искренно считала себя достойной всего этого. Ей хотелось освободиться от этого ярма, смыть с себя отовсюду налипшую грязь, очиститься — пусть даже через позорную, лютую смерть.

Еще миг — Ольга увидит лицо таинственного незнакомца, а потом услышит от него приговор в свой адрес. Это непременно произойдет… Что он скажет теперь, глядя в душу Ольги? «Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши» или: «Уйди прочь, проклятая»?

…Дождь усилился, но Ольга этого не замечала. Вот уже он смыл черточки, которые ставил на песке этот странный одинокий человек, склонившись к земле. Они исчезли — как исчезли страшные слова обличения, написанные священным перстом Христа на пыльных каменных плитах перед главной святыней иудеев — храмом Соломона. Ольга хочет спросить незнакомца еще о чем-то ~ личном, очень важном, но в глубинах души уже знает ответ на это терзающий ее вопрос. Она знает, что незнакомец без всяких слов понял, о чем она хотела его спросить — и ответил. Нужно лишь войти в собственную душу: ответ там, он готов…

Из этого состояния Ольгу вывел резкий голос со стороны церкви:

— Батюшка, вы полюбуйтесь на эту сладкую парочку! Всякий стыд потеряли!

Ольга вздрогнула и осмотрелась: она сидела уже не рядом, а на корточках перед незнакомцем, взяв его руку и глядя на него с немой мольбой-просьбой. О чем она его умоляла — не могла вспомнить. Он же сидел, наклонившись, не открывая лица, спрятанного под широким капюшоном.

— Вы нам? — растерянно спросила Ольга, обернувшись на крик.

— Да, вам! — крикнула женщина, стоявшая в дверях церкви. — Кому же еще? Ах, бесстыжие!..

Рядом появился священник — тот самый, которого Ольга уже видела раньше. Теперь он был в темном подряснике и с наперсным крестом. Под зонтиком вместе с женщиной он подошел ближе.

— А, так это наша старая знакомая, — усмехнулся батюшка, кивнув на Ольгу. — Смею заметить, сударыня, что прошлый раз у вас был более презентабельный вид.

Дождь и впрямь изрядно намочил Ольгу: ее длинные красивые волосы слиплись и свисали, как веревки, одежда тоже была мокрая, местами прилипнув к телу.

— Мы хотели зайти вовнутрь… — тихо сказала она, указав на церковь.

— Вот и хорошо, что передумали, слава Тебе, Господи, — оборвала женщина. — Только вас не хватало. Идите с Богом, мы уже закрываем. Не то вызовем полицию.

— Вы уже второй раз приходите искать Бога — и снова не вовремя, — настоятелю не хотелось мокнуть на дожде. — Неужели нельзя приходить в храм, как все люди: в положенное время и в нормальном состоянии?

Незнакомец в плаще молчал. Ольга хотела что-то сказать, но батюшка опередил:

— Кстати, в таком виде и в таком состоянии вы никогда не найдете Бога.

— Я уже нашла… — возразила Ольга.

Оба — священник и женщина — снисходительно улыбнулись.

— Да, я нашла… Вернее, поняла, где Его нужно искать. Один мой знакомый говорил, что Царство Бога находится внутри каждого из нас. Я этих слов не могла понять, а теперь поняла. Да, Бога нужно искать вот тут…

Она показала на грудь, на сердце.

— И кто же помог вам это уразуметь? — священник снова усмехнулся.

— Вот этот человек, — Ольга кивнула на незнакомца.

— Ага, ясно. Как его величать, не сказал? Не представился хотя бы вам? Потому что с нами он все время в молчанку играет.

Ольга отрицательно покачала головой.

— Жаль, очень жаль. Наверное, светило богословия. Хотелось бы и нам познакомиться поближе, но с нами он играет в молчанку. Видим его здесь время от времени: «зимой и летом — одним цветом», в плаще, под капюшоном. Ничего не поделаешь… Рад, что хоть вы нашли с ним общий язык. А теперь, господа хорошие…

Настоятель сделал выразительный жест, чтобы те уходили. Ольга хотела все объяснить, но тут увидела, что незнакомец, не открывая капюшона, поднялся и молча пошел к воротам.

— Вы не так поняли, — с жаром сказала Ольга, но батюшка взял ее за локоть:

— Даже не представляете, как хорошо мы вас поняли. Поэтому просим покинуть церковный двор без лишнего шума. Парк большой, скамеечек много — найдете, где устроиться и продолжить свою милую беседу. А наших людей смущать не нужно, это грешно.

Ольга не стала оправдываться и молча пошла следом за незнакомцем. Но в воротах остановилась.

— Прошлый раз вы сказали мне неправду, — спокойно сказала она, глядя в глаза батюшке.

— Что именно, сударыня? — удивился он.

— Вы сказали, что в это время Бог спит. Может, вы тоже так думаете или этому вас учили. Неправда. Бог не спит. Он намного ближе, чем нам кажется. И никогда не спит.

Ольга была уже за воротами, идя следом за незнакомцем, сама не понимая, зачем и куда. И тут ее снова остановил крик женщины:

— Погодите!

Укрываясь от дождя халатом, женщина выбежала из церковных ворот и что-то сунула в руки Ольге, злобно шикнув:

— Забирайте, это ваше.

— Что тут? — удивилась Ольга, принимая небольшую холщевую сумку: она тоже была насквозь

мокрая.

— Ай-яй-яй, — покачала головой женщина, — так пить, так напиваться, что ничего не помнить. Да еще в храм Божий тащить. Какой стыд, какой грех! Тьфу!

И побежала назад. В сумке что-то было. Ольга вытащила и посмотрела при свете уличных фонарей: это было Евангелие с тряпочной закладкой.

Сразу мелькнула мысль:

«Наверное, этот человек забыл».

Она быстро пошла в ту сторону, куда только что шел незнакомец, но его нигде не было видно. Ольга побежала в одну сторону, в другую: везде было пусто, ни души.

— Куда же ты делся?..

Поняв, что искать бесполезно, положила книгу назад и пошла на трамвайную остановку.

Дома она снова вытащила книгу и положила ее просохнуть на подоконнике у приоткрытой створки окна. Несмотря на поздний час, спать не хотелось. После всего пережитого на душе царило удивительное спокойствие и тишина. Остался без ответа лишь один вопрос, которым Ольга терзалась, сидя рядом с незнакомцем: что скажет ей Тот, Кто простил уличенную грешницу? «Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши» или: «Уйди прочь!»?

Ольга лежала на кровати и долго смотрела на сохнущее Евангелие: оно было старым, много раз читанным, с пожелтевшими уголками страниц, в потрепанной обложке. И торчащая из нее закладка была такой же: тряпочной ленточкой — давно выцветшей, ветхой.

«Интересно, о чем читал тот человек?» — подумала она, потом встала, взяла книгу и осторожно раскрыла ее на странице с закладкой. И не спеша начала читать:

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и трехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром»[6].

Ольга прочитала этот отрывок снова, потом еще раз… Ее охватило состояние неизведанного умиротворения и радости. Слова вошли в душу и, как снег, как роса, укрыли все оголенные там язвы. Слезы вдруг сами потекли по щекам, Ольга склонилась к прочитанным строчкам,

прижалась к ним, чувствуя сердцем, что в них был Сам Христос. И это ей, Ольге, Он сейчас тихо сказал:

«Вера твоя спасла тебя, иди с миром…»

9

Проснувшись, Ольга потянулась к телефону. Там было два пропущенных звонка: от Максима и неизвестный номер. Она даже не слышала, как ей звонили: ее поглотило состояние покоя и внутренней тишины, охватившее накануне вечером. Сначала позвонила Максу.

— Пляши, Олечка! — закричал он радостным голосом. — Едем мы с тобою в теплые края! Собирай сумки!

— Куда едем? — не поняла спросонья Ольга. — В какие края?

— Как это куда? Туда, куда мечтали: Турция и Египет. Две горящие путевки у меня уже в кармане. Сегодня занимаемся загранпаспортами, визами, а через недельку — вжик самолетом на солнечные берега! Вечером это событие хорошо отметим в клубе, я пригласил пацанов. Кстати, почему ты не у меня?

— Потому что…

Ольга осеклась. Она вдруг ясно поняла, что не сможет жить прежней жизнью. Туда больше нет возврата, дорога назад отрезана.

— Мне трудно все объяснить. Короче, Макс, я никуда не лечу. И вообще…

— Что «вообще»? — обескураженным голосом переспросил Максим. — Что случилось?

— Ты меня не поймешь… Но нам нужно расстаться.

— Как расстаться? Надолго?

— Надолго… Не знаю. Возможно, придется расстаться навсегда. Прости.

— У тебя кто-то другой?

— У меня никого нет. Честное слово. Я хочу остаться сама.

— Ты не заболела? У тебя проблемы со здоровьем?

— Нет, все в порядке.

— Говоришь, все в порядке? — Максим начинал закипать. — Спать со мной, бежать сюда, как голодная вдова в постель, шептать на ушко разные сладкие слова, строить планы, а потом вдруг расшаркаться и сказать: «Прости, хочу остаться сама» — это, считаешь, нормально? В порядке вещей? Бросим пить, курить, влюбляться, станем спортом заниматься? Ты за кого меня держишь?

Ольга молчала.

— Ты мне расскажешь всю правду, — услышала она твердый голос Максима. — Иначе я вытряхну ее из тебя, клянусь мамой. У меня это получится, не впервой.

— Макс, я не обманываю и все расскажу, но сейчас оставь меня. И прости…

— Смотри, не пожалей…

Ольга чувствовала свою вину перед Максимом. Как теперь быть? Она не отказывалась вместе с ним жить, вместе развлекаться. Макс ее вполне устраивал. Другие девчонки мечтают о таком парне, ищут его, готовы поступиться всем, лишь бы он был рядом. Кто поймет поступок Ольги? Кто назовет ее умной, порядочной в отношениях с ним?

Ольга вздохнула и глянула на пропущенный незнакомый номер: чей мог быть? И нажала вызов. На том конце сразу ответили, послышался спокойный немолодой голос:

— Я друг Арсения Ильича, священник. Меня зовут отец Афанасий.

— Да, он говорил, что переезжает к вам.

— Верно. А теперь уезжает. Навсегда. Поэтому зовет к себе всех близких и дорогих ему друзей, чтобы последний раз увидеться и попрощаться.

— Куда он собрался, такой больной? — не сразу сообразила Ольга.

— Туда, где уже нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания… Арсений Ильич готовится к смерти, ему осталось недолго, поэтому поспешите, если хотите застать его в живых и попрощаться.

— Я не думала, что окажусь в числе его друзей, тем более близких. Мы общались, мне хотелось помочь Арсению Ильичу, но я делала это без всякого расчета, от души.

— Это и ценно, Оля, — сказал отец Афанасий. — Самые ценные человеческие отношения — бескорыстные, в которых нет никакого расчета. Поэтому вы и попали в число самых близких друзей моего друга.

Отец Афанасий сказал, где живет. Ехать нужно было за город, но Ольга не стала откладывать поездку и в тот же вечер отправилась по адресу.

Батюшка жил в пригородной зоне, известной всем жителям, как «Разъезд». Когда-то здесь была большая промышленная зона, много разных фабрик, и, чтобы рабочие успевали, сюда провели узкоколейку и пустили небольшой поезд, который тянул пыхтящий паровозик. В этом месте он делал первую короткую остановку, чтобы разойтись со встречным рабочим поездом, и пыхтел дальше, а к вечеру так же забирал всех назад. С тех пор многое поменялось, а старое название — «Разъезд» — осталось прочно. Рядом с частными домиками выросли городские многоэтажки — и получилось, как говорится, ни то, ни се: еще не город, но уже и не село, не деревня.

Здесь-то и жил отец Афанасий Дымов: в таком же старом, ветхом доме, как и он сам. Жил небогато, по нынешним меркам даже скудно, питаясь от скромного жалованья, которое получал на приходе, да такой же скромной, мизерной пенсии. Но сколько нужно одинокому человеку? Овдовел он рано, двух детей — дочку и сына — сумел поставить на ноги, дать образование, благословить в самостоятельную взрослую жизнь, — а теперь доживал сам в служении Богу, в молитве, в духовном чтении, в посильной работе на земле. Такой образ жизни отразился на внешнем виде батюшки: он был поджарым, хотя и немного сгорбленным, энергичным, быстрым в движениях и в мыслях, очень доброжелательным, улыбчивым, уравновешенным, без жалоб на старческие годы и болезни почтенного возраста. Ходил он и

дома, и на улице, и в храме одинаково: в строгом подряснике, всегда причесанный, с затянутыми назад прядями седых волос, с аккуратно стриженой бородкой.

Его дом был разбит на три комнатки. Одну занимал он сам: тут все было заставлено книгами, подшивками церковных журналов, всюду висели святые образа. В другой комнате нашел последний земной приют тяжело больной Арсений Ильич Балашов. Третья комната — самая светлая, самая просторная — служила гостиной, где можно было не только пообщаться, но и заночевать в случае нужды. Вот и все апартаменты отца Афанасия, если не считать крохотной кухоньки да прохладной кладовой, заменявшей холодильник. Остальные «удобства» — во дворе, в том числе маленькая русская банька.

Батюшка гостеприимно встретил Ольгу и сразу, без лишних расспросов, проводил к больному.

— Слава Тебе, Господи, — обрадовался Арсений Ильич, увидев гостью, — дождался я свою кормилицу…

И, взяв руку Ольги, поцеловал.

— Если бы мы не были близко знакомы, я бы подумал, что мой друг влюбился в вас, — улыбнулся отец Афанасий. — Любви, как писал классик, все возрасты покорны. Он очень ждал вас и вспоминает всегда с большим теплом.

— Я, вроде, ничем таким не отличилась… — засмущалась Ольга.

Ее тронула атмосфера, царившая в комнате, где лежал Балашов. Смерть — тот леденящий душу ужас, кошмар, доводящий многих до полного отчаяния и даже безумия — тут не чувствовалась. В изголовье больного висели несколько образов, перед которыми горела большая лампада; рядом стоял столик, а на нем — две раскрытые церковные книги: Евангелие или Псалтирь. В комнате приятно пахло ладаном и восковыми свечами. Сам Арсений Ильич лежал спокойный, неспешно перебирая худыми пальцами узелки четок и неслышно творя молитву. Он ожидал великого момента, ради которого жил, страдал, отстаивал свое право на веру в Бога. Вот-вот он переступит таинственную черту — и войдет в страну вечности, навсегда оставив все, что держало его на земле. О том, что он был при смерти, говорило прерывистое хриплое дыхание, тяжелая одышка, прикрытые глаза и бледность лица: на нем уже не было ни кровинки.

— Прости меня, — прошептал он, не выпуская руки Ольги, — и молись за мою грешную душу.

— Помирать рановато, — ей хотелось подбодрить Балашова. — Кто будет мне рассказывать так интересно, как вы? А кто будет играть на скрипке?

— Отыгрался… Отговорился… Пора за все держать ответ, за каждое слово…

— Вы же не преступник или разбойник какой-то…

— Хуже, Олечка… Во сто крат хуже… У разбойника раскаяние было, а у меня, грешного, — слова, слова, слова… Пустозвонство… Все упование и надежда — на милосердие Господне. «Аще беззакония назриши, Господи, кто постоит?..»[7] Молись за меня, не забывай…

— Не умею я, Арсений Ильич, — смущенно призналась Ольга. — Вот приготовить вам что-нибудь вкусненькое — с радостью. А молиться…

— Все равно молись. Не по книжкам, а как сердце подскажет: оно у тебя очень доброе, само

научит… Только чаще прислушивайся к нему…

Балашов задыхался. Ольга посмотрела на отца Афанасия — тот сделал знак выйти за ним.

— Врачи уже сделали все, что могли, — вздохнул отец Афанасий. — Для каждого из нас однажды наступит день, когда мы поймем, что врачи бессильны, и от этой правды никуда не деться. От земных болезней и страданий человека избавляет смерть. Все, что ждет нас после: вечные страдания или упокоение в Боге — в руках правосудия Господнего и Его милосердия.

Батюшка снова вздохнул.

«А где жена Арсения Ильича? Где его дети, остальные родные?» — хотела спросить Ольга, но сдержалась, вспомнив, что Балашов всегда с болью вспоминал о своей семейной жизни и мало о ней рассказывал.

Пока отец Афанасий рассказывал о своем умирающем друге, пришли еще два священника: один в возрасте, а второй еще молодой. Ольга собралась возвращаться.

— Поздно уже, да и городской транспорт уже не ходит. Оставайтесь заночевать, — предложил отец Афанасий. — У меня во дворе летняя кухонька, вам будет удобно. А мы исполним последний долг перед Арсением Ильичем. Он очень любил молиться, а сейчас ему это очень трудно. Поэтому от его лица будем молиться мы…

И, пока Ольга была еще в доме, до нее донеслось тихое молитвенное пение:

«Приидите, соберитися вси, иже благочестно в житии пожившии, и восплачите о души отчужденней славы Божия, и работавшей студным демоном всяким тщанием.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Ныне убо время все моего живота, яко дым претече, и предсташа прочее ангели посланнии от Бога, окаянную мою душу ищущи немилостивно…»[8]

Рано угром, когда Ольга снова вошла в дом, чтобы попрощаться с отцом Афанасием, Арсений Ильич лежал уже не в кровати, а в гостиной в комнате, в скромном гробу, одетый в свой старый темный костюм. На его лице застыла маска удивления: перед тем, как сделать последний вздох, ему, наверное, уже открылся загробный мир, в который он свято верил и в который готовился войти. Тайна этого мира его не испугала, а удивила: видимо, там было нечто такое, что не могло не удивить душу даже глубоко верующего человека. Следы физических страданий, испытанных им накануне, — все исчезло. Казалось, Балашов погрузился в сон: глубокий, спокойный, без тревог. Вокруг его гроба уже сидели какие-то люди, а один из священников, которого Ольга видела вечером, у изголовья покойного негромко читал Евангелие.

Ольга не могла остаться: нужно было спешить на работу. Кроме того, она вспомнила о своей подруге Даше с детишками: они ведь жили в комнатке Балашова. Что с ними делать теперь, если скажут выселяться? Куда их пристроить, к кому? Снова на улицу?

Ольга подошла к гробу Арсения Ильича и низко поклонилась. На душе не было скорби. Глядя на покойника, она была уверена, что они снова встретятся, и Арсений Ильич уже не расскажет, а покажет все, во что он твердо верил, к чему шел, оставив то, что манило назад, отвращало от Бога. Когда произойдет их новая встреча, где — Ольга не могла сказать, но верила в то, что ее добрый друг не умер: он просто оставил этот мир и ушел в другой. Дорогу

туда он уже хорошо знал.

Отец Афанасий вышел проводить Ольгу за ворота своего дома.

— Спаси вас Господь за добро и милость, которые вы оказали Арсению Ильичу, — сказал он, прощаясь. — Не забывайте его последнюю просьбу: молиться о нем. И о нас, грешных, тоже не забывайте.

Ольга не успела дойти до ближайшей остановки, как услышала в сумочке мелодию звонка телефона.

«Наверное, Макс», — подумала она, готовясь к неприятному разговору.

Но звонила Даша.

— Олька… — раздался в трубке ее плачущий голос. — Олечка… Беда с нами… Что же теперь будет…

«Вот и началось», — вздохнула Ольга.

Она сразу поехала к подруге. Та встретила ее во дворе, прямо под окнами квартиры, где они недолго жили. Даша сидела зареванная, в окружении таких же заплаканных детишек и пары сумок с вещами.

— Олечка, — запричитала она, увидев подругу, — что с нами будет? Кому мы нужны? Ой, горе!.. Ой, беда-а-а…

— Кто вас выселил?

— Баба какая-то, говорит, что теперь она хозяйка. А с ней два мужика. Попробуй им что скажи. Хорошо, что не прибили на месте. Ой, горюшко-о-о…

— Хватит причитать! — одернула Ольга.

Она открыла сумочку и начала оттуда доставать:

— Вот тебе ключи от моей комнатки, езжайте и устраивайтесь. Вот тебе деньги на первый случай и на такси, чтобы доехать. Хотя…

Она посмотрела на окошко комнаты, где жил Максим: оно тоже выглядывало во внутренний двор. Окно было раскрыто: Макс всегда любил свежий воздух.

— Погоди. Может, бесплатно поедешь.

Она быстро поднялась и взялась за ручку двери: она была не заперта. Ольга тихонько постучалась и вошла. Максим лежал на кровати и курил.

— О, равнение на появление! — засмеялся он, увидев Ольгу. — Что, кризис миновал? С возвращеньицем.

— Не совсем так… Макс, я с просьбой. Отвези Дашку ко мне в обща1у. У нее ни гроша, снова оказалась на улице.

Максим приподнялся и насмешливо посмотрел на Ольгу:

— Правда? У нее ни гроша, а у тебя? Сколько у тебя еще таких подруг и бедных родственников? Давай их сюда, всех развезу. За твой счет. Раз любовь между нами прошла, то переводим наши отношения на деловую, коммерческую основу: я вожу, катаю твоих подруг, а ты со мной рассчитываешься. Не обязательно деньгами — натурой тоже можно. Как, согласна?

Ольга вспыхнула:

— Ты за кого меня принимаешь? За уличную девку?

Максим цинично расхохотался:

— Нет, Олечка. Та заслуживает большего уважения, потому что знает правила: любовь — деньги, деньги — любовь. Она правил не нарушит, а если это сделает, то ее крепко накажут. Поверь мне, среди моих клиентов разная публика: есть и продажные девочки, и сутенеры, и разная братва. Ты же со мной поступила, как последняя дешевка.

Он злобно сверкнул глазами и отвернулся.

— Макс… Максик… — Ольга не знала, какие найти слова, чтобы все объяснить. — Я тебе все расскажу, объясню…

Максим снова повернулся к Ольге и уже спокойным тоном спросил:

— Признайся: у тебя кто-то появился?

— Да… — тихо ответила Ольга.

— С этого и надо было начинать, а не юлить. Кто он? Я знаю?

— Знаешь, — Ольга оставалась спокойной. — Это Иисус.

На мгновение Максим потерял дар речи.

— Кто?! — прошептал он, придя в себя.

— Иисус…

От этого признания Максим разразился гомерическим хохотом.

— Ты тронулась умом! Дура, какой Иисус?! Кто тебе напел этих басен? Твоя подружка? Такая же деревенская дура, идиотка?

— Причем здесь Дашка?

— Пока она тут кантовалась, то всему дому загадила мозги болтовней про Бога: «Ах, Иисус! Ах, аллилуйя!» После нее включи утюг, чайник, открой кран на кухне — и только это услышишь. Кого ни встретит — сразу зовет на какие-то собрания, молельни, чудеса посмотреть. Где ее Иисус? Где ее хваленые братья во Христе вместе с сестрами? Почему они не помогут? Почему этим обязана заниматься ты? Когда она приехала, с ней возилась ты. Теперь, когда ее выперли, снова ты суешь свой нос в ее проблемы. Или тебе своих мало?

— Максим… — хотела успокоить Ольга, но тот не унимался:

— Или это работа того старого хрыча, за которым ты ухаживала и обхаживала его в мое

отсутствие? Он тоже любил про Бога разные басни рассказывать. Были у него хорошая работа, зарплата, почет — потерял. Были нормальная семья, свой дом, дача, машина — тоже потерял. Все коту под хвост. Во имя чего? Кто его назовет нормальным? Вчера, говорят, «сыграл в ящик», «копыта откинул»[9] и пошел червей кормить. Где его Бог? Почему не вижу?

От гнева он тяжело дышал.

— Максим, я все объясню, — тихо сказала Ольга. — Но отвези, пожалуйста, Дашку и ее детишек.

— Убирайся… — буркнул Максим, опустив голову. — Все убирайтесь…

Ольга поняла, что разговаривать бесполезно, и пошла к двери.

— Это тоже пусть убирается вместе с тобой! — услышала она крик Максима, и что-то ударило ей в спину.

Ольга повернулась и увидела на полу у своих ног Евангелие: то самое, которое ей подарил Балашов. Она подняла книгу и прижала к груди:

— Вот за это спасибо…

И вышла.

10

После того, как Даша с детишками поселилась у Ольги, ее комнатушка, и без того тесная, стала такой, что там и ногой негде было ступить. Ольга уступила подруге свою кровать: она спала там с самой меньшенькой девочкой, Ольга же разместилась на полу с остальными тремя детьми. Чтобы не было слишком жестко и холодно, на бетонный пол бросили все, что можно, кое-что попросили у соседей: старые матрацы, одеяла, пальто, куртки. На всем этом спали, этим же укрывались. Пришлось убрать даже стол: вместо него ели на подоконнике и на старой тумбочке.

Даша безутешно и горько плакала, не видя просвета.

— За что нам такая беда? — горевала она, вытирая слезы. — Куда теперь? Кому мы нужны?

— Вас никто отсюда не гонит, — утешала Ольга, — живите, пока все не образумится.

Утешение было слабым: и Ольга, и Даша видели, как «обрадовались» такой ватаге маленьких детишек соседи. Некоторые из них побежали жаловаться коменданту, требуя немедленно выгнать этих «новоселов»: и без них было тесно, неудобно, шумно. Кухня, туалет, душ, коридор, кладовая — все общее. Ольга, как могла, старалась уладить: тому гостинец принесет, тому денег даст, тому улыбнется. Но ропот не утихал.

Вскоре после переезда к Ольге Дашу навестили ее братья по вере: они принесли две большие сумки с продуктами, кое-что из детской одежды и конверт с деньгами — все, что удалось собрать. Даша была рада этой помощи и не переставала благодарить своих благодетелей. Ольге они тоже понравились: вежливые, радушные, общительные.

На прощанье гости ласково сказали:

— Приходите к нам в собрание. Вы стали для нашей сестры больше, чем подруга. Пусть Бог благословит вас.

Ольга ничего не стала обещать: она была занята своими мыслями и заботами.

Беда, говорят, редко приходит одна. Даше добавилось волнений. Глаза ее не высыхали от слез, она горестно вздыхала, сидя возле своей старшей дочки Галочки: та лежала на кровати с высокой температурой, тяжело дышала и стонала от боли.

— Что с ней? — Ольга спросила Дашу.

— Ой, не спрашивай…

И снова в слезы. Потом рассказала:

— Кабы знать, что с ней. Кому ни показывали — каждый свой диагноз ставит. У нее в горле такое творится, что не приведи Бог: сплошные гнойники. Пока не воспаляются — жить как-то можно, а воспалились — хоть криком кричи. От этой беды ей и ножки начало крутить, и сердечко болеть, а дышит — сама видишь, как. Что дальше будет — страшно подумать…

— Неужели нельзя найти одного толкового врача, который выяснит причину и назначит лечение? — удивилась Ольга. — Мы в каком веке живем: в каменном или двадцать первом? Ты ее, наверное, дальше амбулатории никуда не водила?

— Ох, не спрашивай, — Даша горестно махнула рукой. — Лучше спроси, где мы не были. Все пороги оббили: и в клиниках были, и в поликлиниках, и бабки смотрели, да без толку. Уже целый том собрали.

Она кивнула на историю болезни — толстую картонную папку, напичканную бумажками: анализами, результатами обследований, врачебными консультациями, назначениями.

— Завтра пойдем еще к одному врачу. Говорят, многим помогал без всяких операций. Какая нам, Олечка, операция, когда на хлеб не хватает? Чем платить врачам, медсестрам за дорогие лекарства, за процедуры? Я Богу все время молюсь, прошу Его, чтобы помог… Ты тоже молись, хорошо?

Неожиданно Даша предложила:

— Слушай, пошли в коридор покурим?

Ольга посмотрела на нее с нескрываемым удивлением:

— Куда-куда?

— Курнуть хочется, хотя бы пару затяжек. Нервы успокоить. Сигаретка найдется?

— Я бросила.

— Как бросила? — хохотнула Даша.

— Так. Одни бросают пить, другие курить, третьи воровать, четвертые еще что-то. Вот и я решила бросить.

— Здоровье, что ли, стало шалить? Или экономишь ради нас?

— Да ничего не шалит. Бросила — и все.

— Как знаешь. А я пойду, может, «стрельну» у кого-нибудь в подъезде.

Ночь выдалась очень тревожной. Девочка металась от жара, все время просила дать попить, Даша крутилась возле нее, причитая, охая и плача. От усталости она сама валилась с ног. Ольге стало жаль обеих.

— Ну-ка, иди на мое место. Я побуду с Галочкой.

Она встала с пола, где уже спали трое детишек, и уложила подругу на свое место:

— Поспи хоть немного. Если еще ты свалишься, то настоящая беда будет.

Она подошла к больной девочке, а потом шепотом предложила Даше:

— Давай «скорую» вызовем?

— Чем они помогут? Глянут в историю болезни — и в больницу. Кто с нами среди ночи будет возиться? Утром все равно туда едем. Ох, Господи, за что нам такое горюшко?..

Даша легла и мгновенно заснула. Ольга же легла рядом с Галочкой и сразу почувствовала, как ту бил озноб, дрожь от высокой температуры.

— Хочешь попить? — тихо спросила она, обняв девчушку.

— Не хочу… — прохрипела девочка и закашлялась.

— А что ты хочешь? Я все сделаю, ты только скажи. Чем тебе помочь?

— Помолись за меня, тетя Оля… — чуть слышно ответила та.

— Помолиться? Но я…

Ольга осеклась.

— И я не умею, — поняла ее девочка. — Давай молиться вместе, как умеем? Мне бабушка говорила, что если два человека станут о чем-то хорошем просить Боженьку, Он обязательно услышит и поможет. Я так устала болеть… И мама устала.

Ольга прижала несчастную девочку к себе и обняла ее.

— Ладно, давай молиться вместе. Но молча, чтобы мама не проснулась.

Галочка тоже обняла Ольгу, прикрыла глаза и стала что-то беззвучно шептать своими бледными сухими губками. Вскоре она заснула: дыхание постепенно успокаивалось, исчезла дрожь в теле. Не спала только Ольга.

«Господи, — в мыслях она обратилась к Богу, — я никогда не молилась к Тебе и не знаю, как это делать. Может, нужно пойти в церковь, поставить свечку, что-то почитать? Ничего не знаю. Но я верю, что Ты есть и не отворачиваешься ни от кого, кто Тебя просит, даже от таких срамных, нечистых женщин, от которых отворачиваются все остальные, презирают их и смеются над ними. Поэтому прошу: от меня тоже не отвернись, хотя я хуже всех, кого Ты уже услышал и простил. И прошу не за себя, а за эту крошку, что лежит рядом и сильно страдает.

Если нужно, чтобы вместо нее страдала я, — пусть будет так: забери болезнь от нее и отдай мне. Ты Сам видишь, что Дашка потеряла всякую надежду на врачей. Может, они и впрямь бессильны помочь и вылечить девочку. А Ты — Бог, Ты все можешь. Помоги!..»

Что это было — молитва или зов о помощи — Ольга не знала. Она продолжала просить — настойчиво, то плача, то умоляя, то требуя, — чувствуя сердцем, что Господь ее слышит, что ее мольбы не текут куда-то в пустоту. Она просила Христа, видя в Нем — и ни в ком больше — последнюю надежду на исцеление девочки. Она не смела поднять глаз на Иисуса — как та падшая женщина, которую привели на суд и требовали ее немедленной позорной казни, Ольга сознавала, что не достойна милостей, не достойна того, чтобы Бог слушал, внимал ее просьбам, но она просила и просила: жарко, не теряя надежды на милость, твердо…

Ольга и сама не заметила, как уснула, охваченная огнем этой просьбы.

Она проснулась, когда услышала, как Даша стала будить больную девочку:

— Галочка, Галчонок, пора…

— Мамочка, — послышался сонный детский голосок, — я хочу еще немножко поспать.

— Поспишь, когда от врача приедем. А если оставит в больнице, там тоже кроватка есть. Вставай, милая.

— Не хочу в больницу, — захныкала девчушка. — У меня ничего не болит.

— Ага, — Даша продолжала ее расталкивать, — всю ночь горела, задыхалась, а утром зачирикала: «Ничего не болит».

Потом обняла Ольгу:

— Тебе через нас тоже достается.

Ольга тоже обняла подругу:

— Когда-нибудь отоспимся.

На работе она вспоминала тревожную ночь и не переставала думать о больной девочке. Даша не звонила, и это лишь усиливало волнение. Наконец, от нее раздался звонок.

— Ура! — в трубке послышался радостный голос. — Олька, пляши!

— Что за радость? — остановила ее Ольга. — Что с Галчонком? Где она? Положили в больницу?

— Нет, она дома, все в порядке, — ответила Даша. — Давай встретимся? Я все расскажу. Меня всю прямо распирает от волнения и радости.

Ольга посмотрела на часы.

— Через сорок минут перерыв. Жду тебя в кафе напротив нашего торгового центра. Смотри, не лопни от такой радости.

Когда Ольга пришла туда, Даша уже сидела за столиком возле окна. Увидев Ольгу, она положила перед собой амбулаторную карту дочки — ту самую папку, набитую разными врачебными бумагами об истории болезни, и начала сбивчиво рассказывать:

— Сегодня мы попали на прием к доктору Фатахову, он считается светилом в медицине, у него своя клиника, и просто так туда не попасть — только по большой протекции. Но братья помогли. Кстати, у нас в церкви…

— О церкви и о братьях давай потом, — остановила Ольга. — Вы попали к этому доктору. Что дальше?

— Дальше?.. Дальше Фатахов посмотрел историю болезни, все анализы, потом стал смотреть Галочку…

Она остановилась, чтобы глотнуть прохладный сок:

— Ой, не могу, я вся на нервах… Такое думалось, такое в голове крутилось.

— Так что дальше было? — забеспокоилась Ольга. — Объяснить можешь? Говори, как есть. Потом будешь сок пить.

— Я и говорю… Он посмотрел историю болезни, лотом Галочку, потом позвал других врачей, те тоже смотрели…

— Что сказали? Не тяни кота за хвост!

— Сказали возвращаться домой. У Галочки дело пошло на поправку.

— Как это на поправку? — опешила Ольга. — Они что, слепые?

— Я тоже так подумала. Даже стала с ними спорить, потому что до них видели многие, и я сама видела много раз, что у нее творится в горле. Даже вчера, когда… Ну, и ты все видела.

— Видела. И?..

— У них есть очень дорогой аппарат, он показывает все, что внутри человека, каждую клеточку. Ошибки быть не может. Они при мне подключили Галчонка к этому прибору и показали на экране ее горлышко. Я сама все увидела… Вернее, не увидела ничего, что видели другие и я тоже: ни тех страшных гнойников, ни фолликул[10], ни красноты — ничего. Горлышко начало очищаться. Им самим стало интересно, даже стали меня расспрашивать, что я ей даю кроме указанных назначений. Есть ведь разные народные средства, снадобья, а мы из деревни. Какая у нас там медицина? Травки-муравки, настойки всякие. Может, подумали, что и у нас есть что-нибудь «народное».

Даша опять жадно приложилась к соку.

— Ты толком рассказать можешь, чем все закончилось? — одернула ее Ольга.

— Тем и закончилось: врачи сказали, чтобы мы продолжали делать то, что делали, и все будет хорошо.

— А что мы особенного делали?

— Откуда я знаю? Ничего особенного. Или прикажешь не верить собственным глазам? Или врачам? Еще сказали, что Галочка обязательно поправится, страшного ничего нет, оставлять ее в больнице тоже нет никакой нужды.

— Тогда зачем ты вытащила меня с работы? Нельзя обо всем дома рассказать?

— Олька, ты в чудеса веришь?.. — шепотом спросила Даша.

— Если вопросов больше нет…

Ольга встала из-за столика, но Даша удержала, чтобы та не ушла.

— Олечка, прости меня. Я от радости схожу с ума. Столько всего передумала, ни один врач не давал никаких гарантий, что Галчонок поправится. А в деревне, представляешь, одна мне такое сказанула: «У тебя их вон сколько, еще нарожаешь». Кто я по-ихнему, свиноматка, что ли? Хоть и четверо у меня, а душа за каждого болит.

— Теперь успокаивайся и меня не дергай. Все обошлось — и радуйся.

Даша не отпускала Ольгу.

— Помнишь, в нашей деревне жила баба Устя? На самом краю, под лесом…

Ольга молча кивнула.

— К ней многие ходили: и мужики, и бабы, и девчонки. У нее разные травы целебные, заговоры она знала, тайные молитвы. Люди говорили: помолится, что-то пошепчет, травку даст или отвар — и любую боль, любой сглаз, приворот как рукой снимет. Я Костика своего к ней тоже водила: он в одно время запил страшно. Это ему злые люди сделали по зависти: многие нам завидовали, как мы жили. Вот и стал он пить, все пропивать. И по врачам его водили, и лечили — ничего не помогало. А потом пошли к бабе Усте. Она ему на яйце и воске все «откатала» — и он бросил пьянствовать, снова нормальным стал, в наши собрания начал ходить, Богу молиться, славить Его. Будь она жива, я бы и Галчонка повела к ней.

Ольга с удивлением посмотрела на нее: — Ты меня тоже шептухой считаешь?

— Олечка… — застонала Даша. — Я не могу поверить, что все так хорошо закончилось. А если бы ее оставили в клинике? Денег на лекарства нет, жилья нет… Куда деваться?

— Езжай домой, — вздохнула Ольга. — На твоем месте радоваться нужно, а ты мучаешься дурацкими вопросами. И мой перерыв закончился.

Даша вышла вместе с Ольгой на улицу и взяла ее под руку:

— У меня к тебе большая просьба.

— Валяй, только быстро.

— Пойдешь со мной в воскресенье?

— Куда еще? — насторожилась Ольга.

— В наше собрание. Я познакомлю тебя с пастором: это очень хороший человек. Познакомлю с остальными братьями и сестрами. После прославления Бога будет служба исцеления. Какие там сильные чудеса!..

Ольга отмахнулась:

— Не пойму я тебя: то ты в них веришь, то не веришь, то к бабкам готова бежать, то на свои собрания. Благодари Бога и врачей, что все обошлось.

— Но в собрание со мной пойдешь?

— К чему эти походы и смотрины? Что во мне особенного, чтобы на меня глазели другие? И вообще на воскресенье у меня другие планы: хочется, наконец, отоспаться за неделю, потом кое-куда сходить.

— Отоспишься, сходишь, везде успеешь. Но сначала пойдем в собрание.

Зная хорошо свою подругу, Ольга понимала: если та вцепилась с какой-то просьбой, то просто так не отвяжется.

11

Выспаться Ольге не удалось. Сначала заворочались детишки, потом ее начала тормошить Даша:

— Вставай, соня, опоздаем. Пока соберемся, пока позавтракаем, пока доедем…

Детишек решили оставить дома: успеть бы самим. Но к началу служения все равно опоздали.

Церковь «Благодати Святого Духа» — так называлось собрание, куда теперь ходила Даша, — занимала главный зрительный зал большого кинотеатра: некогда любимого всеми горожанами, очень посещаемого, собиравшего полный аншлаг, когда там шли фильмы с известными актерами. В эпоху Интернета, ночных клубов, дискотек он стал быстро терять былую популярность, хиреть, пустовать, поэтому, чтобы как-то выжить, дирекция пустила к себе церковную общину, позволив им собираться на свои молитвенные собрания.

Непринужденная радостная атмосфера, без утомительного стояния, как в церкви, а сидя в мягких креслах, живая музыка, возвышенные духовные гимны, — это быстро привлекло сюда людей, ищущих Бога, но которым Православная Церковь с ее вековыми традициями, порядками, уставом, малопонятным древним языком казалась чем-то очень архаичным, неинтересным, даже тягостным.

Пастор Андрей был лидером, душой новой общины: всегда подтянутый, спортивный, улыбчивый, жизнерадостный, со всеми обходительный. Да и остальные не были похожи на людей, которых видели среди православных: унылых, с постными лицами, замкнутых, шарахающихся от всех, кто был не таким, как они. А когда в церкви «Благодати» начались служения исцеления, туда потянулся поток людей, наслышанных о разных чудесах: многим хотелось тоже от чего исцелиться, от чего-то избавиться.

От тесного соседства кинотеатра и церкви всем стало хорошо: даже в лучшие времена здесь не собиралось столько народа, как теперь. Кинотеатр снова не пустовал: по воскресеньям тут звучала молитва, в остальные же дни администрация кинотеатра развлекала горожан, чем только можно: и разными конкурсами, и выставками, и теми же фильмами. Правда, в отличие от прежних невинных комедий и лент про любовь, теперь демонстрировались жесткие боевики со сценами насилия, мистика, фильмы ужасов, откровенная эротика. Соседство всего этого с молитвой и прославлением Бога мало кого смущало.

Когда Ольга с Дашей вошли в зал, служение уже началось. Экран был задрапирован голубой тканью, по нему летали голографические голуби, по всей широкой сцене разливался мягкий свет, стелились клубы прозрачного дыма, у микрофонов слышалось красивое пение двух молодых ребят и девушки:

Иисус, благодарю за Дух Святой!
За залог любви.
На поля, на пажити Твои, Господь,
Ты меня веди, к высотам.
Дух Святой!
Течет во мне река любви.
Дух Святой!
Мне в сердце говори, прошу я,
Дух Святой!
Открой во мне твои дары,
Дух Святой!
Меня огнем зажги!
Научи по духу поступать меня
И ходить в огне.
Дух Святой, наследие имею я
Говори ко мне, прошу я!

За их спинами стоял самодеятельный ансамбль: два гитариста, ударные и синтезатор. Зал был почти полон: взрослые, дети, очень много молодежи. Многие стояли с воздетыми руками, радостными лицами и стройно подпевали молитвенным словам со сцены.

Ольга не успела хорошо осмотреться, как Даша схватила ее за руку и потащила вниз:

— Пошли, пока все места не заняли.

Они быстро спустились на самый нижний ряд, почти к сцене, где возле выхода пустовали несколько кресел.

— Чувствуешь, какая благодать? — восторженно спросила Даша, обнимая Ольгу. — Это только начало. Самое интересное впереди, тебе очень понравится.

Тем временем на сцену вышли новые исполнители: уже четверо ребят, одетых одинаково — в темных брюках и в светлых рубашках. Несколько вступительных аккордов ансамбля — и полилось стройное пение:

Дух Святой приди,
в жизнь мою приди,
Я так жажду прикоснуться
лишь к Тебе.
Сердце мне омой, омой живой водой,
Сотвори во мне покой.
Аллилуйя, Аллилуйя,
Аллилуйя, поклоняюсь Тебе!

Весь зал в одном порыве повторил слова припева:

Аллилуйя, Аллилуйя,
Аллилуйя, поклоняюсь Тебе!

И снова зазвучали красивые голоса ребят на сцене:

Дух Святой
белым голубем на мою сошел голову,

И теперь все по новому,
Дух Господень на мне!
И теперь я соединен
Духом Божьим с моим Отцом,
И теперь Он живет во мне, а я в нем!

В такт словам и музыке над сценой парят белоснежные голуби. Вот они уже летают по залу, осеняя взмахами крыльев всех, кто воздел руки в молитве. Вот они уже совсем рядом, над головой Даши: она тоже истово молится, слезы радости текут у нее по щекам, она забыла обо всех невзгодах, обо всем, что в ее жизни было плохого, печального.

«Правда, как красиво!» — поймала себя на мысли Ольга: кажется, она была готова тоже воздеть руки, сливаясь со словами молитвенного пения:

Дух Господень на мне,
ибо Он помазал меня
благовествовать по земле
и плененных освобождать!
Дух Господень на мне,
ибо Он помазал меня
сокрушенных сердцем исцелять,
петь Ему и играть.

Но вот на сцене остался только ансамбль, продолжая наигрывать тихую мелодию. Перед собранием показался высокий импозантный человек: в светлом костюме, с горящим взглядом, ослепительной улыбкой. Он артистично воздел руки и громко воскликнул:

— Аллилуйя!

Зал в едином порыве ответил ему тем же приветствием.

— Это наш пастор! Солнышко наше! — восторженно зашептала Даша, схватив Ольгу за руку. — Сейчас начнется служение исцеления!

На этот раз Ольга спокойно осмотрелась: где же больные? Кого будут исцелять? Все, кого она видела в зале, сияли радостными улыбками и счастьем от переживаемого момента. Кто-то продолжал стоять с воздетыми руками, обратив горящие взоры вверх, пребывая в состоянии неописуемого молитвенного восторга. И лишь сейчас она увидела неподалеку от себя, через два кресла, хрупкого мальчугана: он сидел, как испуганный зверек, вжавшись в кресло, очень печальный. Бушевавшая вокруг радость его почему-то совершенно не трогала, не возбуждала. Рядом стояли его детские костыли, а возле двери Ольга увидела детскую инвалидную коляску: скорее всего, мальчика сюда привезли в ней. В подтверждение догадки к коляске подошла женщина средних лет, и, вытащив оттуда вязаную кофточку, набросила мальчику на плечи, ласково погладила и поцеловала:

— Не снимай, пожалуйста. Тут сквозит.

Ольге сразу стало жалко этого мальчугана. Почему он такой? Следствие тяжелой болезни, травмы или инвалид от рождения? Ей так захотелось, чтобы он сейчас встал и пошел своими ножками: сначала несмело, боясь упасть, а потом, шаг за шагом, все увереннее и увереннее, никогда больше не вспоминая об этих костылях и о своей коляске. Сердце Ольги наполнилось состраданием к хрупкому существу.

— Куда ты смотришь? — одернула ее Даша. — Сюда смотри, на сцену! Сейчас увидишь настоящие чудеса!

Пастор неторопливо прошелся по сцене: раз, еще раз… Зал ликовал. Наконец, он взял в руки микрофон — и все вокруг наполнилось его бархатным голосом:

— Кьяма алис сун макей… Кена санди ама сундей… Кирма сундей ламахи анукей… Аллилуйя! Галлилуйя!

Ансамбль фоновым бэк-вокалом[11] негромко пел:

Иисус, сейчас Ты здесь!

Иисус, сейчас Ты здесь!

— Алимавин делен… Керма деламавин пресей… Галлилуйя! Галлилуйя!

— На каком языке он молится? — удивилась Ольга, дернув Дашу за рукав. — Кроме «аллилуйя» я не пойму ни слова.

Даша тоже пребывала в состоянии восторга: она стояла, воздев руки, ритмично покачиваясь из стороны в сторону, взявшись за руки с другими. Ольга снова дернула ее, прося объяснить происходящее.

— Отстань! — простонала она. — Это ангельский язык…

— Какой? — переспросила Ольга. — Английский?

— Ангельский! — уже недовольно шикнула Даша. — Пастор уже в Духе Святом! Ты что, не понимаешь? Не чувствуешь? Вставай и молись, чтобы и на тебя сошла благодать.

— Гламире менджe мирбенен амино даламо… Аллилуйя!

Пастор был похож больше на артиста, который тонко чувствовал настроение зала, чувствовал, что зал им очарован, поэтому поднимал и поднимал градус эффекта. Помолившись еще немного «ангельским» языком, он обратился к залу:

— Давайте вместе скажем: «Во имя Иисуса Христа!»

Сотни три человек — все собрание — в один голос повторили:

— Во имя Иисуса Христа!

Пастор продолжал:

— Я принимаю верою победу Иисуса над всеми грехами! И над всеми болезнями!

Собрание повторяло за пастором, охваченное всеобщим восторгом.

— Во имя Иисуса я отрекаюсь от всякой болезни, от всякой заразы, которая сидит во мне! Во имя Иисуса я принимаю верою собственное исцеление. Именем Иисуса я обращаюсь к небесам и говорю, что я уже исцелен ранами Иисуса. Ранами Иисуса я уже ничем не болен! Во мне нет болезни! Ранами Иисуса я исцелен! Галлилуйя!

Пастор неспешно сошел со сцены в зал и, не выпуская микрофона, сказал:

— Сейчас пусть каждый приложит левую руку к тому месту, где он ощущает болезнь, правую же руку поднимаем вверх и начинаем молиться на языках, начинаем благодарить Господа: «Господь Иисус, я благодарю тебя за исцеление! Я благодарю Тебя за исцеляющую силу! Я благодарю Тебя, что Ты здесь! Я почувствовал, как от Тебя исходила исцеляющая сила! Дьявол, убирайся вон!»

Ансамбль все так же подпевал со сцены:

Иисус, сейчас Ты здесь!

Иисус, сейчас Ты здесь!

Это пение теперь звучало, как заклинание, как мантра. Зал находился уже в состоянии неистовства: люди испытывали высшее эмоциональное возбуждение, некоторые из них кричали, некоторые падали в проходах и в свои кресла от транса. Пастор ходил по залу, возлагал свои руки на головы людей и громким резким голосом взывал:

— Дух Святой, иди по рядам нашего зала! Дух Святой, войди в каждого из нас! Братья, купаемся в помазании Духа! Дух Святой исцеляет меня, освобождает от всех болезней и грехов! Дьявол, я разрываю цепи, которыми ты меня связал! Дьявол, убирайся вон, я ненавижу тебя! Я люблю моего Иисуса! Аллилуйя!

Потом, выждав паузу, он снова поднялся на сцену и обратился к людям уже спокойным голосом:

— Поднимем руки и будем благодарить Господа за исцеляющее помазание: «Иисус, я принимаю верою Твое исцеление. Я отрекаюсь от всякой болезни: ее уже нет в моем теле. Она в теле Иисуса на Голгофском кресте. Во имя Иисуса я принимаю свое полное исцеление!» Кирма джол маримар тактуэро… Галлилуйя! Галлилуйя…

Ольга не чувствовала ничего, чем был охвачен ликующий зал: всеобщим восторгом, эйфорией, настоящим экстазом. Она не смотрела на пастора, продолжавшего ходить по сцене и взывавшего то к залу, то к Богу, то к дьяволу. Люди в один голос повторяли за ним то, что он говорил. Несколько человек вышли на сцену, и пастор повергал их прямо на пол, возложив на них руки. Мельком Ольга взглянула на Дашу, хотела расспросить ее обо всем, что происходило, но не стала: та стояла отрешенная, тоже воздев руки, в слезах от переживаемого блаженства.

И тогда Ольга снова увидела мальчонку, сидевшего неподалеку. В бушующем море всеобщей радости, ликования, гула он сидел по-прежнему печальный, какой-то лишний, всеми забытый и никому не нужный. Даже та женщина, которая перед этим заботливо ухаживала за ним, гладила по головке — скорее всего, то была его родная мама — сейчас неистово размахивала руками и вертелась, выкрикивая нечеловеческие звуки «ангельского» моления, проклиная дьявола, забыв обо всем на свете. Мальчик еще больше сгорбился, вжался в кресло и беззвучно плакал от осознания своей ненужности, никчемности на этом празднике счастья.

Ольга подошла к несчастному созданию, взяла его худенькие ладошки в свои руки и спросила:

— Давай познакомимся? Скажи, как тебя зовут?

— Виталик… — всхлипнув, ответил он.

Ольга улыбнулась:

— Почему ты плачешь? Тебе здесь плохо, неинтересно?

— Я хочу ходить, как все дети, — снова всхлипнул он.

— Ты обязательно будешь ходить, — хотела ободрить его Ольга. — И не только ходить, но и бегать, как все мальчишки. Наверное, тебе нужно еще подлечиться? Когда я была маленькой, тоже долго ходила с палкой: упала с дерева и сломала ногу. Так что не нужно…

Мальчик вдруг горько заплакал. Сквозь рыдания Ольга услышала:

— Я никогда не смогу ходить… Так сказали врачи… Никогда…

Ольга чувствовала, как ее сердце сжалось, наполнилось состраданием к этому несчастному мальчугану. Она обняла и прижала его к себе. Чем ему помочь?

— Даша, — она взяла подругу за руку, — Дашка!

Но та пребывала в состоянии, похожем на гипноз или наркотическое опьянение: глаза ее закатились, она размахивала руками, словно крыльями, бормотала что-то несуразное.

— Дашка, очнись ты! — уже крикнула Ольга. — Позови сюда вашего пастора, пусть подойдет к мальчику!

Та же посмотрела на Ольгу отрешенным мутным взглядом и запела:

Иисус, сейчас Ты здесь!

Иисус, сейчас Ты здесь!

И снова «ангельское» бормотание:

— Кандера тримон фарда амено дуй… Мено тригон эстампо фарко…

— Дашка, очнись! — уже со страхом крикнула Ольга. — Что с тобой творится?

Она с ужасом смотрела на подругу и не узнавала ее. В нее словно вселился ктото другой, подменив прежнюю Дашку. Тогда Ольга сама пошла навстречу пастору, протискиваясь сквозь возбужденную толпу и шумные ряды.

— Подойдите сюда! — позвала она его, стараясь перекричать остальных. — Здесь больной мальчик!

Но пастор не замечал Ольгу, объятый стихией массового «исцеления». В этот миг он сам был похож на божество, которому повелевались люди: они падали от одного его прикосновения, кричали, бились в судорогах, тряслись, хохотали, извивались, плясали…

Иисус, сейчас Ты здесь!

Иисус, сейчас Ты здесь!

Ольга не знала, что делать, чтобы пастор увидел маленького инвалида. Наконец, ей удалось протиснуться вплотную и схватить его за руку:

— Там больной мальчик!

— Что? — не понял пастор.

— Там внизу мальчик-инвалид!

— Ему плохо? Вызовите «скорую»!

Один из ассистентов пастора достал мобильный телефон.

— Нет, ему нужна ваша помощь! — снова громко крикнула Ольга. — Лично ваша!

Пастор вышел на широкий проход и спустился вниз следом за Ольгой. Увидев Виталика, он вопросительно посмотрел на нее:

— В чем дело? Зачем вы меня позвали сюда?

— Чтобы вы помогли этому больному мальчику встать на ножки. Исцелите его, прошу вас!

— Но здесь не больница… И я не… — пастор вдруг растерялся.

— Исцелите его, пастор! — Ольга не отступала. — Богом прошу вас: сжальтесь над ним! Исцелите!

И тут пастор стал приходить в себя.

— Кто это? — спросил он в микрофон, обращаясь в зал. — Я вижу ее первый раз. Кто объяснит?

Мальчик же по-прежнему сидел в своем кресле, как испуганный зверек, неутешно плача. Рядом стояли его костыли.

— Я спрашиваю, кто эта девушка? — повторил пастор. — Хулиганка, провокатор?

Кто-то из зала крикнул:

— Я узнал ее! Она работает продавщицей в центре «Modis».

— А я часто видела ее возле ночного клуба, — раздался еще чей-то голос.

— Где-где? Возле ночного клуба? А как попала к нам? Что здесь делает?

— Пастор Андрей, это моя подруга детства, она пришла со мной, — стала объяснять Даша. — Я пригласила ее сюда.

— Зачем? — крикнул пастор. — Чтобы возмутить людей? Оторвать нас от молитвы? Устроить этот спектакль?

Даша не ожидала, что так все обернется. Между тем пастор окончательно пришел в себя и сказал своим ассистентам немедленно вывести Ольгу из зала. Те подошли, чтобы взять ее под руки. Но выводить силой не пришлось. Ольга сама пошла к дверям, рывком распахнула их настежь, потом побежала в фойе кинотеатра, а оттуда к главному входу. Недалеко от кинотеатра была стоянка такси. Ольга села в первую же машину и коротко сказала водителю:

— Едем!

— Куда?

— Куда глаза глядят. Только подальше отсюда. И быстрее.

12

Почти весь остаток дня Ольга провела сама, уединившись в тенистых аллеях старого городского парка. От всех впечатлений в собрании ее бросало то в жар, то в озноб, то била нервная дрожь. Она слышала, как в сумочке разрывался мобильный телефон: названивала, конечно же, Даша, но Ольга не отвечала, не желая объясняться. Несколько пропущенных звонков были от Макса, но и ему Ольга не хотела перезванивать. Лишь один номер, на который она тоже не ответила, не вызвал у нее негативной реакции: это был звонок от отца Афанасия.

Ольга неспешно прогуливалась аллеями парка, сидела на лавочках, бросала крошки голубям, смотрела, как с ветки на ветку прыгают озорные обитательницы парка — хвостатые белочки. Потом зашла в открытое кафе, взяла кофе и снова долго сидела, то погрузившись в свои мысли, то от всего отрешившись, испытывая меланхолию и опустошение. Потом она гуляла с картонным стаканчиком остывшего кофе по парку, вдыхая запахи старых раскидистых каштанов, свежескошенной травы на газонах, вслушиваясь, как поют птицы, как в верхушках деревьев выбивает барабанную дробь дятел, как где-то в глубине парка заливисто лает собака… Все дышало приближением осени.

Наконец, Ольга снова присела на лавочку и, откинувшись назад, закрыла глаза. Она понемногу успокаивалась, тревога отступала, душа наполнялась тишиной и покоем.

— Как хорошо… — в наслаждении прошептала она.

— И что хорошего? — кто-то так же тихо спросил в ответ.

Ольга вздрогнула и осмотрелась. Рядом сидела женщина: та самая незнакомка, которая ехала с ней в трамвае. Она была в том же грязном платье, что и в прошлый раз, такая же неопрятная, с грязными рваными сумками, набитыми всяким хламом из мусорных ящиков.

— Что, говорю, хорошего? — усмехнулась она.

— Для начала скажи, кто ты вообще такая? — пристально посмотрела Ольга.

Та рассмеялась:

— Какая разница? Если ты этого не поняла до сих пор, теперь подавно не поймешь.

Помолчав, добавила:

— Скажу так: я — та, которая знает о тебе все. Абсолютно все.

— Почему же я тебя не знаю?

Незнакомка достала из сумки пачку сигарет и закурила.

— Ты ведь смотришься в зеркало?

— Ну…

— Смотришься, любуешься собой, кокетничаешь, что-то там подмазываешь, подкрашиваешь, выщипываешь. Так? Так. Аты никогда не думала о том, что зеркало все запоминает?

— Глупость, — не согласилась Ольга. — Это что, типа компьютера?

— Не смейся. Люди, которые умнее тебя, всегда обращались с зеркалом с большой осторожностью: боялись его разбить, часто протирали, никогда не обезьянничали перед ним, не ходили нагишом, завешивали, когда в доме лежал покойник. В зеркало не давали глядеться малышу, пока ему не исполнится годик. Старое зеркало никогда не выбрасывали и никому его не дарили, тем паче — не вносили в новый дом. Разбитое или даже слегка треснутое зеркало — к большой беде. Перед зеркалом гадали: оно помогало людям заглянуть вперед, узнать свою судьбу…

— К чему это? — остановила Ольга.

— Тебе же интересно, кто я такая и откуда все знаю? Считай, что я твое зеркало, в котором ты вся: и внешне, и внутренне, и твои мысли, и тайные желания — словом, вся. Я могу прямо сейчас начать рассказывать обо всем, чем ты занималась, о чем думала, о каждом твоем поступке: от тех далеких дней, когда ты с девчонками-соплюшками подглядывала за мальчиками и взрослыми мужчинами в бане, до спектакля, который ты устроила сегодня утром в кинотеатре. Я могу воскресить твою девичью память по дням, по минутам.

Свет мой, зеркальце! Скажи,

Да всю правду доложи…

— Хочешь? Начинать рассказывать?

Ольгу окутал страх.

— Кто ты такая? — прошептала она. — Откуда взялась? Что тебе от меня нужно?

— Первые два вопроса глупые, — незнакомка глубоко затянулась сигаретой. — А вот третий — по делу. Что мне от тебя нужно? Уберечь от новых глупостей. Ты натворила их уже столько, что не хватит никаких порошков, чтобы отмыть меня, твое зеркало. Думаешь, это я грязная засранка? Нет, это ты такая! Я лишь твоя точная копия, без подделки: я по уши заляпана твоей грязью, твоим дерьмом. И вот это все — тоже твое, а не мое.

Она пхнула ногой стоявшие рядом грязные сумки.

Ольга не знала, о чем дальше спрашивать, и сидела молча.

— Я не пойму, зачем ломать свою судьбу? — уже без раздражения сказала незнакомка. — У тебя все шло неплохо. Нужно было лететь с Максом, куда он приглашал. Зачем артачиться, жить несбыточными иллюзиями? Погрелись бы на солнечном бережку, поразвлеклись — и возвратились бы домой уже не вдвоем, а втроем.

— В смысле? Кто третий?

Незнакомка кивнула на Ольгин живот: — Через девять месяцев узнала бы. Чем тебя не устраивал Макс? На кого ты разменяла его? На что? На то, что сама называешь бредом сивой кобылы. Тот, кто тебе рассказывал разные басни и дарил книжки, сейчас лежит в земле и червей кормит. Макс, можно сказать, почти потерян. Кому ты нужна? Сегодняшнему пастору

или тому, с кем мокла под дождем возле церкви? Может, своей подружке детства, с которой бегала к пацанам из соседней деревни, чтобы кувыркаться с ними на сеновале?

Незнакомка вздохнула:

— Добренькой хочешь быть. А кто твое добро оценит? Об этом подумала? Эх, глупая… Люди ведь хуже тварей: зверь за добро отблагодарит, а человек — сожрет, втопчет в грязь, будет всегда чем-то обиженным, ненасытным. Он добра не понимает: такова его натура. Они твоего Бога оплевали, избили, а потом на крест подняли. Сначала кричали в Его честь: «Осанна!», одежки свои стелили перед Ним, а через пару дней горланили: «Распни Его!» И с тобой поступят так же, когда ты им надоешь или не исполнишь того, что они от тебя ждут.

— Мне все равно жалко: и Дашку, и ее дочку, и мальчика-инвалида, и мужика с язвой…

— Жалко? — незнакомка повернулась к Ольге. — Какие мы жалостливые! А ты брось эту жалость! Вытрави ее из себя каленым железом! Вырви с корнем! Тебя не пожалеет никто: помяни мое слово. Будешь лежать на земле вместо того мужика, звать людей, молить о помощи, а люди будут идти мимо и воротить свои физиономии, как бы не замечая тебя. Будешь кричать, плакать, а они будут смеяться, показывать на тебя пальцем и говорить, что ты пьяная, наркоманка или уличная сумасшедшая.

— Не все же люди такие жестокие…

— А ты будь, как все! Даже умнее, хитрее всех! Тогда то, что считаешь добром, принесет тебе славу, успех, деньги, связи. Ты станешь повелительницей добра, а не его рабыней, богиней в глазах жалких и ничтожных людишек.

Незнакомка встала.

— Который час?

— Начало седьмого.

— Мне пора.

Женщина взяла свои сумки и пошла вглубь аллеи. Ольге вспомнилась видеозапись из трамвая. Она достала мобильный телефон и быстро включила камеру, направив в сторону уходящей незнакомки. И едва та скрылась, как Ольга сразу включила запись. Но никакой незнакомки там не было: лишь пустынная аллея, шелест деревьев, стук дятла, веселый собачий лай вдалеке.

Ольга бросила телефон в траву и в отчаянии схватилась за голову:

— Господи, я схожу с ума… Подскажи, что делать?..

Потом встала, подняла телефон, пробежалась по номерам и вызвала отца Афанасия. Она чувствовала, что сейчас ее больше никто не выслушает и не поймет.

По бледному и взволнованному лицу своей поздней гостьи отец Афанасий сразу понял, что с Ольгой что-то стряслось.

— Я не знаю, с чего начать… — она растерянно остановилась в дверях.

— А я знаю, — добродушно улыбнулся батюшка, приглашая в дом. — Мы начнем с хорошего

чая. Он как раз уже настоялся и ждет к столу.

Ольга успокоилась. Чай согрел, разлился по телу приятным теплом, а ласковая улыбка отца Афанасия, его мягкий голос развеяли страхи, сомнения, которые окутали душу Ольги, пока она ехала сюда. Сначала сбивчиво, боясь, что ее сочтут за сумасшедшую, а потом все увереннее, она начала рассказывать обо всем, что с ней приключилось в последнее время: как ее приняли за пьяную и с насмешками выпроводили из церкви, как она по дороге домой первый раз увидела странную незнакомку, о пережитом после этого потрясении. Потом рассказала о таком же странном незнакомце во дворе той же церкви, о том, как ее снова с позором выпроводили — на этот раз вместе с тем человеком в мокром плаще. Потом Ольга рассказала о своей подруге детства, о совместном походе в собрание, о том, что она там увидела, о скандале, которым закончилась ее просьба к пастору исцелить несчастного маленького инвалида. Наконец, рассказала о сегодняшней встрече в парке все с той же таинственной незнакомкой, знавшей обо всем, в чем Ольга стыдилась признаться даже себе.

Отец Афанасий внимательно слушал, не перебивая. Слушал и молился, чтобы Господь помог ему понять все услышанное и дать Ольге совет, в котором она сейчас очень нуждалась. Когда она обо всем рассказала, батюшка вздохнул и снова ласково посмотрел на свою гостью:

— Вы верите, что Христос — не миф, не сказка, не чей-то вымысел?

— Да, — тихо сказала Ольга, — верю.

— Вы верите, что Христос — Истинный Бог, а не волшебник, который все делает «по щучьему велению, по моему хотению»?

— Да, верю…

— Вы верите, что Господь наш Иисус Христос — это воплощенная совершенная Любовь к грешным людям, а не мстительный капризный божок, готовый наслать кары небесные, если ему чем-то не угодили или не понравились?

— Да, верю…

— Раз вы верите так, тогда должны без малейшего сомнения верить всему, чему Христос учит и наставляет. Каждое Его слово — это непреложная истина, в том числе то, что ни один волосок с нашей головы не упадет без воли Божьей: в этом нас уверяет Сам Иисус. Мы не должны сомневаться в том, что все происходящее с нами, каким бы невероятным, странным, страшным или, наоборот, радостным, нам ни казалось, не происходит без воли Божьей, без Его заботы о нас — причем, заботы отеческой, теплой, наполненной любовью к нам. В это вы верите?

Ольга кивнула молча.

— Да, трудно поверить сразу, когда здравый рассудок вступает в спор с верой и кричит: «Такого не бывает! Такого просто не может быть!» Не может ослица вдруг заговорить человеческим языком. Не может человек быть проглоченным китом, трое суток сидеть в его чреве, а потом быть выплюнутым на берег. Не может море вот так взять и расступиться перед целым народом-беглецом. Не может он долгих сорок лет ходить по безжизненной пустыне и кормиться манной небесной. Не может человек свободно ходить по воде, как по земной тверди. Не может простая вода из колодца превратиться в изумительное по вкусу вино. Невозможно несколькими кусочками хлеба накормить несколько тысяч человек. Не может покойник снова ожить и выйти из склепа, где пролежал четверо суток и начал разлагаться. Не может лютый

разбойник, бандит с большой дороги войти в рай впереди всех праведников. «Не может этого быть!» — внушает нам разум. А вера говорит: «Может. У Бога нет ничего невозможного. Верь — и получишь по своей вере».

Батюшка взглянул в глаза Ольге:

— И теперь нужно верить — твердо, без оглядок и сомнений, — что все происшедшее с вами не было какой-то случайностью, нелепостью, иллюзией, психическим расстройством, игрой больного воображения, но произошло по воле Божьей. С какой целью? Господь не играет с человеком в «кошки-мышки», Он обязательно откроет все, что поначалу может показаться странным, удивительным, непостижимым. И наоборот: каждый раз, когда сомнения не рассеиваются, а лишь умножаются, плодятся, лишают нас покоя, — ищи рожки искусителя. Бес ведь никогда не представится нам по имени-отчеству и не покажет своего «удостоверения личности». Его удостоверяют собственные повадки: хитрые, коварные, тонкие. Чтобы околпачить человека, эта «публика» может рядиться в кого угодно: и в ангела, и в цыганку, и в загадочную попутчицу, и в инопланетянина. Их лукавству и фантазиям нет предела. Только от удивления открыл рот — сразу получай «гостинец». Не выплюнул — будет очень горько.

— Для меня почти все происходящее именно такое: сомнительное, непонятное, страшное, — сказала Ольга. — Словно не со мной все происходит…

— И мне оно кажется точно таким же, поэтому нужна особая бдительность, духовная трезвость. Я ведь грешный, смертный человек, которому Господь, как и вам, не спешит открывать Свои тайны, чтобы липший раз дать нам понять, кем мы есть на самом деле. Первокласснику, еще не научившемуся простому арифметическому счету, не открывают науку высшей математики, но готовят его все постепенно, от простого к более сложному. А тот, кто вообще не ходит в школу, не узнает даже того, сколько будет 2х2.

— У меня, вроде, полная школа за плечами, — улыбнулась Ольга. — Плюс разные курсы.

— Похвально, — отец Афанасий налил в чашечку Ольги свежего чая. — Но в духовной жизни каждого человека есть своя школа, и называется она Христовой Церковью. Не пройдя ее науки, можно так и остаться неучем, мнящим из себя великого профессора или даже академика. Не скрою, в этой школе есть разные ученики: способные и не слишком, дисциплинированные и прогульщики, очень любознательные и настоящие лодыри. И учителя здесь тоже встречаются разные: одаренные и бездарные, скромные и карьеристы, щедрые и алчные, взыскательные и распущенные, справедливые и не слишком. Церковь — это живой организм, где может что-то болеть, что-то нуждаться в экстренной помощи, а то и вовсе в ампутации. Однако Глава этой школы — Сам Христос: Он ее Основатель, Он ее краеугольный камень, Он Ее Пречистое Тело и Пречистая Кровь. От Него, этого Великого Учителя, должны учиться все люди — и ученики, и учителя — по Его непреложному слову: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Если мы принимаем эту науку, тогда должны точно так же верить Христовой Церкви, во всем ей доверяться. В ней есть все для нашего спасения. И двери в нее всегда открыты…

Ольга закрыла лицо ладонями:

— Меня, наверное, не пустят и на порог этой школы…

— Почему вы так в этом уверены? — всплеснул руками батюшка.

— Грехов слишком много… Я грешница. Стыдно во всем признаться…

— Врачам тоже стыдно рассказывать о своих болячках, тем паче обнажать их во всей «красе». Но мы обнажаем, если хотим исцелиться, выздороветь, избавиться от них?

Ольга кивнула.

— А Господь — Врач над всеми врачами, потому что лечит то, что не вылечит никто другой: наши грешные души. Ради этого Он принял человеческую плоть, ради этого принес нам Евангелие спасения, ради этого был оплеван, избит и распят на кресте, а потом воскрес, вознесся на небо и ждет от нас единственной жертвы: искреннего раскаяния во всем, что мы натворили в жизни. Неужто будем страшиться этого Врача?

— Вы прогоните меня, когда узнаете о моей жизни…

Отец Афанасий добродушно засмеялся:

— Представьте: лежат в одной больничной палате пациенты, и каждый начинает рассказывать о своей проблеме. Чего только не наслушаешься! У одного гангрена ноги, другой стонет от невыносимой зубной боли, его сосед мучается с резями в желудке, кто-то почти ослеп, ничего не видит… Как вы думаете, они разбегутся из палаты от этих рассказов или начнут друг друга жалеть, сострадать, поддерживать?..

Ольга в смущении опустила голову.

— Обещаю, что не прогоню. Тем более что на дворе уже темень, а у нас еще остался недопитый чай.

…Они разошлись уже за полночь. Ольга отправилась в кухоньку, где ночевала, когда навестила последний раз умирающего Балашова. А отец Афанасий уединился для келейной молитвы. Ему было бесконечно жалко эту исстрадавшуюся грехом юную душу, которая обнажала свои раны и язвы. Так искренно, так сокрушенно Ольга рассказывала о своей жизни впервые, доверившись почти незнакомому священнику. Но душа сама внушила довериться ему, открыться до конца, не боясь, что над ней посмеются, посчитав наивной и глупой. Теперь в душе снова воцарилось умиротворение и тишина.

Ольга посмотрела на батюшку:

— Я не знаю, что мне делать теперь, как жить дальше?

— Делать то, что делали все, кто осознал себя грешниками: принести Богу искреннее покаяние, попросить у Него прощение, а дальше постараться жить так, чтобы не соблазняться грехом — ни прежним, ни новым. Чистосердечная исповедь и причащение Тела и Крови Христовых должны стать для вас залогом, началом совершенно новой жизни — не во грехе, а во Христе.

Отец Афанасий задумался, потом сказал Ольге:

— У вас доброе сердце. Господь дал вам его не за какие-то заслуги, а тоже по Своей милости. И вы отвечайте Ему тем же: любовью, искренностью, простотой, бескорыстием. Даром получили — даром отдавайте людям. Святые отцы говорили: «Милостивый человек уподобляется Самому Богу». Почему? Потому что Господь милостив безгранично ко всем людям, ко всему, что сотворил. Этого свойства Он ждет и от нас. Можно много поститься, совершать великие подвиги, но все тщетно, если сердце остается сухим, черствым, безответным на страдания, на просьбы, на слезы тех, кто рядом. Когда человек сумеет кого-то поддержать, утешить, кому-то

помочь, оказать милость, он сразу ощутит, как сердце умилится, согреется, станет способным молиться тоже с теплом, с умилением. Святому Серапиону нечего было дать, когда к нему обратились за милостыней, и тогда он продал свое главное сокровище — Евангелие. При этом сказал: «Продаю то, что научило меня ради Христа распродать все и раздать нищим». Такие души легко входят в Царство Небесное, они уже здесь, на земле, вкусили его блаженства. Господь всегда слышит молитву милостивого, всегда внимает каждому его слову, каждому вздоху…

Ольга долго не могла заснуть, думая о том, что сказал отец Афанасий, сравнивая его наставления с советами незнакомки в парке. «Даром от Бога получили — даром отдавайте», — наставлял первый. «Будь умнее, хитрее всех», — учила вторая.

Наконец, она снова ощутила горячее желание помолиться Богу. Но о чем Его просить? О ком? И тогда Ольга начала молиться за себя, снова изливая свой стыд, свою боль и страдания — опустившись на колени перед ликом Спасителя. Она чувствовала, что Господь сейчас слышит ее, внимает каждому слову. Она твердо верила, что Господь не спит: Он действительно близко. Очень близко. Рядом с сердцем…

13

Торговый центр «Modis», где работала Ольга, был очень популярен среди горожан. Здесь продавали самую модную одежду на любой вкус, по каталогу и без него, под заказ и прямо из торгового зала — покупателям шли навстречу во всем. Уютное кафе, свободный Интернет, большие плазменные экраны с показами мировых мод — это само собой. Здешние продавщицы тоже были, как на подбор: высокие, стройные, улыбчивые, обходительные, в красивых фирменных костюмах. Они напоминали стюардесс. Хозяин — известный в городе бизнесмен Алексей Коваль, — строго следил за тем, чтобы среди посетителей, покупателей его центра не было недовольных. Он учился в Европе, долго там жил, ко многому присмотрелся, многое перенял и теперь старался не ронять своей марки.

Ольге нравилась ее работа: она была тут и продавцом, и консультантом. Целый день приходилось крутиться, на обеденный перерыв оставалось совсем мало времени. Но зато зарплатой хозяин никого не обижал, ценил честность, добросовестность, порядочность, умение завоевать доверие покупателя. Поблажек среди персонала центра никто не знал. Наоборот: малейшее нарушение дисциплины, жалоба со стороны покупателя — и прощай, «Modis». Мечтающих попасть сюда работать всегда хватало.

Спеша утром на работу, Ольга позвонила Даше: пропущенных звонков от нее было больше всего.

— Ты куда делась? — сразу набросилась та, даже не поздоровавшись. — Я уже и Максу звонила, и…

— И что Макс? — усмехнулась Ольга.

— Послал меня туда, куда и мне хочется послать. Мы к тебе всей душой, а как ты к нам каким местом?

— Зачем так беспокоиться и рвать сердце? Или я перед кем-то должна отчитываться? С какой, прости меня, беды?

— Могла хотя бы мне позвонить после того, как удрала с собрания. Ты бы видела, что там

творилось! Ну ты и натворила… Пастор снова расспрашивал, кто ты и откуда, хочет встретиться лично. Ты как?

— Дашка, с меня хватит. Я тебе не подопытный кролик, чтобы всем показывать. На меня посмотрели пастор, твои братья с сестрами. Хватит, смотрины закончились. Больше я туда ни ногой.

— Обиделась?

— Ни капельки.

— Тогда зачем так категорично? Ну, сразу не поняли…

— Кто кого не понял? Я все поняла, поэтому с меня хватит одного похода в ваш кинотеатр.

— Олька, не будь злюкой и не обижай нас. Мы все-таки церковь, а не…

— У меня свои представления о церкви.

Даша рассмеялась:

— Ну да: пузатые попы, разные иконы, тоска зеленая… Тебе что, у нас было неинтересно, скучно?

— Очень весело. Так весело мне не было даже в ночном клубе, когда я туда ходила. Но для вас я не гожусь: языками не владею, а здоровье не шалит. Зачем я вам? Мои походы к вам закончились, ваши смотрины на меня тоже.

— Ясно, обиделась… — вздохнула Даша.

На работе Ольга забыла об этом неприятном разговоре. Утро здесь всегда начиналось одинаково: суета, толкотня, новый товар, примерки. Но тут Ольгу неожиданно вызвали к директору: его офис был на самом верху, куда посетителей не пускали. И это не удивило: шеф легко общался со всеми подчиненными.

На этот раз он был не один: у него в кабинете сидел незнакомец, с которым они о чем-то оживленно беседовали. Увидев Ольгу, незнакомец подмигнул директору: дескать, это именно она. Директор встал и сам подошел к Ольге, улыбаясь:

— Хочу вам представить своего хорошего друга Казимира. Он поляк, но давно обрусевший, поэтому переводчик не нужен.

Заметив на лице Ольги легкое удивление, директор объяснил:

— О цели своего визита он расскажет вам конфиденциально, мое общество лишне. Уделите ему внимание. Обещаю, что ваше временное отсутствие на рабочем месте не будет считаться прогулом.

Пообщаться спокойно можно было и в торговом центре — для этого тут хватало уютных уголков, — но Ольга сама предложила побеседовать где-нибудь в другом месте. Он заказал кофе, и, пока его готовили, открыл свой портфель, достал оттуда Библию в мягком кожаном переплете, с золотым тиснением по корешку, положил ее рядом на столик и сказал:

— Пусть эта святая книга поможет нам общаться откровенно. Пусть между нами будет Сам

Господь.

Потом он рассказал Ольге, что, кроме близкой дружбы с ее директором, служит в той же церкви «Благодати», где она была накануне, и там частенько подменяет главного пастора Андрея, когда тот куда-нибудь отлучается.

— Пастор Анджей, — Казимир называл его имя на польский манер, — имеет великую силу молитвы и слова благодати, его ждут не только у нас. В людях охладела любовь, разогреть ее могут только христиане, которые сами горят огнем веры и любви.

Пока Ольга угощалась ароматным кофе, Казимир неторопливо рассказывал о себе.

— Я родился в семье католиков и получил образцовое религиозное воспитание, как учит католическая вера. Я старался быть прилежным юношей-католиком: не пропускал ни одной воскресной и праздничной службы в костеле, пел в церковном хоре, много ездил паломником по разным святым местам, усердно молился дома, читал католических авторов. Да, детские впечатления — всегда самые сильные, самые яркие, самые запоминающиеся. Но человек не может на всю жизнь застрять в детстве, иначе это может обернуться для него большой трагедией. По мере взросления моя вера в Бога начинала напоминать мне что-то вроде воинской обязанности: все по команде, все по уставу, все под страхом кары небесной, и очень мало, ничтожно мало — по любви к Богу. Я стал замечать, что у нас много запретов: то нельзя, другое нельзя, третье нельзя — сплошные запреты и табу. Шаг влево, шаг вправо — и считай, что ты уже в преисподней. Рядом с собой я почти не видел людей, лица которых светились бы радостью веры в Бога. Я встречал священников, которые привязывали к себе людей, как настоящих рабов: те обязаны были беспрекословно исполнять все, что им говорили. Любое ослушание считалось тягчайшим грехом. На этих людей жалко было смотреть: некоторые домашние животные пользуются большей свободой, чем они. Среди них я встречал людей, которые презирали тех, кто верил по-другому: их обзывали сектантами, еретиками, многими обидными словами, считали достойными ада. Я никак не мог понять, за что их ненавидят? За то, что они светятся верой во Христа, радуются каждому дню, спешат на помощь тем, кто оказался в беде? За то, что они все свободное время читают Библию, изучают ее, проповедуют, помогают другим понять слово Божье? Помню, они пригласили меня отдохнуть в свой молодежный христианский лагерь. Как там было интересно! Мы под гитару пели христианские песни, всюду царило искреннее радушие, ни капли спиртного, ни намека на что-то нечистое между парнем и девушкой. Кстати, как раз там я познакомился со своей нынешней супругой.

Казимир посмотрел на Ольгу: понимает ли она его?

— Я стал размышлять: «Если Христос это Любовь, то почему большинство людей не чувствуют этого, не радуются, а сознательно загоняют себя в состояние какого-то мистического страха, кары за любую провинность, за малейшую человеческую оплошность?» Во многих христианских общинах царит не любовь, не радость, а страх: страх наказания, страх ослушания, страх конца света, страх антихриста, страх кодов, паспортов, компьютеров, мобильных телефонов — абсолютно всего. Тогда я снова и снова — уже в который раз! — раскрыл Библию и углубился в ее чтение. И вдруг пелена спала с моих глаз, я словно впервые по-настоящему прозрел! Иисус Сам говорит: «Радуйтесь! Я воскрес, Я победил мир! Кто верит в Меня, на суд не приходит!» Мне это стало так ясно, так очевидно, что мое сердце тоже наполнилось невыразимой радостью. Я понял, что нужно верить и доверяться только Иисусу, а не разным догмам, запретам, которые написаны, наверное, очень умными, но все же людьми…

Он снова посмотрел на Ольгу, ища в ее глазах поддержки своим словам.

— Вам интересно, что я рассказываю?

— Да, — ответила Ольга, — но вы пригласили меня не за этим?

Казимир понял, что увлекся рассказом. Он вытащил из пиджака мобильный телефон и положил рядом с Библией:

— Вот тут сохранилась запись того, что случилось вчера во время молитвы пастора Анджея. Я тоже был недалеко и все видел. Может, есть желание посмотреть?

Ольга насторожилась:

— Меня хотят в чем-то обвинить?

— Нет-нет, что вы! Но нам с Анджеем хочется понять вас.

— А что во мне непонятного?

Казимир заказал еще горячего кофе.

— Даша говорит, что у вас пока нет большого интереса к духовной жизни, — ему хотелось расположить Ольгу к откровенному общению.

— Ей виднее, — снова уклончиво сказала Ольга. — Она к вам ходит…

— А вы? Вы куда-то ходите?

— Ходила в ночной клуб, пока…

— Что пока? — перебил Казимир.

— Пока мне не встретились два человека, которые помогли впервые задуматься о другой жизни — наверное, той самой, которую вы называете духовной. Одного, к сожалению, уже нет, а со вторым общаюсь.

— Кто же это?

— Священник в годах, но продолжает служить.

Казимир засмеялся:

— О, я их столько повидал — и пожилых, и молодых: всех не перечесть. Чем же, если не секрет, два дедушки смогли увлечь такую очаровательную девушку?

Ольга не поддержала этот юмор.

— Вы рассказывали о том, как искали духовную радость… Там усомнились, там разуверились, пока не почувствовали, что нашли.

— И вы нашли? — всплеснул руками Казимир.

— Можно сказать, да. Я увидела эту радость в людях, о которых сказала. Они не пели и не плясали, как я видела вчера в вашей церкви, и разговаривали они всегда на понятном языке, в том числе когда молились Богу. Обоим не было скучно в церкви, но и радость их особенная… Я

не могу выразить это словами. Это неземная радость. Вот ее-то я и увидела в них, а теперь ищу свои собственный путь к ней.

Казимир улыбнулся:

— Может, откроете мне секрет, хотя бы в каком направлении вы двигаетесь?

— Нет никакого секрета, — спокойно ответила Ольга. — Я поняла, что эту радость нужно искать не где-то, а внутри себя, в своем сердце. Бог ждет нас, прежде всего, там. Ждет, когда мы впустим Его к себе. Тогда и приходит настоящая радость.

Казимир хохотнул:

— Так вам рассказывали дедушки?

— Не только они.

— Кто же? Их бабушки?

Ольге не понравился фамильярный тон собеседника. Она посмотрела на часы:

— Простите, но я засиделась…

Казимир схватил ее за руку, удерживая за столиком:

— Прошу вас не спешить и простить меня. Пастор Анджей, все мы огорчены происшедшим. Такая неприятность, такой конфуз случились в нашей церкви впервые. Мы живем и молимся одним духом, одной верой в Иисуса. В чудеса мы тоже верим, и Господь нам их показывает, дарит, убеждает, что Дух Святой среди нас. Мы молимся, просим Иисуса помочь больным, страждущим людям — их теперь все больше и больше, — и видим, что Он слышит нас, помогает, исцеляет. Но Иисус прямо предупреждает, что придут лжепророки, будут явлены многие лжечудеса, которые очень трудно отличить от чудес настоящих, но попасть в их сети проще простого.

Он задумался.

— Люди всегда ждут чуда: пусть маленького, очень личного, но чуда. С другой стороны, они его боятся. Ведь Иисуса тоже спрашивали: «Какой силой Ты это делаешь?» Хотя видели, что все, что Он делал, не было обманом, иллюзией, спектаклем: слепые прозревали, скорченные разгибались, парализованные вставали и начинали ходить, больные исцелялись, мертвые воскресали. «Какой силой Ты это делаешь?» Люди боялись участия в этих чудесах дьявольской силы, чародейства. Ведь слуги дьявола тоже могут удивлять. Они большие мастера всяких чудес и обмана. Готовя еврейский народ к исходу из Египта, Господь избрал вождями Моисея и Аарона и дал им великую силу чудотворения. Однако жрецы и чародеи фараона поначалу могли кое в чем посостязаться с ними. Аарон бросил свой жезл перед фараоном и его слугами, как велел Господь, — и тот превратился в змею, но волхвы сумели повторить это чудо силою своих чар. Снова Аарон совершает чудо: по слову Господа на глазах фараона ударил жезлом по реке — и вся вода мгновенно превратилась в кровь, все живое в ней вымерло, а сама вода стала непригодной для питья. Но и волхвы сумели сделать то же. Потом Аарон вывел из рек и озер всех жаб, и они покрыли собой египетскую землю — и это чудо оказалось под силу чародеям… И лишь когда фараон убедился, что есть чудеса, перед которыми его жрецы оказались бессильными, он отпустил иудеев в землю обетованную. Этот исход был тоже насыщен невиданными чудесами. Однако даже они не всех убедили, многие задавались тем же

вопросом: «Какой силой это делается?»

Казимир посмотрел на Ольгу:

— И нам, признаюсь, интересно: зачем вы позвали пастора к тому маленькому инвалиду? Вам хотелось личного чуда? Или хотели проверить, какой силой мы совершаем свои чудеса?

Ольга глотнула кофе:

— Сказать по правде, я никаких чудес не увидела. Было весело, шумно, многолюдно, но… Простите, но меня этим не удивить. Когда к нам в торговый центр привозят новый товар, да еще с хорошей скидкой, то бывает намного веселее, шумнее, и народу побольше. А в ночном клубе еще больше и веселья, и музыки, и танцев. Но разве это чудо?

— И вы в нашей церкви не увидели ничего, кроме веселья и шума? — огорченно спросил Казимир.

— Почему не увидела? Увидела… Например, свою подругу Дашку. Мы вместе росли, вместе ходили в школу — никуда друг бед дружки. О нас в деревне шутили: «Мы с Тамарой ходим парой». Я видела ее всякой: и веселой, и грустной, и хулиганистой. Не знай я ее близко, то подумала бы, что она крепко тяпнула. В нашем детстве и молодости такое тоже случалось: мы ведь простые, деревенские. Ей в собрании было так «хорошо», что мне стало плохо. Пастор снисходительно улыбнулся:

— Так бывает со многими, кто впервые попадает в нашу церковь. Дух Святой пьянит человека, это правда. Разве не пьянит нас любовь, разве не пьянит тихое утро, красивая музыка? Но со временем, когда Дух Святой живет в вас…

— Нет-нет, — остановила Ольга, — с меня хватит вчерашнего.

— Признайтесь, вы не верите в чудеса? — не отступал Казимир. — Вам хотелось, чтобы Бог показал чудо непременно с тем больным мальчиком? Или хотелось смутить пастора, проверить силу его молитвы?

— Мне хотелось, чтобы мальчик стал здоров, чтобы он пошел своими ножками. Я не умею молиться так, как это делаете вы. Странно, что никто из вас не видел, что он сидел в кресле и плакал, страдал, чувствовал себя страшно одиноким, никому не нужным. Мне показалось, что остальные были заняты лишь собой, лишь своими просьбами к Богу, хотели непременно от чего-то исцелиться, а до чужого горя, до чужих слез, до чужих болезней никому не было дела. А Иисус ни от кого не отворачивался, Он спешил на помощь, помогал, исцелял. Если бы все в вашей церкви забыли о своих проблемах и повернулись к его слезам и стали бы просить Бога, Он исцелил бы его, поставил бы на здоровые ножки. Даже если бы такого чуда и не случилось, Бог нашел бы, чем утешить этого мальчика. Не пойму, почему моя просьба обидела вашего пастора, вообще вызвала столько шума?

Казимир снова задумался:

— Наверное, просить о чудесах тоже нужно осторожно… •

Он взял ее ладонь и положил на Библию.

— Оля, вы верите в Бога?

— Да, верую. Мое сердце чувствует Его, верит Ему…

— Мы могли бы помочь вам укрепиться в вере.

Ольга улыбнулась:

— Новыми чудесами? Или изучением «ангельского» языка? У меня-то и в школе по английскому выше хилого «трояка» не было. Куда с моими способностями браться еще за «ангельский»? Сама опозорюсь и вам за меня стыдно будет.

— Не иронизируйте. Когда Дух Святой сходит на человека, он дает благодатную силу говорить другими языками, исцелять, помогать другим людям. И эти дары не нужно прятать. Зачем? Иисус сравнивает дар веры с горящей свечой, которую нужно ставить так, чтобы она светила всем, а не прятать в чулан или под кровать. Вы будете вместе с нами молиться, вместе с нами прославлять Бога, вместе с нами призывать Его небесную помощь. Мы все братья и сестры Иисуса, а не подневольные рабы! Это не мои, а Его, Иисуса, слова.

— Я чувствую себя только грешницей. Большой грешницей. Если я начну обо всем рассказывать, в чем меня мучит совесть, вы забудете обо всем, с чего мы начали наш разговор…

— Дорогая сестра! — с жаром остановил Казимир. — Иисус давно все простил! Верьте Иисусу! Не терзайтесь тем, что было в жизни: у вас, у меня, у любого другого человека. Вы уже раскаялись. Голгофа искупила все грехи!

Ольга вспомнила разговор с отцом Афанасием, состоявшийся накануне.

— Нет, я еще не начинала своего раскаяния… Я только иду на суд своей совести. Вместе с блудницей…

— С какой еще блудницей? — настороженно переспросил Казимир. — О ком вы?

Ольга коснулась пальцами лежащей рядом Библии:

— О той, которую судьи хотели поставить к городской стене и побить камнями. Это было бы справедливо и по закону. Но Иисус оправдал ее и отпустил с миром. Потому что у Него Свой суд. А что будет со мной — не знаю…

14

Весь остаток рабочей недели Ольга жила ожиданием важного события в своей жизни: исповеди и Причастия Святых Христовых Таин. Каждый вечер она ехала в храм, где служил отец Афанасий, а когда служба закачивалась, подолгу беседовала с ним, открывая и открывая душу, истерзанную грехом. Она уже не искала никаких компромиссов с совестью, самооправдания, самоизвинения в грязи, которой была переполнена душа. Теперь она готовилась сложить свой грех у ног Христа, и, подобно евангельской блуднице, омыть Его ноги слезами раскаяния. Все остальное было в руках правосудия и милосердия Божьего…

Из продавщиц она временно ушла и попросилась на склад, где не было суеты, царившей в торговом зале. Работа эта для нее тоже была знакомая. Душа просила тишины, уединения, покоя. Хотя и здесь донимали звонками: названивала Даша, от ее имени названивали какие-то незнакомые люди, просившие молитв. Звонил Казимир, назначая новую встречу, чтобы обсудить новые темы. Но все равно теперь ей было спокойнее. Если в торговом зале работали

до вечера, то склад закрывался раньше. Ольга быстро переодевалась и спешила к отцу Афанасию.

Даже рядом с невзрачными «хрущевками» храм, где он служил, был почти незаметен, а уж на фоне выросших панельных «небоскребов» казался и вовсе песчинкой. Кто знает: может быть, это и спасло его от неминуемого разрушения и уничтожения. Когда в этом районе началось строительство заводов и фабрик, рабочего жилья, на здешнюю церквушку — приземистую, из потемневшего красного кирпича, даже без колокольни — никто не обратил внимания. Стояла себе без всяких претензий, никому не мозоля глаза. Закрыть ее закрыли, но не сравняли с землей под советские новостройки. Вспомнили о ней, когда появилась нужда найти помещение, где можно было бы хранить заводские архивы. Лучшего места, чем эта заколоченная церквушка, не нашлось. Там и разместили. Но случился пожар, все бумаги сгорели — храм, однако, уцелел, хоть и стал похож на головешку. Таким он оказался вовсе никому ненужным. Так и стоял, пока его не возвратили верующим: отец Афанасий Дымов стал первым настоятелем, который пришел сюда, чтобы все восстановить и начать служение Богу.

Отец Афанасий был самым обычным приходским священником. Божественная литургия, уставные требы, проповеди, воскресная школа, неторопливые беседы с людьми, которые к нему обращались, — это наполняло его жизнь. По вечерам, в любое свободное время он читал: в его домашней библиотеке было много духовной литературы, творений святых отцов, редкие старинные издания, доставшиеся ему от разных людей, в том числе от священников и монашествующих старших поколений.

Заменить отца Афанасия никто не рвался: доход здесь был скромный, спонсоры сюда не заглядывали, да и сам отец Афанасий ничем, кроме усердного служения в церкви, не отличался: никуда не ездил, никуда не рвался, ни перед кем не заискивал, ничего для себя не требовал; жил, одевался, питался очень скромно. Любил, правда, порыбачить: возьмет пару удочек — и махнет еще дальше за город, где текла речушка и остались мелкие камышовые заводи. Если не было службы в церкви или треб, и если позволяла погода, то коротал время здесь на свежем воздухе, возле воды, наедине с природой, в полной тишине, молясь Богу и перебирая с молитвой узелки четок.

Некоторые батюшки над ним посмеивались и редко приглашали, чтобы послужить вместе: голос отца Афанасия был тихий, служил он без тени артистизма, и ни в чем — ни в облачении, ни в слове — не любил вычурности. В компаниях вовсе был незаметным: ни выпить с ним за столом, ни повеселиться, ни пооткровенничать на вольные темы…

Тем, кто привык искать в храмах и в монастырях великолепия, золотого убранства, слаженного пения, чудотворных икон и прозорливых старцев, у отца Афанасия было скучно, неинтересно. Храмик снаружи неказистый, а внутри вовсе тесноватый; даже в дневное, солнечное время здесь царил сумрак, вечером же — только свечи, лампады да небольшое паникадило в центре. И пение здешнего хора — далеко не такое возвышенное, артистичное, как в больших храмах: несколько человек, наученных батюшкой «премудростям» клироса. Службы — тоже тихие, спокойные, строго по уставу. Святые образа — почти сплошь новые, в скромных киотах и рамках, сделанных кем-то из прихожан у себя дома. Самым большим из них был образ преподобной Марии Египетской: во весь рост, в состоянии пламенной покаянной молитвы, с горящим взором и слезами, обращенными к Богу. Это была главная храмовая икона, подаренная одним из местных благотворителей, когда церковь построили и освятили в честь этой великой подвижницы первых веков христианства.

Об этом образе ходила легенда. Когда пришло известие, что церковь вот-вот закроют, а то и вовсе снесут, местные крестьяне решили сберечь икону преподобной Марии. Думали-гадали,

где лучше, и спрятали ее в избе одной благочестивой вдовы. Подумали так: какой с нее спрос, даже если нагрянут с обыском комсомольцы-безбожники? Во всем положились на волю и милость Божью. Там она и стояла. Время от времени, в тайне от всех, приходили сюда люди, сохранившие веру, молились, как встарь. Потом, когда грянула война, в деревню вошли немцы. Каратели всюду гонялись за партизанами и местными жителями, помогавшими своим. Однажды им показалось, что они напали на их след: заметили, как несколько фигурок юркнули в пустую избу. То была та самая изба, где жила вдова — хранительница иконы преподобной Марии. Вдовы, правда, уже не было: она как раз перед войной умерла, но икона осталась на прежнем месте. Ворвались немцы в избу: туда, сюда, во все углы — никого нет. Видели точно, что сюда забежали люди, а найти не могут. С досады немец снял с плеча автомат и саданул очередью по иконе. Кабы знал, что прямо за ней сидели в страхе трое местных детишек, не миновать бы им расстрела. Мария Египетская укрыла их собой от беды, спрятала.

Когда церковь возвратили верующим и прислали отца Афанасия, об иконе вспомнили и решили возвратить в храм. Но нашлись родственники той покойной вдовы, заявившие о своих правах на эту святыню: прикинули, видать, что можно неплохо заработать — образ-то был не штамповкой из церковной лавки, а настоящего письма. Решили поторговаться с батюшкой. Привезли ее для начала в храм, поставили туда, где, по воспоминаниям старожилов, она всегда стояла, и давай набивать цену. Люди плачут, умоляют оставить славную икону. Денег на самое необходимое нет, а те ни в какую. Опустились люди перед иконой вместе с батюшкой на колени, помолились со слезами, на прощанье приложились: поняли, что все равно заберут. Подошли забирать, а икона словно вросла в землю. Позвали еще пару крепких мужичков — и тем оказалось не под силу. Как ни стараются поднять или хотя бы оторвать от пола — все напрасно. Растаяли окаменевшие сердца, потеплели. Сами поняли, что чудо неспроста — и оставили икону в церкви, да еще от себя щедрую жертву дали на разные нужды, заказали новый киот, застеклили. Но немецкие пули, застрявшие в доске, вытаскивать не стали: пусть люди знают, что все тогда происшедшее тоже было настоящим чудом, а не чьей-то выдумкой[12].

В образе Марии Египетской Ольга узнала себя. Не в той Марии, которая со слезами покаяния на долгие годы скрылась в пустыне, и не в той, которую увидел монах Зосима: с воздетыми руками, над землей, в пламени молитвы. Ольге, как и Марии, вдруг открылось все, чем она занималась, в чем валялась, вымазывая, как свинья, и себя, и тех, кого затягивала в грязь плотских наслаждений. Грех настолько переполнил, очернил, осквернил душу, что для ее спасения вмешался Сам Бог — и сделал это тоже, как Бог: не убивая, а призывая к раскаянию. Но теперь Ольга должна была решать сама, как жить дальше: каяться и возвращаться на прежнее, чтобы умереть в грехах, или же каяться и впредь не грешить. Перед ней был живой пример Марии Египетской.

— Теперь вряд ли найдется хоть один человек, который сможет повторить подвиги этой великой святой, — отец Афанасий старался помочь Ольге разобраться в себе. — И дело не только в неимоверно трудных, воистину нечеловеческих условиях, которые она избрала для борьбы с опутавшими ее страстями: бескрайняя египетская пустыня, где нет ни дорог, ни навесов, чтобы укрыться в тень, ни жилищ; днем испепеляющее солнце, а ночью лютый холод, вокруг ни души — лишь дикие звери да ядовитые гады; ни капли воды, ни дуновения прохладного ветерка. Одежда давно истлела, плоть высохла, прежняя красавица превратилась в тень, стала похожа на привидение. Так она жила не год и не два, а долгих 47 лет. Кто ныне согласится на такое самоотречение? А ведь для Марии это было не самым трудным. Самое трудное для нее, как и для любого грешника, — это борьба с собой, внутри себя. Раз Царство Божие внутри нас, то там и преисподняя, кромешный ад. Вот с чем ей предстояло сразиться — с силами ада! Они начали рвать подвижницу с особой злостью, требуя, чтобы та возвратилась

назад. «Ты не раба Божия! — кричат ей. — Ты наша рабыня навеки!» И рвут, и терзают, и мучат… Едва сомкнет глаза — и сразу перед ней мелькают картины прежней разгульной жизни: сцены разврата, наслаждений. В ушах — бесовский хохот, грязные слова, веселая музыка. Обоняние ловит запахи дорогих нарядов, духов, вин. Мария видит наяву тех, с кем блудила, кого совращала, с кем плясала и спала: молодые, пожилые, красавцы и неказистые, верующие и безбожники — кого здесь только нет! Окружили ее, хохочут, бесстыдно пляшут, бьют в бубны, тащат к себе силой. А Мария в полном изнеможении от этой борьбы падает на колени и кричит к небу: «Матерь Божия, помоги!..» Кто услышит этот вопль? Кто поможет? Только Она, Заступница всех грешных…

Ольга слушала отца Афанасия, и ее охватывало отчаяние: чем она искупит свой грех? Какими подвигами?

— Дьяволу и его слугам важно не только растлить человека, осквернить блудом его душу и тело. Попасться в эти сети может любой: и по неопытности, и по рассеянности, и по невоздержанности, и по гордости — причин много. Врагу важнее не допустить, чтобы человек, впавший в блуд, осознал свой грех, покаялся в нем. Дьявол хорошо знает, что не прощается лишь один грех: нераскаянный. Поэтому шепчет, внушает, твердит каждому, у кого в душе проснулся стыд: «Ты что, лучше других? Хочешь, чтобы над тобой смеялись, считали белой вороной?» И смеются, и осмеивают… Целая индустрия разврата, поток пропаганды, глянцевые обложки, фильмы, программы — и все с одной целью: «Вкуси! Не бойся, все можно!» Тем же, кто вкусил, но потом решил порвать с прежней жизнью, поют другую «песню»: «Иди, иди… Но знай: тебе нет прощения!» И толкают этого несчастного уже не в блуд, а в петлю…

Ольга ловила себя на мысли: «Странно, почему об этой святой, о ее подвигах не знают Казимир, Дашка, пастор, другие из таких же собраний? Не знают или не хотят знать? Почему они верят в то, что мы спасены без всякой борьбы? Пусть не такой, как у Марии Египетской, но все же борьбы? Или считают себя безгрешными? Почему они не вспоминают слова Иисуса о том, что «Царство Небесное силою берется»? А Его же слова о том, что нужно взять свой крест и идти вслед Христу? А ведь Он шел на Голгофу, на страдания, на смерть… Тоже не слышали, не читали? Почему только: «Радуйся! Радуйся!»?..»

— Да, — отвечал на ее недоразумения отец Афанасий, — радоваться лучше, чем плакать. Бороться, получать ранения, падать, вставать и снова сражаться — все это гораздо труднее, чем приплясывать и кричать «Аллилуйя!» И весело, под музыку идти по широкой просторной улице лучше, чем протискиваться в узкие врата, обдирая себе до крови руки и ноги. Все религии, все ложные толкования учения Христа так и учат: «Радуйся! Какой крест? Какие страдания? Верь — и ты уже спасен!» А кому не хочется быть счастливым? Радость — это естественное состояние человека. Кому хочется страдать, быть оплеванным, гонимым? Пусть другие страдают, идут на крест, коль им суждено, мне же дай счастье, радость. И получают, но не радость, а ее иллюзию. «Мір сулит злато, а дарит благо», — так говорил святитель Димитрий Ростовский. Тайна сострастия Христу до времени была сокрыта даже от Его ближайших учеников, хотевших непременно воссесть по правую и по левую стороны Учителя в Его Царстве вечного блаженства и радости, когда Тот говорил совершенно о другом: о грядущих страданиях, о распятии, о смерти. «Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» — спрашивает Он их. «Да, — уверенно отвечают они, — можем». И тогда Господь говорит им: «Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано»[13]. Другие же слова Иисуса: «Ученик не больше своего учителя», — обращены уже напрямую не только к апостолам, но и каждому, кто хочет быть христианином. Крест Христов для христианина — это готовность сражаться с неправдою и

грехом как внутри, так и вокруг нас, готовность принести себя в жертву ради правды…

В этой маленькой церквушке Ольгу ничто не отвлекало от молитвы. Народу приходило немного, поэтому всегда находилось укромное местечко, где можно уединиться, слушать тихое пение церковного хора, вникать в службы, совершаемые отцом Афанасием. А совершал он их неспешно, величаво, внятно возглашая каждое слово.

Вот хор негромко запел уставное вечерней службы:

Свете Тихий святыя Славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго Блаженнаго, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога…

Вот батюшка пошел по храму, совершая каждение, — и все заблагоухало ладаном, его клубы окутывают мерцающие свечи, святые образа, людей, пришедших на службу, Ольгу.

Вот со стороны клироса звучит низкий мужской голос:

От юности моея мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи, и спаси Спасе мой. Ненавидящий Сиона, посрамитеся от Господа, яко трава бо огнем будете изсохше.

За ним слышится глас:

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу И ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

И опять тот же мужской голос:

Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Троическим Единством священнотайне…

Ольге на мгновение вспоминается то, что она видела в собрании, куда ее повела Даша. Как все не похоже, как все далеко…

«Почему им здесь не интересно? — думает Ольга. — Почему они не принимают всего этого, не понимают? Зачем выдумывают что-то свое?..»

Она смотрит на святые образа: Спаситель, Его Пречистая Матерь, угодники Божии, мученики, просветители, монахи-подвижники… Сколько их в небесной славе и неземной радости! А сколько их, известных лишь Богу!..

И снова ее взор к Марии Египетской. Ольга шепчет:

— Преподобная Мария, моли Бога обо мне, грешной… .

Какая удивительная судьба!.. Сколько в ней тайны, сколько светлой надежды и силы восстать против греха!

Монах Зосима долго прожил отшельником и думал, что уже много достиг. Он действительно достиг многого и многое постиг, оставив суетный Мір, чтобы сразиться со своими страстями и достичь бесстрастия. И лишь он подумал так о себе, как все его подвиги начали раздуваться в размерах, внушая отшельнику, шепча лестные слова.

«Есть ли еще кто-то, кто может сравниться со мной?» — не отступает от него мысль. И в ответ вдруг слышит ясный голос:

«Конечно, есть».

Это голос Бога, Который хочет остановить человека, стоящего на самом краю глубокой и страшной пропасти погибели.

«Конечно, есть», — говорит Господь. А почему не быть? Вот, например, Пророк Илья тоже думал, что он один такой праведный, а Господь, оказывается, сохранил Себе аж семь тысяч мужей, не поклонившихся Ваалу — одному из самых кровавых и хитрых демонов.

Два других великих египетских подвижника — Антоний и Макарий — тоже посчитали себя достигшими духовного совершенства. Но для того, чтобы они смирились и достигли еще большей высоты святости, Господь велит обоим выйти из пустыни и отправиться не куда-нибудь еще дальше, вглубь безжизненных песков, а в Александрию — огромный портовый город, наполненный пороками, развратом, разными проходимцами, жульем, разбойниками. Здесь-то, в этом вертепе греха, Антоний Великий получает урок смирения у обычного сапожника, а Макарий Великий учится той же добродетели у двух замужних женщин.

Но старцу Зосиме велено было идти как раз вглубь жаркой пустыни. Там встречи с ним ждала женщина, которая провела молодость в той самой Александрии. Увидев ее теперь, никто бы не смог узнать в ней прежнюю красавицу и известную блудницу: перед ее искусством обольщения мало кто мог устоять. Знакомство с этой женщиной должно было привести старца Зосиму в еще большее смирение, а уже через него принести в Церковь живой урок: никакая глубина падения не затворяет перед человеком путь к спасению.

Но Зосима ходил в пустыню не только для того, чтобы вразумиться великим подвигом Марии Египетской: он шел туда и за тем, чтобы причастить ее, сделать ее раскаяние перед Богом глубоко церковным. Только раз она причастилась Тела и Крови Христовых, когда решила порвать с Міром, навсегда оставить его. И теперь, готовясь навсегда оставить свое изможденное тело и предстать душой перед Богом, она снова жаждала соединиться с Ним в Таинстве Причастия: не формально, а «со страхом Божиим и верою».

«Почему им это не интересно? — думает Ольга, снова вспоминая собрание в кинотеатре. — Почему они упрямо не хотят поверить в это, принять, почему отвергают?..»

…Вечерняя служба субботы подходит к концу. Если будет воля Божия, Ольга первый раз подойдет к Чаше Причастия и вкусит Пречистое Тело и Пречистую Кровь Спасителя. Это будет завтра. А пока с клироса еще слышится голос чтеца. Отец Афанасий выходит из алтаря, готовый исповедовать желающих. Но, кроме Ольги, никого нет. Храм почти пуст. Догорают последние свечи. Ольга подходит ближе и слышит, как батюшка начинает молиться:

— Боже, Спасителю наш, Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениих оставление даровавый, и Манассиину в покаяние молитву приемый, Сам и рабу Твою Ольгу, кающуюся о нихже содела согрешениих, приими обычным Твоим человеколюбием…

Ольга опускается на колени. Перед ней лежит Святое Евангелие, Крест с Распятием Спасителя, а на стене — лик Богоматери.

— Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, — слышит она тихий голос отца Афанасия, — не усрамися, ниже убойся, и да не скрыеши что от мене, но не обинуяся рцы вся, елика соделала еси, да приимеши оставление от Господа нашего Иисуса Христа…

Слезы текут по лицу Ольги. Она не может вымолвить ни слова, а лишь плачет, плачет, плачет о своей жизни. За нее исповедуется сердце: оно все открыто перед Богом. Где-то далеко в подсознании слышатся какие-то крики, визгливые голоса:

«Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?»

И уже явно звучит голос отца Афанасия. Накрыв Ольгу епитрахилью, он читает над ней разрешительную молитву:

— Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Ольга, вся согрешения твоя…

А в этих спасительных словах ей теперь слышится еще один голос, тоже очень родной и знакомый:

«Кто из вас без греха, первый брось на нее камень…»

15

Страхи, сомнения оставили Ольгу. Грех еще жил, гнездился в ее душе, но она уже знала, Кто волен простить, избавить, исцелить ее — Христос, и поэтому шла в Его, Христову, Церковь. После случая в кинотеатре и конфуза с пастором Даша не заводила разговоры на духовные темы и не тянула подругу в собрание. Ольга же быстро забыла о той неприятности, но случай с мальчиком-инвалидом неожиданно снова напомнил о себе.

Уже закончился рабочий день. Ольга вышла из своего торгового центра. Там работали кондиционеры, веяло прохладой, а на улице было душно. Ольга осмотрелась, где бы взять мороженого, но тут ее сзади окликнули. Она повернулась и увидела молодую женщину, а рядом с ней — мальчика в инвалидной коляске. Ольга сразу узнала их: это они были рядом с ней на собрании церкви «Благодати Святого Духа». Мальчик радостно помахал Ольге, как своей старой знакомой. Та от неожиданности растерялась. Она тоже помахала ему, подошла ближе и улыбнулась:

— Привет! Хочешь мороженого?

— А мы хотели угостить вас, — вместо него ответила женщина и тоже улыбнулась Ольге:

— Меня Виктория зовут. Вика. Это мой сынок.

— С ним я уже успела познакомиться, — Ольга обняла мальчика.

С Викой они сразу перешли на простое общение: та была не на много старше Ольги, тоже очень миловидная, приятная, модно одетая женщина. Они сели под навесом в открытом летнем кафе и заказали мороженого.

— Меня очень поразило то, что произошло в собрании, — смущенно сказала она. — И поразило, и тронуло одновременно. А еще… Мне стало очень стыдно. Я, родная мать, не видела слез своего сына. Никто не видел. А ты увидела, захотела как-то помочь…

Она тихо засмеялась:

— Ох, что там творилось после всего! Начали разбираться, кто тебя привел, зачем, почему пастор ни о чем не знал. Думали, что все это было подстроено специально, чтобы смутить

собрание. Дашу заставили объясняться, ей поначалу никто не верил…

— Я верю, — согласилась Ольга. — Мне самой пришлось объясняться.

— С Казиком? С Казимиром? — уточнила Вика.

— Да, с ним.

— Он у нас главный смотрящий за порядком в церкви.

— Смотрящие, вроде, только на зонах.

— Ну, смотритель, правая рука пастора. Ты же у нас первый раз?

— И последний, — спокойно ответила Ольга, ожидая, что ее снова начнут уговаривать прийти туда. Но Вика повела другой разговор.

— Я тоже когда-то попала туда первый раз. Потом втянулась. А ходила, как и ты, поначалу не туда, а в обычную церковь: с крестами, с иконами, со службами, с постами, с батюшками и с матушками…

— И почему перестала ходить? Разочаровалась? В чем?

Та горько усмехнулась:

— Во всем.

Ольга хотела что-то сказать, но Вика не дала:

— Во всем! Я была, можно сказать, примерной прихожанкой. Не пропускала ни одной праздничной, ни одной воскресной службы, соблюдала все посты, все правила вычитывала. Я с детства в церкви. Некоторые старцы упорно советовали мне в идти монастырь и стать монашкой, чтобы не быть соблазном для мужчин.

Ольга с удивлением посмотрела на нее.

— Да-да, так мне внушали. Я росла красивой девочкой, а повзрослела — вовсе красавицей стала. Ко мне завидные женихи сватались, на выбор. Ну, и выбрала…

Вика вздохнула.

— Тоже примерный церковный мальчик, мечтал батюшкой стать. Ни у меня до него, ни у него до меня с другими ничего такого не было. Ну, глазки кому-то строила… Нас повенчали. Вскоре родился наш первенец Виталик — вот такой, каким его видишь: инвалид, ножки не ходят. Мы много монастырей объехали, молебны заказывали перед разными чудотворными иконами, перед святыми мощами, мы и к старцам ездили — все без толку. А один монах мне как-то говорит: «Это тебе за то, что ослушалась и в монастырь не ушла». Мой муж поверил — и сам в монахи собрался: «Нужно грех замаливать», — говорит. «А кто же, — спрашиваю его, — о нашем сыне-инвалиде позаботится?» Он махнул рукой — и скрылся. Позже я узнала, в какой он «монастырь» ушел грехи замаливать: сошелся с замужней женщиной, ее от родных детей увел, от мужа… Вместе начали «каяться».

Она снова горько усмехнулась.

— Остались мы вдвоем с Виталиком. Родители помогали, у меня инженерная профессия — так и выкручивались. Потом стала слышать за спиной шепоток, нехорошие сплетни, что муж от меня ушел, потому что я Виталика на стороне нагуляла. И кто шептался? Наши церковные люди. Стала замечать, что и настоятель на меня с ухмылкой поглядывает: «Как тебе, Вика, без мужа живется? Как без него обходишься?..» Что и говорить, нелегко было, во всех отношениях нелегко. Я к нему на исповедь, а он от меня ждет интимных подробностей. «Зачем ты общими словами рассказываешь? — упрекает. — Давай конкретнее, конкретнее: с кем, сколько раз...» А у меня ни с кем. Ни разу! Я себя посвятила Виталику. Позже сошлась с хорошим человеком, и не жалею об этом.

— Эх, — вздохнула она, — кабы я не знала, как живут эти церковные «святоши»... А тут ко всем своим бедам я попала в больницу. Со мной в палате лежала женщина из церкви, которую другие верующие считают сектантами, еретиками, которые искажают Истину. К ней братья по вере каждый день ходили, интересовались здоровьем, отвлекали от дурных мыслей, молились, ухаживали, помогали. Они и со мной всем делились. Пастор к врачам наведался, обо всем расспросил, а потом, когда ее уже выписывали, всех отблагодарил. А для наших прихожан я как будто умерла. Даже если бы умерла — не вспомнили бы. Обидно стало... Думаю: «Христос заповедал нам иметь между собой любовь. А где она среди нас? Он сказал, что все будут знать, что вы Мои ученики, если будете жить любовью. А мы чем живем?..» Так и познакомилась с пастором Андреем, Казимиром, пришла к ним.

— И что? Нашла там Христа? — задумчиво спросила Ольга.

— Мне кажется, я еще больше запуталась, — грустно сказала Вика. — Я искала Христа в других, но не в себе. И смотрела тоже на других, но не в себя. Мне было хорошо, а каково другим — не замечала. Я не увидела даже слезы Виталика. А ты их увидела...

На следующий день ее рассказ слушал отец Афанасий: Вика пришла к нему по совету Ольги.

— Мы смотрим плотью и судим обо всем тоже плотью, — хотел вразумить ее отец Афанасий. — А где плоть — там и грех. Поэтому «всяк человек ложь»[14], и помыслы его тоже отравлены ложью, неправдой. Без греха был лишь Господь наш Иисус Христос. Он пришел не наказывать, а спасать людей, погибающих в грехах. Бог никого не наказывает: человек сам себя ставит в такие жизненные обстоятельства, в которых ему становится неуютно.

— Но Виталик, — со слезами воскликнула Вика, обняв сына, — он-то за что должен страдать, за чьи грехи? За то, что я не приняла постриг, не осталась в монастыре, а по закону, по любви вышла замуж?

Отец Афанасий кротко улыбнулся:

— Где вам это сказали?

— В монастыре, куда мы за советом ездили, за их молитвами...

Батюшка покачал головой.

— А Господь, возможно, сказал бы по другому. Помните евангельского слепца, который сидел на городской площади и просил милостыню? Он был слепой от рождения, а сынок ваш от рождения не ходит. Оба, выходит, инвалиды. Ученики видят этого несчастного человека и спрашивают своего Учителя почти так же, как и вы: «Почему он такой? За чьи грехи страдает: за свои собственные или за родительские?» И что им ответил Иисус: «Ни он не согрешил, ни его родители, но таким он родился для того, чтобы на нем явились дела Божии». И тут же

исцелил его, сделал зрячим.

— Как вы думаете, Господь исцелит моего Виталика? — в слезах прошептала Вика.

— Мы предполагаем, а Господь располагает, — уклончиво ответил отец Афанасий. — Я верю, что Господь силен явить любое чудо, любую милость. Глядишь — и Виталика поставит на ножки, будет он мне помощником. Я ведь уже стар, а сюда никто не рвется. Ты сам-то как, согласен?

Он обнял счастливого мальчика, а тот радостно заулыбался.

Виктория не спешила расставаться с батюшкой. Она почувствовала к нему особое внутреннее расположение.

— Почему я запуталась? — слезы снова блеснули у нее на глазах. — Я была в Церкви, где все казалось понятным, родным. Потом все это рухнуло, я ушла к пастору, где поначалу тоже чувствовала себя вполне комфортно: собрания, молитвы, прославление Бога, милосердие, все сообща. И снова крах… Куда же мне идти? Я во всем разочаровалась.

— Во Христе тоже? — осторожно спросил отец Афанасий.

— Нет! — жарко ответила Вика. — Я верю Иисусу!

— Тогда ищите Его, зовите на помощь, просите, чтобы Он Сам вас вразумил. Христос не оставляет никого, кто к Нему стучится. И обязательно приведет в Православную Церковь, потому что там правильное исповедование Христа, там правильное поклонение Ему, там вся полнота Его Божественной благодати, там Сам Христос в спасительных Таинствах — в Своем Пречистом Теле и Пречистой Крови, Которые преподает всем верным, как залог будущей жизни.

Батюшка улыбнулся.

— Людям хочется чувствовать себя комфортно везде: и дома, и в семье, и на работе, и в церкви. По-человечески это понятно и неудивительно. Господь же говорит не о комфорте, а о том, что в Царство Божие нужно входить узкими, тесными вратами, Он говорит о крестном пути, о неизбежности Креста, страданий, скорбей. Он Сам показал путь, по которому должен идти каждый, кто хочет быть христианином, а не лишь именоваться им. Разве мало среди нас таких «номинальных» православных христиан? Посмотришь на них — и волосы в косу, и юбка до пят, и четьей в руках, и разговоры елейные, и: «Простите, благословите», и по заповедным местам, по монастырям покататься, к святынькам приложиться. Сама святость! А что внутри? Не те ли гробы окрашенные, а внутри полные мертвых костей и всяких нечистот, о чем говорит Господь? Не та ли «медь звенящая», с которой сравнивает Апостол Павел? Чуть против шерсти погладили, чуть не по-нашему — и побежали искать, где «оскорбленному есть чувству уголок», где приласкают, где весело, где ничто не напрягает. Теперь же таких «веселых» церквей хоть отбавляй: двери настежь, музыка, песни, чудеса.

— Кто ищет Бога, — продолжал отец Афанасий, — тому Он дает особый дар видеть, прежде всего, себя, свои немощи: смотреть на других не остается желания и времени. Изменяется угол этого зрения: не сверху вниз на других, а снизу вверх, когда ты видишь себя ниже остальных, хуже их. Так, постепенно входя в себя, приближаешься к Богу… Ведь Его блаженное Царство внутри нас.

Вика оставила собрание пастора Андрея, туда ходила, и с того дня стала прихожанкой отца

Афанасия — как и Ольга.

16

Ольга, Даша и ее четверо детей по-прежнему ютились в крохотной комнатушке. Соседи ругались, жаловались, выговаривали, грозились выселить: не было лишь тех, кто хотел пожалеть, помочь. На Дашу накатывалось отчаяние: не видя просвета, она все время ходила заплаканная, горевала. Она понимала, что сидит на шее у подруги, но Ольга старалась сделать все, чтобы та не чувствовала неловкости.

В тот вечер они засиделись дольше обычного: разговаривали, вспоминали детство, родную деревню, потом укладывали детей. Наконец, уложили, дождались, пока засопят носиками, потом включили маленькую лампочку — и давай снова вспоминать, как жили в детстве. Когда в дверь тихонько постучались, Ольга не сразу услышала. Но стук повторился, а за ним послышался голос коменданта общежития:

— Девчата-ребята, открывайте!

Каждый раз, когда она делала обход комнат, обращалась к своим постояльцам одинаково: «Девчата-ребята».

— Снова жаловаться пришли, — вздохнула Ольга и пошла открывать.

На этот раз радом с комендантом стояли не ворчливые соседи-кляузники, а незнакомый мужчина средних лет, в строгом темном костюме, сзади виднелась тоненькая спиралька провода оперативной мобильной связи, прикрепленная к такому же крохотному микрофону-наушнику на лацкане пиджака — как у сотрудников службы безопасности или личной охраны кого-то из очень больших чинов.

— Простите за столь позднее беспокойство, — учтиво извинился он и протянул свое служебное удостоверение в темно-красной корочке.

Что могло случиться? Комендант общежития смотрела на нее испуганными глазами. Ольга мельком глянула в раскрытую красную книжечку, но от охватившего волнения ничего не могла разобрать: буквы плясали и сливались.

— Входите, пожалуйста… — Ольга отошла в сторону, пропуская гостей. — У нас, правда, и сесть негде…

Незнакомец сделал шаг и остановился. Негде было не только сесть, но и ступить ногой: на полу лежали трое детей, еще один ребенок раскинулся на кровати, а где собирались спать Ольга и Даша — вообще было непонятно. Наверное, прямо у двери: тут еще оставалось немного свободного места.

— Я подожду вас внизу, — сказал незнакомец.

Ольга, наконец, пришла в себя.

— Кто вы вообще такой? — спросила она.

Из-за спины выглянула Даша:

— И какое имеете право врываться к нам в такое время? Дня, что ли, мало?

Незнакомец снова полез в карман, чтобы достать удостоверение, но комендант опередила его:

— А ну-ка тихо! К вам такой человек приехал, а вы, неблагодарные…

— Что за человек? Можете объяснить?

— Я помощник Андрея Григорьевича, — уточнил он.

— Кто это? — удивилась Ольга, оглянувшись на Дашу. — Пастор, что ли?

Гость сдержанно улыбнулся, а комендант в ужасе схватилась за голову, прижала указательный палец к губам: «Молчи, дурочка!», а потом многозначительно указала куда-то наверх. По-прежнему мало что понимая, Ольга пожала плечами:

— Хотя бы переодеться можно? Или сразу на выход, в чем есть?

— Я не из полиции. Подожду вас внизу возле машины, — гость вместе с комендантом пошел к выходу.

Даша быстро набросила куртку и вышла проводить Ольгу.

— Ты-то куда собралась? — Ольга остановила ее. — Детей на кого оставляешь? На «девчата-ребята»?

— Запишу номера машины. Ишь, какие культурные и вежливые! Вот так культурно посадят, культурно увезут за город, а потом подавай в розыск. Ты еще не знаешь, что случается… Я не сомкну глаз, пока не дождусь тебя. Ох, ой…

Они вместе вышли. Водитель открыл перед Ольгой заднюю дверцу черного джипа и пригласил сесть. Она с опаской заглянула вовнутрь: там никого не было, кроме человека, который представился помощником некоего Андрея Григорьевича.

— Вы не знаете, кто этот человек? — он протянул Ольге небольшой красочный буклет, какие раздавали по городу.

Ольга глянула — и испугалась еще больше, узнав на фотографии одного их первых руководителей города и области, депутата.

— Это и есть уважаемый Андрей Григорьевич Селиванов. Сейчас вы познакомитесь с ним лично, и он сам обо всем расскажет. Пусть ваша подруга не беспокоится: я отвечаю за безопасность всех, с кем мой шеф имеет дело.

Меньше чем за полчаса они были на месте. Ольгу удивило, что дом, где жил Селиванов, не был похож на «дворянское» поместье, какие себе позволяли люди его уровня: виднелись добротный кирпичный дом, изящная ограда, удобный подъезд и стоянка, декоративные деревца, много цветов, старая липа. Рядом — старый городской парк, тишина, чистый воздух, вокруг «пушкинские» фонари. Улица была пуста: позднее время загнало последних прохожих в свои дома. Лишь возле дома Селиванова прогуливался одинокий мужчина в спортивном костюме, а под ногами у него крутилась мохнатая собачка.

— Уже ждет, — сказал охранник, повернувшись к Ольге.

— Кто кого? — не поняла та.

— Андрей Григорьевич — вас, — пояснил он, кивнув на того человека, который гулял под дождем.

Ольга сидела в гостиной и, пока хозяева ненадолго вышли, робко осматривалась. Все вокруг, как и снаружи, тоже было добротным, красивым: старая мебель, мягкие кожаные кресла, камин, картины в рамах. Во всем чувствовались хороший вкус, достаток, комфорт. Хозяин — Андрей Григорьевич Селиванов — выглядел вовсе не таким суровым, каким смотрелся на буклетах. В своем спортивном костюме, в блейзере с эмблемой родного города, в очках он больше смахивал на вернувшегося с работы утомленного врача, учителя, инженера — на представителя любой интеллигентной профессии, но не на человека, о котором одни говорили с благоговением, другие — со страхом, третьи — с восторгом. Селиванов был яркой личностью, наделенной талантами лидера-руководителя, умелого организатора любого масштабного дела. За это его и ценили, и боялись, и продвигали на самые высокие и ответственные должности. Но сейчас он сидел перед Ольгой какой-то растерянный, беззащитный, даже немного жалкий.

Жена Селиванова — немногословная женщина с покрасневшими заплаканными глазами — подала чай и вышла, оставив Ольгу наедине с хозяином.

— Даже не знаю, с чего начать, — Андрей Григорьевич снял запотевшие очки и положил перед собой. — И стыдно, и неловко, и глупо… Не сомневайтесь, я щедро возмещу за все беспокойства, за свою дерзость, что отправил Колю прямо домой к вам, не предупредив, не позвонив, не спросив разрешения. С моей стороны это выглядит страшно бестактно, дико. Если бы не страдания нашей девочки, нашей Танечки… Если бы не слезы жены… Если бы не эта безысходность…

Он сам чуть не плакал, а Ольга до сих пор не понимала, зачем ее привезли сюда среди ночи? Смотреть на чьи-то слезы? Выслушивать чужие беды? И чьи? Самого Андрея Селиванова, который способен был решать любые проблемы одним телефонным звонком, одним своим грозным взглядом? Зачем ему понадобилась какая-то продавщица, кладовщица, проживающая в обшарпанной общаге?

— Я буду рассказывать, а потом ждать, что скажете вы. Посчитаете меня сумасшедшим — соглашусь и не обижусь. Мне самому кажется, что мой мозг вышел из-под контроля. Скажете отвезти назад — машина у ворот. Сможете помочь во всем разобраться, хотя бы что-то понять, — поклонюсь с благодарностью. Но сначала прошу выслушать меня.

И начал:

— В этом доме живет наша любимая дочь Таня. Танечка… Не живет, а доживает. Врачи дают ей еще неделю, максимум — дней десять. Они уже бессильны помочь, а я бессилен сделать больше того, что уже сделал: ее обследовали светила медицины, она лежала в лучших клиниках. Осталось ждать конца… Делать обезболивание, чтобы облегчить последние страдания, и ждать конца…

Селиванов грустно посмотрел на Ольгу: — У вас дети есть?

— Пока нет.

— Когда будут, вы поймете, что такое родная дочь… И сын — родная кровинка, но дочь… И когда она на твоих глазах умирает, а ты стоишь рядом в полном бессилии что-то изменить, спасти, это становится невыносимой пыткой… Танечка для нас больше, чем родная дочь. Когда ей пришло время появиться на свет, возникла угроза жизни для обеих: и будущего младенца, и жены. Врачи сказали: «Делайте выбор». Как тут выбирать? Но медицина лечит не эмоции, а

болезни.

Селиванов тяжело вздохнул.

— Кто-то из них был обречен. Но обе остались живы… Когда все прошло, врачи сказали, что их спасло чудо. Моя жена верующий человек. В то время она верила тайно, позже стала открыто ходить в храм, молиться дома. Я ей не запрещаю, хотя сам далек от всего этого. «Партия — наш рулевой!» — так воспитан. Та история заставила меня задуматься, но думать серьезно о духовных предметах времени не было. Я бывал в церкви, общался с духовенством, однако все это было либо по долгу службы, либо по просьбам жены: мы всегда жили с ней душа в душу. И вот теперь снова такое горе… Жена Люся не переживет, если Танечки не станет. И я без них не жилец… Сердце на волосинке болтается.

В это время в гостиную вошла сама Люся и тоже присела рядом.

— Уснула… — тихо сказала она мужу.

Теперь они оба посмотрели на Ольгу: в их взглядах светилась и надежда, и растерянность, и страх. Ольга сильно смутилась:

— Я не знаю, чем помочь вашему горю…

— И мы не знаем, — так же тихо сказал Селиванов. — Но хотим узнать. Для этого искали встречи с вами.

Он переглянулся с женой, кивнул ей, и та продолжила его рассказ…

— Я не знаю, что это было: сон, явь, самовнушение, чей-то гипноз… Хорошо помню, что вчера вечером я шла в церковь помолиться за нашу девочку: в это время людей там почти нет, тихо, ничто не отвлекает от молитвы. Хорошо помню человека, который сидел во дворе церкви на лавочке, прямо под деревом: кругом от дождя было мокро, а там сухо. Он сидел, низко наклонив голову: дремал ли, о чем-то думал, просто отдыхал — не знаю. Такие странные люди у нас частенько бывают. Другие их недолюбливают, сторонятся, бранят их, просят вывести за ворота: от них ведь и запах, и слова разные, и сами они, поди разбери, кто. И тот человек был странный: сидит и вокруг себя ничего не видит.

Жена Андрея Григорьевича потерла виски, вспоминая детали вчерашнего вечера:

— Я зашла в церковь, поставила свечи, подала записочку в алтарь. Сколько там провела времени — не помню. Позвонил Коля, охранник наш, и сказал, что подъезжает к воротам, чтобы меня забрать. Он так часто делает, когда на дворе непогода. А вчера обещали дождь, тучи целый день… Во дворе я снова увидела того человека на лавочке: он словно застыл, окаменел в той согнутой позе, как я увидела его, когда шла в церковь. Мне подумалось, что он, возможно, в чем-то нуждается. Люди ведь разные есть: одни ходят и попрошайничают, а другие стесняются попросить, хотя и нуждаются больше первых… Не знаю. Вижу: Коля еще не подъехал — я и решила подойти. И тут…

Она запнулась и снова потерла виски, словно отгоняя от себя какое-то наваждение.

— Что было дальше? Что? — заинтересовалась Ольга, смутно догадываясь, о ком идет речь.

Жена Селиванова растерянно посмотрела на Ольгу:

— Вы ведь Оля Рябцева?

— Нуда.

— А откуда я вас знаю? — прошептала Люся. — Мы ведь встретились только сейчас. Откуда я знаю, что вы живете в рабочем общежитии, знаю номер вашей комнаты, номер вашего мобильного телефона, телефон какого-то Макса? Можете объяснить?

Теперь растерялась Ольга, не зная, что говорить. Люся вдруг схватила Ольгу за руки, потом упала ей в ноги и зашлась в истерике:

— Откуда я знаю, что только ты можешь помочь нашей дочери? Я брошу к твоим ногам все, что ты пожелаешь: дом, шикарную машину, яхту, деньги — все! Ты будешь хозяйкой торгового центра, где сейчас работаешь за копейки, а твой нынешний хозяин будет у тебя на побегушках! Я сама буду твоей рабыней! Только спаси Танечку! Христом Богом прошу тебя: спаси ее!..

Испуганный Селиванов подбежал и поднял жену, стараясь успокоить. Ольга тем временем собралась с мыслями. Потом она подошла к Люсе и взяла ее за руку:

— Вы сказали, что хотели подойти к тому человеку.

— Да, — ответила та, понемногу успокаиваясь.

— И подошли?

— Нет.

— Почему? Кто-то помешал или он не захотел, испугался?

— Нет, испугалась я…

— Что вас испугало? Его внешний вид? Агрессия?

— Нет-нет… Он вдруг поднял голову и посмотрел на меня… Прямо мне в глаза…

Люся замолчала, в ужасе закрыв рот.

— Что произошло дальше? — Ольга потрясла ее за руку.

— Дальше?.. Сама не знаю. Я не верю в телепатию, в гипноз на расстоянии, экстрасенсам, в разную чепуху, но своим взглядом он передал мне все…

— Что именно?

— Что вы, Оля Рябцева, можете спасти нашу дочь…

Ольга обомлела:

— Как я могу ее спасти, если бессильны врачи?

— Не знаю, — прошептала Люся. — Ничего не знаю… Может, мне это вообще привиделось? Столько переживаний, мы живем на нервах, почти не спим, думаем только о том, как спасти нашу больную девочку. Простите нас…

Ольга продолжала лихорадочно думать.

— Как выглядел тот человек?

Люся пожала плечами:

— Как обычный бездомный или бродяга. Все на нем ветхое, и сам он какой-то…

Ольга продолжала спрашивать:

— Он был в плаще, так?

Люся кивнула.

— С надвинутым капюшоном?

Люся посмотрела на Ольгу:

— Вы тоже видели? Вы знакомы с ним?

— Не имеет значения. Он сидел на лавочке и что-то рисовал на песке, так?

— Нет, он просто сидел, согнувшись. Словно замер…

— И вы с ним так и не поговорили?

— Не знаю… Не помню… Он посмотрел на меня и…

Она хотела снова разрыдаться, но Ольга остановила:

— Где все это произошло? В какой церкви? Недалеко от остановки «Институтской»?

— Да, там, — прошептала изумленная Люся. — Крестовоздвиженская церковь, мы туда всегда ходим. Но как вы догадались?

Ольга не ответила. Потом повернулась к Селиванову:

— Вы от меня чего-то ждете, но, поверьте, не могу понять: чего? У меня нет никаких спасительных лекарств, и сама я не врач и не целительница. Произошло какое-то недоразумение. Мне очень хочется, чтобы ваша любимая дочь выздоровела, и будь это в моих силах, я помогла бы вам, ничего не требуя взамен. Простите…

Селиванов вздохнул:

— Я и сам понимаю, что мы выглядим глупо. Простите нас ради Бога. Коля отвезет вас домой.

Он обнял Ольгу:

— Еще раз простите…

Он взял ее под руку, чтобы проводить, но Ольга вдруг остановилась.

— Я тоже чувствую в этой истории некую тайну. Со мной не так давно случилось нечто похожее, и разобраться мне помог один здешний батюшка. Вы обращались со своей бедой к священникам?

— Куда мы только не обращались… — горестно махнула рукой Люся. — И к батюшкам, и в монастыри, и к старцам. К мужу многие обращаются за помощью, никому не отказываем. Все без толку. Бедная наша девочка…

Люся горько заплакала.

— Но для чего-то я здесь, — Ольга посмотрела на Селиванова беспомощным взглядом. — Разве что позвонить тому батюшке? Думаю, он простит, что беспокоим его так поздно.

Только сейчас Ольга обнаружила, что не взяла с собой телефон. Но Селиванов протянул ей свой. По памяти она набрала знакомый номер. Отец Афанасий ответил сразу же.

— Вы не поверите, но я только что подумал о вас, — сказал он. — Охватило какое-то странное беспокойство. Хотел позвонить, узнать, не случилось ли чего.

— Случилось, батюшка, — тихо сказала Ольга. — Но не со мной, а с другими людьми. Вернее, с их дочерью.

И вкратце рассказала то, что услышала от Селивановых.

— Не знаем, что делать, — тяжело вздохнула Ольга.

— Срочно искать машину и везти меня к больной, — без раздумий ответил отец Афанасий.

— Как? Прямо сейчас, ночью?

— Да, прямо сейчас. У болезни нет ни ночи, ни утра.

Через минуту помощник Селиванова Коля гнал машину по адресу к батюшке.

— Пойдемте к Танечке, — тяжело вздохнул Андрей Григорьевич.

— Она только заснула, — со слезами сказала Люся, поняв, куда он хотел идти. — От болей уже почти не спит, вообще ничего не ест…

— Сейчас приедет батюшка…

Оба родителя — Андрей Григорьевич и Люся — почему-то с надеждой посмотрели на Ольгу. Но та сама не знала, что будет дальше.

17

Единственным источником света в комнате, где лежала умирающая Таня, была лампада, мерцавшая в углу перед большими образами Спасителя, Божьей Матери и Николая Чудотворца. Все остальное погружено в глубокий мрак и тишину. Воздух в комнате был свежий, но в нем парили два запаха, которые, казалось, въелись в каждый сантиметр окружающего пространства: это запах лекарств и запах смерти.

Если врачи еще суетились, то смерть не спешила… Она никогда не спешила и никогда не опаздывала. Ни к кому. И сейчас ее душок был где-то рядом: еще не трупный, а именно смертный, когда для человека все должно стать в последний раз — последняя инъекция, последний прощальный взгляд, последний крик, последний вздох… В отличие от врачей смерть не давала никаких надежд, даже иллюзорных: она делала свое дело быстро, точно, освобождая

душу из оков измученного болезнью тела, и шла дальше, где ее уже ждали или вовсе не ждали. Смерть была неумолима к слезам, к страданиям и к мольбам смертных людей. Она была неподкупна. Она была бесстрастна. Она была неизбежна, когда догорала свеча чьей-то человеческой жизни. Ее конец всегда окутан величайшей тайной, как и начало: первый вздох, первый стук сердца, первая улыбка…

Таня лежала на кровати, накрытая легким одеялом, на высокой подушке, чтобы легче дышать. Рядом на столике стояли вода, коробочки с инъекциями, лекарства. Она лежала с закрытыми глазами, от всего отрешенная, тяжело дышала, но сном это нельзя было назвать: на ее изможденном девичьем лице уже появлялась маска смерти — очень близкой, неумолимой…

Ольге представилась горестная картина: девушка лежит уже не здесь, а в той просторной гостиной, и не в кровати, а уже в гробу. Все готово к отпеванию и прощанию. Много людей: большие начальники, друзья, коллеги отца, друзья самой Танечки… Море живых цветов, все плачут. Безутешно плачет и Люся, не переставая гладить и целовать родную кровинушку, умоляя ее встать из этого погребального ложа, ожить… Вот приехал батюшка, начал каждение, зазвучало умилительное пение заупокойной литии:

«Со духи праведных скончавшихся, душу рабы Твоея, Спасе, упокой, сохраняя ю во блаженной жизни, яже у Тебе, Человеколюбче…»

Где найти силу поверить, что эта девочка вовсе не умерла, что Господь забирает ее из жизни земной, суетной, исполненной болезней, всевозможных проблем, искушений, падений, слез? Забирает, чтобы сохранить ее чистоту, невинность, и упокоить «во блаженной жизни» — вечной, прекрасной, рядом с Богом, в Его любви?

«В покоищи Твоем, Господи, идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и душу рабы Твоея, яко един еси Человеколюбец», — хор певчих смешивается с горькими и безутешными рыданиями вокруг гроба.

А вот слышится скорбный голос священника:

«Боже духов и всякия плоти, смерть поправый и диавола упразднивый, и живот Міру Твоему даровавый: Сам, Господи, упокой душу усопшия рабы Твоея Татьяны, в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание. Всякое согрешение, содеянное ею словом, или делом, или помышлением, яко благий человеколюбец Бог, прости, яко несть человек, иже жив будет и не согрешит…»

Сколько людей, собравшихся вокруг юной покойницы, при этих словах молитвы взрываются внутренним протестом! Сколько людей, в том числе и сама Люся, готовы закричать: «В чем согрешила эта юная невинная душа? В чем?! Она только вступила в жизнь, только распустилась, как бутон молодой розы, ее никто не срывал, никто не вдыхал аромат ее свежести, не наслаждался им. Почему она, а не те прожженные девицы, на теле и душах которых не осталось чистого места? Почему она, студентка мединститута, будущий врач, а не те пьяницы, которые валяются под стенами домов, в подъездах, в парках; не попрошайки, что пристают к прохожим и клянчат на похмелье? Почему она, а не воры, не убийцы, не насильники, которые сидят в тюрьмах или вообще разгуливают на свободе? Почему в гробу лежит не дряхлая старость в морщинах и сединах прожитых лет, а цветущая краса и юность? Где Ты, Господи? Если смерть слепа, то Бог — глух? Почему не слышишь наши молитвы и вопли? Почему допускаешь такую несправедливость?..»

А тем временем над холодным телом девушки звучит уже голос Апостола:

«Братие, не хощу вас неведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочий неимущим упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним…»[15]

Как поверить? Как согласиться с этими словами, когда видишь перед собой мертвое бездыханное тело любимой дочери?

Смерть безжалостна к богатым, к бедным, к властелинам, к рабам. У нее своя жатва, своя мера справедливости… Она — Божья воля, удел всего земного, тленного…

Отец Афанасий облачился, дал всем в руки по зажженной свече и начал совершать над больной Таинство соборования. В полной тишине его голос звучал особенно молитвенно и строго. Он не просто молился, читая по требнику много раз прочитанные слова, а вымаливал у Бога жизнь для этой юной умирающей девушки. Та же лишь изредка открывала глаза, смотрела на всех потухшим взглядом и тихо стонала.

Закончив молиться, батюшка не спешил уйти. Он по-отечески тепло и с состраданием обнял Селивановых:

— Возложим печаль на Господа. В Его руках все: и жизнь, и смерть… Нам дано одно право: смиренно молиться, смиренно просить и так же смиренно принимать все, что посылает Господь. «Да не смущается сердце ваше…»

Люся горько заплакала:

— Как же ему не смущаться? Мы потеряли всякую надежду… И сами молились, и других просили, и к старцам ездили, на Афон звонили: там за нас тоже молятся. Но все убеждены, что Танюша не жилец. Один известный монах сразу сказал: «Готовьтесь, скоро за Татьяной ангелы придут, ее свеча почти догорела». Говорят, он человеческие души насквозь видит, к нему люди отовсюду идут со своими бедами, совета просят, молитв. Мы даже имени нашей дочери не успели сказать, а ему все открылось.

Отец Афанасий опустил голову:

— Да, старцам, да еще прозорливым, трудно не поверить… У меня есть одна прихожанка, которая любит говорить: «Против старцев не попрешь». Очень доверяет их мнению: все время ездит к ним, много советуется. Только услышит, что где-то появился новый старец — и сразу туда за наставлениями. А уж если он еще и прозорливый, то все сомнения прочь: что открыл, что сказал — значит, так тому и быть. Но у нас, убогих и окаянных, остается еще одна, самая последняя надежда: верить Христу, в Его Правду, в Его Евангелие. Если потеряем еще эту веру — тогда дела наши действительно плохи.

Селивановы недоуменно посмотрели на батюшку, а тот испытующе посмотрел на них.

— Представьте себе, что вам встречается не прозорливый старец, которому все открыто, но Сам Господь наш Иисус Христос, и говорит: «Нет, ваша дочь не умрет. Только веруйте — и она будет жить». Кому бы вы поверили больше: старцу или Христу?

На лице Люси появилось изумление:

— Как же не верить Христу, батюшка?.. Он ведь Христос! Как же?

— Атак же, — невозмутимо ответил тот. — Точно так же, как Ему не верили другие, да еще

посмеивались, злословили, поносили последними словами. Кто ему верил, как Богу, у Которого каждое слово — истина? Вспомните историю с воскрешением дочери Иаира[16]. Единственная дочь, любимица всей семьи, двенадцать лет, только-только вступает в жизнь — и вдруг умирает. И сам-то Иаир не последний человек, а начальник синагоги — тоже, можно сказать, авторитетный старец. Почти как у вас. Что ответил Иисус на мольбу Иаира, когда тот просил Его прийти в дом и возложить руки на умирающую дочь? «Не бойся, только веруй, и будет спасена». А когда пришли к нему в дом, видят, что все горько рыдают: девушка уже умерла. Понимаете разницу? Не умирает, а уже умерла. Вот ее бездыханное тело, вокруг слезы, горе, стенания. А Иисус снова говорит: «Нет, она не умерла, а спит».

Батюшка тронул жену Селиванова:

— Кому бы вы поверили, случись такое в вашем доме: Христу или старцам? Христу или собственным глазам?

Люся не могла проронить ни слова, а отец Афанасий продолжал:

— Господь говорит плачущему Иаиру: «Не умерла твоя дочь: она спит». Что там стало твориться! Те, кто только что плакали, стенали, притворно выли, стали смеяться, кто-то, наверное, покрутил пальцем у виска, показывая на Иисуса, кто-то от злости плюнул на пол. А Господь взял трех Своих учеников, вошел в комнату, где лежало тело девочки, и говорит ей: «Девица, встань!» И она тут же встала. И чтобы никто не сомневался в том, что это не был призрак или обман, что она действительно жива, Иисус велел дать ей поесть.

— Вы хотите сказать, что… — прошептала потрясенная Люся.

— Я хочу сказать, что мы должны верить, прежде всего, нашему Спасителю Христу: каждому Его слову, без малейшего сомнения. Наша надежда — только Христос. Все остальное в руках всемогущества, милосердия Божьего и Его промысла. «Да не смущается сердце ваше». Верьте Христу!

Ольге было невыразимо больно видеть страдания девушки и ее родителей. Она тихо подошла к кровати, где все также постанывала Танечка, и присела рядом. Левая рука девушки — худая, словно плеть, — лежала поверх одеяла. Ольга осторожно взяла ее ладонь в свою руту. Та никак не отреагировала: продолжала тяжело и прерывисто дышать. Ее пальчики были холодными, бледными, почти обескровленными. Жизнь готовилась покинуть это тело…

Слезы сострадания навернулись на глазах Ольги.

«Ты такая юная, невинная, еще не коснулась грязи, а я в ней успела вываляться, да еще скольких замазать. Мне стыдно даже прикасаться к тебе, быть рядом… Чем тебе помочь? Чем утешить родителей? Они у тебя очень хорошие. Без тебя им тоже не будет жизни…»

«Господи, — мысленно взмолилась Ольга, — Ты сжалился над слезами Иаира, воскресил его дочь и посрамил тех, кто смеялся над Тобой, считал Тебя обманщиком, когда говорил, что девица не умерла, но спит. И сейчас покажи Свою силу, Свою милость: пусть ее увидят все, кто в Тебе сомневается, кто Тебе не верит, но надеется на свою власть, на свои деньги, на свои связи, на свои возможности. Дай им понять, что не они боги, но Ты — Истинный Бог, что Ты выше всех земных, умнее всех умных, милосерднее всех милостивых».

Было ли это молитвой, разговором с Богом, ее личной скорбью у одра умирающей девушки?..

Вдруг она почувствовала, как холодные пальчики в ее ладонях шевельнулись и наполнились

теплом. Девушка приоткрыла глаза, слабо улыбнулась и чуть слышно прошептала:

— Я бы поела…

Селивановы продолжали еще негромко разговаривать с батюшкой, когда услышали этот слабый голос.

— Что? — бросилась к дочери Люся.

— Я бы поела… — повторила она.

Танечка слабо улыбнулась, ее личико озарилось радостью! Селивановы не верили своим глазам.

— Что происходит? Объясни, — в полном недоумении спросил жену Селиванов.

— Тихо! — прошептала она. — Господи, да будет воля Твоя святая… Господи…

Она повернулась к святым образам, опустилась на колени и взмолилась всем материнским сердцем. Отец Афанасий снова начал горячо молиться вместе с родителями больной девушки. Ольга же оставалась возле нее, держа за руку.

— Что тебе хочется? Я куплю, принесу, сама приготовлю. Только скажи.

— Я бы поела блинов…

— Блинов?

— Да, блинов… Тех, деревенских, которыми нас бабушка угощала… Кислые, кажется. Толстые, вкусные, печкой пахнут, дымком…

Ольга затаила дыхание, боясь перебить вертевшимися в голове вопросами. Бабушка, ее кислые блины, родная деревня, печка… Танечка же продолжала:

— У бабушки для этих блинов была любимая сковородка: чугунная, черная вся, тяжелая… Таких сейчас нет. У нее всегда ловко получалось: блинчик за блинчиком, блинчик за блинчиком — и уже их на столе целая горка. Потом поставит миску с домашней сметаной — и мы только успевай уплетать за обе щеки! Однажды мы наперегонки макали туда и опрокинули миску. Сметана разлилась по всему столу, накапала на пол, а мы давай все вытирать теми же блинами — и быстрей в рот, чтобы бабушка не увидела.

Танечка тихо засмеялась, и в этой радости уже билась жизнь.

— Как бы я хотела сейчас таких блинов… С такой же домашней сметаной, — мечтательно вздохнула она.

— Я напеку, — Ольга радостно обняла Танечку. — Как раз таких кислых блинов, как ты хочешь. Бабушка меня научила. У меня и сковородка есть, точь-в-точь такая. Я забрала, когда бабули не стало. Хотели из ее старой избы все выбросить, а я забрала, хоть она и тяжелая, закопченная.

— Правда? — восторженно прошептала девушка. — И на ней напечешь моих любимых блинов?

— Конечно! Только…

Ольга повернулась к родителям.

— Что нужно? — взволнованно спросил Андрей Григорьевич.

— Нужно домашней белой муки, домашнего молока и такой же домашней сметаны. Танечка просит, чтобы я напекла ей блинов.

— Чего напекла? Блинов?! — опешил Селиванов.

— Да, — спокойно ответила Ольга. — И хорошо бы привезти мою деревенскую сковородку — черную такую, чугунную: такая там есть только у меня.

Селиванов был уверен, что все, о чем просит Ольга, ему мерещится. Какая еще черная сковородка, какое молоко со сметаной, какие блины, когда дочь лежит при смерти? Но Ольга повторила просьбу.

— Да-да, — механически ответил Селиванов, доставая из кармана телефонную трубку:

— Коля, бегом сюда!

Через минуту Коля мчался с включенными мигалками по ночному городу, от имени и по поручению своего грозного шефа поднимая на ноги всех, кто мог дать ему домашнего молока, сметаны и муки: все самое натуральное, самое свежее, и немедленно. Потом по его звонку опять начался переполох в общежитии, где жила Ольга: все, включая коменданта и Дашу, искали ту самую деревенскую сковородку — память о детстве и о кислых блинах покойной бабушки.

Селивановы не могли сдержать слез радости, видя, как на их глазах свершалось настоящее чудо. Танечка поела домашних блинов, которые напекла Ольга, и отказалась от инъекций, снимавших невыносимые боли. Потом она снова захотела поспать — и быстро погрузилась в сон: на этот раз спокойный, без метаний и стонов.

— Я ничего не моту понять… — прошептал Селиванов, выйдя вместе с батюшкой из спальни дочери. — Ей помогли блины?

— Нет, ей помогает Бог, — ответил отец Афанасий.

— А зачем блины? Причем они?

— Наверное, для того, чтобы вы тоже поверили, что Танечка возвращается к жизни. Как и дочь Иаира…

За окном забрезжил рассвет. Отца Афанасия, утомленного ночной службой и переживаниями, отправили домой. Ольга тоже чувствовала страшную усталость, ей сильно хотелось спать. Андрей Григорьевич подошел, взял Ольгины руки и, поклонившись, поцеловал их:

— Я не знаю, чем благодарить вас.

— Ничем, — смутилась Ольга. — Будем за все благодарить Бога.

— Обязательно будем, — улыбнулся Селиванов. — Но вас-то, Оля, чем отблагодарить за беспокойства, за то, что всю ночь провели с нами?

Селиванов протянул Ольге маленькую визитную карточку:

— Ее я даю только самым близким людям. Отныне отец Афанасий и вы в их числе. Любой вопрос, любая ваша просьба — и я рядом.

Ольга быстро глянула на нее и на мгновение задумалась.

— А если я обращусь с такой просьбой прямо сейчас?

Андрей Григорьевич всплеснул руками:

— Конечно!

— У меня просьба не за себя, а за другого человека. Мне, слава Богу, ничего не нужно.

Ольга не знала, поймут ли ее, но Селиванов внимательно слушал.

— Со мной в комнатке живет подруга детства. Она очень хороший человек, прекрасная мать четырех детей. Но с ней случилась большая беда: дом сгорел, она осталась вдовой, а детишки сиротами. Она в отчаянии, не знает, кто сможет им помочь. Придут холода, а им жить негде. Комендант ругается, соседи тоже…

— Я решу этот вопрос, — сразу откликнулся Селиванов. — Если бы я узнал об этой беде не от вас, а от кого-то другого, тоже помог бы. У нас есть специальная программа помощи людям, оказавшимся в таком положении. Пусть ваша подруга детства начинает готовиться к новоселью.

— Но Дашка, подруга моя, не должна знать о нашем разговоре. Пусть это станет для нее сюрпризом.

— И об этом договорились.

От радости Ольга кинулась на шею Селиванову и расцеловала его.

Даша встретила Ольгу возле общежития с мрачным видом.

— Ты можешь объяснить, что произошло? Я снова глаз не могла сомкнуть, не знала, кому звонить и где тебя искать. Хоть бы телефон с собой взяла, а то выпорхнула, как…

Ольга лишь устало махнула рукой.

— Ты не маши! Среди ночи приезжают чужие люди, представляются крутыми-деловыми, сажают тебя в машину, куда-то увозят. Потом те же люди возвращаются, переворачивают все вверх дном, общага на ушах, ищут старую чугунную сковородку. Тебя что, поджаривали на ней?

— Нет, я на ней делала блины.

— Блины?! Какие блины?

— Кислые. Помнишь, моя бабушка нас угощала?

— Ну и?

— А теперь я ими других угощала.

— Среди ночи?!

— Ну, так им захотелось…

— Кому это «им»?

— Тем, кто приезжал за сковородкой.

Даша остановила Ольгу:

— Кажется, кто-то из нас сошел с ума. Или мне все приснилось?

Ольга обняла подругу:

— Да, скорее всего, приснилось. Говорят, на солнце какие-то вспышки, от них сильные магнитные бури, поэтому многим людям мозги «клинит», не только тебе. Мне тоже намедни такое плелось, что обхохочешься. Представляешь, снится, будто тебя вызывают к каким-то важным городским начальникам и торжественно вручают ключи от новенького жилья. Цветы, шампанское, поздравляют, фотографируют, детишки радостные…

Даша испуганно посмотрела:

— Ты не заболела? Белены объелась или своих кислых блинов? Что за бред несешь? Какие ключи? Кому мы нужны?

— Говорю же, приснилось. Тебе бабушкина сковородка, а мне — сладкое шампанское и шоколад с орехами. Дашка, пошли кофе выпьем? Чувствую, что после такой веселой ночки с кислыми блинами нужно хорошенько взбодриться…

18

Радость переполняла сердца родителей Танечки: та медленно возвращалась к жизни, неизлечимая болезнь, несмотря на мрачные прогнозы опытных врачей и прозорливых старцев, оставляла ее. Андрей Григорьевич немедленно распорядился заняться просьбой Ольги и позаботиться о Даше, о ее детях-сиротах, выделить им жилье из резерва, которым ведал благотворительный фонд самого Селиванова. Потом решили заказать благодарственный молебен за выздоровление Танечки: сначала в Крестовоздвиженской церкви, где были постоянными прихожанами, а потом у отца Афанасия. Ольга с радостью согласилась. Она даже не вспомнила о неприятностях, которые случились в той белокаменной городской церквушке, считая их досадным недоразумением, искушением. С этой церковью у нее было много теплых воспоминаний: о ней рассказывал покойный друг Арсений Ильич, здесь она встретилась с незнакомцем, который открыл ей тайну души раскаявшейся блудницы. Наконец, она сама впервые пришла именно сюда.

Водитель Селиванова Коля привез ее раньше, пока шеф был занят неотложными делами. Когда Ольга снова зашла в храм, вряд ли кто узнал бы в ней ту девицу из ночного клуба: в потертых джинсах, накрашенную, пропитанную запахом алкоголя, табака, разгульного веселья, с пачкой сигарет, выпавших из сумочки… Теперь сюда зашла стройная девушка в длинном платье строгого фасона, с покрытой головой, с сумочкой через плечо. В ее внешнем виде чувствовался хороший вкус, все на ней смотрелось аккуратно, красиво, модно, и в то же время благочестиво, сдержанно. Она взяла несколько свечей, чтобы поставить у святых образов Спасителя, Божьей Матери, Николая Чудотворца, Марии Египетской…

В церкви не было ни души, лишь за церковной лавкой, как и прошлый раз, негромко переговаривались две работницы, да из алтаря доносился голос настоятеля, отдававший какие-то распоряжения. Готовились к встрече важного гостя: на столике у входа лежал красивый букет цветов, церковные работницы были нарядно одеты и в радостном возбуждении. Там же, у входа, была постелена ковровая дорожка, устланная живыми цветами. Эти почести предназначались для Селиванова — человека, который не скупился на нужды церкви, давал сюда щедрые пожертвования, не отказывал священникам в их просьбах. А кем он был для Ольги? Вовсе не меценатом, не начальником, перед чьим именем благоговели другие, а добрым другом, почти отцом, весельчаком, балагуром.

Ольга подошла к образу Божьей Матери. Сколько перед ним уже молилось людей, сколько из них открывали свои души, сокровенные мысли, о чем-то просили? Это было тайной, сокрытой от посторонних глаз. И ни от кого Божья Матерь не отворачивалась, всех выслушивала, всем внимала, а потом… Это тоже оставалось тайной — даже для того, кто молился. Не перечесть, скольким Она поспешила на помощь, скольких утешила, скольких отвела от беды, скольких вразумила, за скольких заступилась перед Своим Возлюбленным Сыном… Не зря наиболее чтимые иконы Богородицы своими названиями вобрали самые сокровенные чувства и чаяния грешных людей: «Взыскание погибших», «Нечаянная радость», «Умиление», «Всех скорбящих радосте», «Достойно есть», «Неувядаемый Цвет», «Скоропослушница»…

К заступничеству Божьей Матери, как к своей последней надежде, прибегали самые закоренелые грешники, которым уже не было на кого надеяться и ждать прощения: их грехи, казалось, превзошли всякую меру милосердия Господнего, Его долготерпения. Богоматерь не отвращала Своего взора и от этих падших людей. Они падали перед святым ликом и умоляли Матерь Света помиловать их, заступиться, дать последний шанс исправить свою жизнь. Так молилась, так просила заступничества Небесной Царицы Мария Египетская…

Вот она в Иерусалиме. Перед ней святой храм, куда съехались тысячи людей, чтобы поклониться Честному и Животворящему Кресту. Мария пересекла на корабле Средиземное море. Для нее это путешествие ничуть не было утомительным. И плыла она сюда вовсе не для того, чтобы поклониться величайшей святыне, а для того, чтобы всласть поразвлечься: даже среди паломников хватало людей, готовых насладиться ее красотой и «услугами». Теперь она вместе с ними хочет протиснуться в храм, где находится Святой Крест. Но странное дело: все проходят туда свободно, и лишь когда она ступает на порог храма, неведомая сила отторгает, отбрасывает ее назад.

«Что случилось?» — думает Мария и снова пытается войти вовнутрь вместе с остальными, в том числе теми, с кем еще вчера развлекалась на борту парусника. И снова тщетно… Мария еще не задумывается о своей порочной жизни, ее еще не удивляет, почему, когда она плыла на корабле, не разверзлось море и ее живьем не поглотил ад? Почему не разразилась гроза и ее не убило молнией за необузданный разврат, который она сеяла вокруг себя? Обо всем этом Мария задумается позже, а пока в полном недоумении она присела на край паперти, глядя, как остальные по-прежнему свободно входят в храм. Все, кроме нее. И тут она увидела себя как бы со стороны: не молодой обольстительной красавицей, не опытной блудницей, а какой была на самом деле, со всеми внутренними пороками и грязью. От этой картины она пришла в ужас, от которого сердце готово было разорваться, а сама она провалиться сквозь землю. И тут она встретилась взглядом с ликом Божьей Матери, изображенном на стене храма.

«Царица Небесная! — взмолилась к ней Мария. — Я недостойна даже смотреть на Твой святой образ. Поделом мне быть отвергнутой от Твоей чистоты и быть для Тебя мерзостью. Но я знаю, что Твой Сын пришел призвать к покаянию грешников и грешниц, подобных мне. Не возбрани же мне увидеть и припасть ко Древу, на котором Он был распят и на котором пролил Свою

неповинную Кровь за меня, грешную. Допусти войти в храм и поклониться Его Кресту. Обещаю Тебе с этого времени уже не осквернять себя никакой плотскою скверной, но отрекусь от Міра и тотчас уйду туда, куда Ты Сама наставишь меня».

И, едва Мария помолилась, как почувствовала себя свободной беспрепятственно войти в храм и со слезами покаяния припасть к святыне. Выйдя же из храма, она вновь воззвала к Царице Небесной перед ее иконой:

«Матерь Божия, Ты не возгнушалась моей недостойной молитвы. Помоги теперь исполнить мне свое обещание, в котором Ты была моей Поручительницей. Сама направь меня, Владычице, на путь покаяния».

Еще не окончив молитвы, Мария слышит голос: «Иди за Иордан — и там обретешь блаженный покой».

А там — пустыня: безлюдная, безводная, страшная… Но именно там начинается воскресение Марии, ее восхождение от великой грешницы к великой святости.

…В этих мыслях перед иконой Божьей Матери Ольга сама начала взывать к Царице Небесной:

«Помоги и мне, грешной, устоять в борьбе с грехом, в котором я жила. Дай силы все выдержать и принять все для своего спасения. Будь и моей Небесной Поручительницей, как Ты поручилась за Марию Египетскую, как поручаешься за всех грешников, решивших порвать с прежней жизнью…»

Ольга молилась не по молитвослову, не заученными книжными словами, а по-человечески просто, из глубины сердца, веря, что Матерь Божия внимает ей и готова прийти на помощь, стать для нее и Споручницей грешных, и Нечаянной Радостью, и Взысканием погибших… Ольга просила милости не только за себя, но и за всех, с кем по жизни ее свел Господь. Она молилась за покойного Арсения Ильича Балашова, который, умирая, просил теплых молитв. Она молилась и за подругу Дашу, за всех, кто заблудился впотьмах пустых духовных исканий, оттолкнул от себя заступничество Божьей Матери, святых угодников, доказавших верность Христу не буйным весельем, а великим смирением, великими подвигами и великими страданиями — аж до мученической смерти.

Ольга стояла перед святым образом Богоматери на коленях, растворившись в молитве. Она не слышала, как, глядя на нее, шептались женщины, стоявшие за церковным прилавком:

— Глянь-ка, это, случаем, не девица, которую отсюда с папиросами вывели? Помнишь ее?

— Вроде, другая… Та вульгарная была, а эта прям настоящая фифочка. Фря! Ишь ты, на коленки упала, не побоялась своего платьица замарать. Натворила, небось, с целый короб, а теперь опомнилась, решила замолить грехи. Ох, и молодежь нынче пошла… Господи, прости, что осуждаю.

Женщина притворно-набожно вздохнула и перекрестилась.

Не сразу Ольга услышала и того, как у нее в сумочке раздалась мелодия звонка мобильного телефона.

«Наверное, Андрей Григорьевич», — подумала она, еще оставаясь в покаянном молитвенном состоянии.

Еще не успела достать и глянуть на номер, как донесся недовольный голос одной из работниц:

— Ай-яй-яй! Девушка, вы что, слепая или неграмотная? Или вообще страх Божий потеряли?

Ольга растерянно обернулась и посмотрела на них.

— Вам говорим, вам! Зачем с телефоном в храм Божий вошли? Объявление на дверях читали?

— Простите, пожалуйста… — растерянно прошептала Ольга.

Но в это время телефон настойчиво зазвонил снова. Ольга встала и пошла к выходу, и тут произошло новое искушение: она нечаянно задела вазу с букетом цветов. Раздался треск стекла, ваза разбилась, цветы рассыпались, а вода вылилась прямо на ковровую дорожку.

Обе женщины схватились за голову и с криком выбежали из-залавки к опешившей Ольге. Откуда-то появилась еще одна — со шваброй. Все трое яростно набросились на девушку:

— Растяпа! Ты что натворила? Куда смотрели твои глаза? Ничего не видишь, кроме своей «погремушки»!

Ольга присела на корточки, собирая в ладони пролившуюся воду. Но вода капала, оставляя на дорожке еще больше мокрых следов. Та, что была со шваброй, помчалась за тряпкой, а двое продолжали причитать и браниться. На шум из алтаря вышел священник: с ним Ольга тоже имела неприятности. Увидев разбросанные цветы, разбитую вазу и разлитую воду, он ужаснулся:

— Кто это напакостил?

— Я, батюшка, — тихо сказала Ольга, густо покраснев от стыда. — Простите меня…

Священник подошел ближе, пристально посмотрел на Ольгу и с ехидцей усмехнулся:

— Старая знакомая пожаловала…

Потом повернулся к своим работницам:

— Вы что, не узнали эту проходимку? Почему не выперли ее за порог? Мы гостя ждем, а эта…

Он побагровел от злости и, схватив Ольгу за руку, прошипел:

— Вон из храма, мерзавка!

И с силой толкнул в раскрытые двери.

— Отец Дмитрий, батюшечка, — закудахтали женщины, — простите Христа ради!

Да разве за всеми усмотришь, разве всех узнаешь? Зашла такая тихоня, вся из себя… Кто бы мог подумать, что это та самая девица? Ох, искушение…

И давай быстро за ней убирать.

— Мерзавка… — процедил батюшка.

Ольга вышла из храма, чуть не падая в обморок. Ей было и стыдно, и горько, и обидно, и

больно: все сразу. Умом она понимала, что получила поделом, что заслуживает большего. Но это слово — грязное, очень пошлое, унизительное — так больно резануло по сердцу, так вонзилось в него своим острием, что терпеть не было сил. Слезы душили ее, как ни старалась сдержать себя, чтобы не разрыдаться и не убежать: все-таки не хотелось подвести Андрея Григорьевича, с которым договорилась встретиться возле церкви.

Она села на лавочку под деревом, где еще недавно встретилась с загадочным незнакомцем, и там не удержалась, заплакала… Достав платочек, она начала вытирать катившиеся слезы, чтобы Селиванов ничего не заметил. К воротам в эту минуту подъехала его машина. Он вышел вместе с женой Люсей и Танечкой: после болезни девушка была еще очень слабая, держалась за маму, но счастливая и радостная. Не спеша они пошли в храм. Ольга же оставалась сидеть на лавочке: ей было страшно снова попасться на глаза разгневанному настоятелю. Первой ее увидела Таня и остановилась.

— Что с тобой? — слабым голосом спросила она.

Ольга лишь махнула рукой:

— Да так… Идите, я потом…

Но Андрей Григорьевич с Люсей подошли и начали выяснять причину слез. Что-то подсказало Селиванову: она — причина эта — в церкви. Он не успел обо всем расспросить, как услышал радостный голос батюшки:

— Андрей Григорьевич, душечка, милости просим к нам! Давно вас ждем!

Он шел навстречу с букетом цветов и раскрытыми объятиями. Но, увидев, что тот остановился возле Ольги, шикнул на нее:

— Ты еще здесь? Я же велел тебе убираться отсюда подобру-поздорову. Пошла на свою помойку!

Услышав эти слова, Селиванов остолбенел. Даже если бы их сказал не священник, а любой другой, его реакция была бы одинаковой. В Селиванове проснулся мужик, готовый постоять за поруганную честь своей жены, дочери, любой женщины, девушки, которую публично облили грязью. Улыбка сошла с лица батюшки: он увидел, как долгожданный гость повернулся к нему, лицо его стало суровым, он побледнел.

— Что ты сказал? Ну-ка, повтори…

— Андрей Григорьевич, душечка, — растерялся отец Дмитрий, — да такие, как она, сюда каждый день заходят, не успеваем выпроваживать. От них сплошное искушение. Пойдемте…

Он услужливо взял Селиванова под руку, но тот резко одернул:

— Ну-ка, повтори, что ты сказал этой девушке, куда ее послал. Потом я скажу, куда пойдешь ты сам.

— Андрей Григорьевич, вы еще не знаете, что это за девица. Она…

— А ты знаешь? — Селиванов не дал договорить. — В праведники записался? В святоши, да? В раю теплое местечко себе забил, как в Сингапуре?

Селиванов рассмеялся в лицо обидчику:

— «Мотя сингапурский»: кажется, так тебя зовут дружки и подружки, с которыми ты мотаешься по разным курортам? Где больше всего любишь «оттягиваться» на церковные деньги своих благодетелей? Кажется, в Сингапуре? Где пожарче да повеселее? Там ты кто: отец Дмитрий или «Мотя»? Священник с крестом или ходячий тугой кошелек?

Жена в ужасе бросилась успокаивать Селиванова, но тот продолжал наступать:

— Значит, эту девушку ты знаешь. А себя-то самого знаешь? О себе нам рассказать не хочешь? О своих походах в бильярдные, в разные злачные места, о других делишках, о которых по городу легенды ходят: об этом рассказать не хочешь? Других учишь жить честно и праведно. А сам?

Рядом стояли церковные женщины и неистово крестились:

— Господи, помилуй! Ах, ведьма проклятая… Вот искушение батюшке… Господи, спаси его и помилуй!

— Андрей Григорьевич, зачем вы меня так позорите при людях?

— Привык, чтобы тебе ручки целовали, награды вручали да в рот смотрели? Или только тебе позволено других срамить? Жаль, что не встретился ты мне в Афгане, я бы с тобой еще не так поговорил.

— Вы можете объяснить, почему заступаетесь за эту… — батюшка уже не посмел повторить того унизительного слова. — Кто она вам?

Уже немного успокоившись, Селиванов снова налился гневом:

— Почему заступаюсь? Потому что так воспитан! И дедом, и отцом, и матерью, и старшим братом, и пацанами, с которыми в детстве рос, потом армией, войной и всей жизнью! Жизнь научила меня не обижать женщину, даже если она трижды передо мной неправа. Жизнь научила не обижать слабого, подавать руку помощи тому, кто в беде. Жаль, что этим простым человеческим понятиям тебя не научили ни дома, ни в семинарии. А в Сингапуре подавно не научат. Там другая «наука». Подумай и реши раз и навсегда, кто ты перед Богом, перед людьми и перед собственной совестью: отец Дмитрий или «Мотя сингапурский».

Он с сокрушением посмотрел на обескураженного батюшку, и, обняв Ольгу, пошел назад к церковным воротам. Но снова повернулся:

— Да, забыл ответить еще на один вопрос: кто нам эта девушка?

И, обняв Ольгу еще крепче, сказал:

— Она для нас дочь. Как и Танечка.

Отец Дмитрий и все, кто стоял рядом с ним, от изумления раскрыли рты. Селивановы и Ольга этого не видели: они шли к машине.

Но благодарственный молебен, заказанный Селивановыми, в тот день был отслужен отцом Афанасием в его маленькой церквушке на «Разъезде». Приезд семейства Селивановых вместе с Ольгой стал для одинокого батюшки приятным и радостным событием. Узнав о начавшемся

выздоровлении их дочери, он вознес горячие молитвы к Богу, к Его Пречистой Матери за такую милость. Не было ни букетов цветов, ни ковровой дорожки, ни хора, ни заискивающих улыбочек — ничего, что заготовили к приезду состоятельного мецената у отца Дмитрия. Гостей встретили скромно, но с искренним радушием, а оно сразу расположило их сердца.

За чаем долго беседовали: не о житейской суете, а о предметах духовных. Не было назиданий, строгих наставлений: гостям казалось, что они попали к наставнику, умудренному и знаниями, и опытом, который раскрывал перед ними красоту православной веры, духовной жизни, где все должно быть не по окрику, не по приказу, не по расчету, а по согласию, по совету, по любви.

— Хорошо туту вас, — сказал Селиванов, оглядывая маленький церковный дворик и саму церквушку, — но тесновато. Может, расширим? Построим что-нибудь эдакое?..

Он изобразил руками нечто большое, масштабное.

— Нужно ли? — грустно улыбнулся отец Афанасий. — Людей ходит немного, им и этого и хватит. Хотели мы пристроить небольшую колокольню, да кроме неприятностей ничего не получили. Некоторых раздражает даже тот звон колокольчиков, который у нас уже есть. Прибежал сюда чиновник, что живет по соседству, кричал, грозился вышвырнуть нас отсюда: оказывается, мы лишаем его покоя, мешаем спать. Вид у него важный…

— Действительно, непорядок, — покачал головой Андрей Григорьевич. — Говорите, начальничек? К тому же, не сошка, а шишка? Фамилию, случаем, не помните?

— Она очень запоминающаяся: Островский — как у любимого писателя советских большевиков.

Селиванов подумал, потом спросил отца Афанасия, многозначительно улыбнувшись:

— Найдется у вас еще одна чашка чая для гостя?

Тот удивленно посмотрел на Селиванова.

— Вот и замечательно. Мы сейчас пригласим сюда этого Островского и обо всем потолкуем..

И кивнул своему помощнику Коле:

— Найди-ка мне его и пригласи, если никуда не уехал. Сегодня ведь выходной? Думаю, не откажет составить нам компанию и почаевничать.

Не прошло и получаса, как тот стоял навытяжку перед Селивановым, трясясь от страха: еще совсем молодой, худощавый, в очках, с бегающими во все стороны глазами. Он не понимал, зачем его разыскали и велели немедленно явиться к самому Селиванову, и не в кабинет, а почему-то в церковь, которая раздражала чиновника.

Андрей Григорьевич подошел и поздоровался за руку с новым гостем.

— Ага… Значит, ты и есть Островский?

Тот несколько раз кивнул и нервно засмеялся, не зная, что ответить.

— Кем доводишься тому… Ну, мы все его в школе учили…

Островский снова засмеялся и пожал плечами.

— Да ты что? Двоечником, что ли, был? Или теперь это не учат? «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое…» Я до сих пор помню, кто это сказал. Павка Корчагин!

— Но я Островский, а не…

— И что с того? Книжку-то кто написал? Николай Островский! Вот и спросил: вы, случаем, не родственники? Уж больно ты на него характером смахиваешь.

Видя страх и растерянность на лице гостя, Селиванов пригласил его сесть рядом и подвинул ему чашку с чаем, чтобы тот угощался.

— Где трудишься, Островский?

— В отделе капитального строительства.

— У Мордвинова?

Тот кивнул.

— А по образованию кто? Случаем, не архитектор?

Тот снова кивнул и глотнул теплый чай, все еще не понимая, зачем его сюда вызвали в таком срочном порядке.

— Чем же тебе эта церковь мешает? Ландшафт, что ли, портит? Или спать не дает?

— Вроде, не мешает…

Селиванов улыбнулся:

— Я так и думал. Наверное, кто-то другой нажаловался от твоего имени.

Островский закивал головой в знак согласия.

— Тогда вот что, — Селиванов стал серьезным. — Займись проектом колокольни. Не мне тебя учить, но чтобы все было красиво, толково. Чтобы, как писал твой тезка-революционер, «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Советуйся с отцом Афанасием: он знает, как сделать лучше. Деньги на это дело мы найдем, колокола привезем с Урала, а батюшка за тебя молиться будет. Договорились?

Он протянул Островскому свою широкую ладонь. Тот трясущейся рукой робко пожал и вышел, думая, не розыгрыш ли весь этот разговор. Хотя все подчиненные хорошо знали: Селиванов шуток не любит.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Селивановы и Ольга тепло попрощались с отцом Афанасием, пообещав приезжать сюда почаще.

Ольга подумала, что сейчас поедет домой, но Андрей Григорьевич повез всех снова за город. Там он велел Коле остановить машину и повернулся к Ольге. На его лице снова появились озабоченность, тревога и скорбь.

— Раз мы приняли тебя, как родную дочь, — сказал он, — ты должна знать о нас все. Кроме

Танечки у нас еще есть старший сын. Мы едем к нему.

19

Они подъехали к небольшому загородному озеру. Официального названия у него не было: кто-то называл гордым словом «море», кто-то иронично — «лужей», кто-то нейтрально — «заводским прудом», потому что создавали эту запруду для нужд здешней промышленности. Но большинство горожан придумали этому месту ласковое народное название: «подковка». «Махнем на «подковку»?» И «махали»: в одиночку, группами, целыми автобусами. Места здесь хватало всем: и порыбачить, и покупаться, и освежить легкие от городской духоты, и вообще весело провести время. Вокруг лесок, зеленая травка, роднички, птицы распевают на все лады. Зачем ехать куда-то за тридевять земель?

Озеро по своей форме действительно напоминало подкову: заметно закрученное по краям и выпуклое посредине. На средине изгиба оно соединялось узким каналом с еще одним озерцом, тоже очень живописным. Вдали виднелся островок, а на нем несколько белых домиков. Считалось, что это было место отдыха здешних богачей. Попасть сюда было непросто: только по воде, через тот узкий канал, имевший свои «ворота» и охрану. Посторонние или любопытные в этом месте получали «от ворот поворот».

Селиванов вышел из машины и прошел по деревянному причалу, где стояли привязанными несколько моторных лодок, катеров и крошечных парусных яхт. Возле одного из катеров его уже ожидали. Селиванов вошел в катер первым, помог сесть жене и Ольге: Танечка осталась на берегу с референтом и личным водителем Андрея Григорьевича Колей.

Селиванов сам встал у штурвала и запустил мотор. За бортом катера вздыбилась пена. Он подмигнул Ольге:

— Не страшно?

— Есть немного, — поежилась она.

— Тогда держись крепче!

И, добавив обороты, повел катер прямо к белеющим вдали домикам.

На той стороне, у кромки лесистого островка, тоже был причал, качались такие же лодочки, катера. Но если вокруг «подковки» все было диким: пляжи, рыбацкие мостики, то территория острова была отмечена заботливой хозяйской рукой. Прямо от причала вглубь острова протянулись мощеные дорожки; домики, беседки, клумбы — все блестело чистотой, было ухоженным, вдоль берега ходили охранники.

Еще не понимая, куда ее привезли, Ольга спросила Селиванова:

— Здесь ваш сын работает? Отдыхает? Ловит рыбу? Чем занимается?

Андрей Григорьевич горестно вздохнул:

— Здесь он лечится…

— Лечится? Здесь?!

— Да. Он наркоман. Это место специально для таких несчастных людей, как он. Здесь их

пытаются спасти и возвратить к жизни…

Уже никто не мог припомнить, кто первым назвал это место «Тюльпаном». На клумбах, разбросанных по всему островку, росло много тюльпанов. Куда ни глянь — всюду тюльпаны: красные, бордовые, желтые, белые, строгой формы, какие-то кучерявые, вовсе диковинные. С наступлением холодов сочные краски перебирались в оранжерею, в корпуса, где за тюльпанами тоже заботливо ухаживали. Одни отцветали, другие зацветали, радуя глаз всех, кто прибывал сюда. Однако изначально это место называлось мрачно, даже безысходно: «Черный тюльпан»[17]. Говорят, так его назвали бывшие офицеры, прошедшие Афганистан и решившие основать здесь частный центр помощи своим побратимам по оружию, избежавшим плена душманов[18], но попавшим в плен наркотиков. Мало кто возвращался из этого адского «плена». Вспоминают, что у здешнего причала, откуда отправляли изможденные тела убитых наркотиками, стоял постамент с макетом военно-транспортного самолета — того самого «черного тюльпана», а под ним — слова скорбной песни:

В Афганистане, в «черном тюльпане»,
с водкой в стакане
мы молча плывем над землей.
Скорбная птица через границу
к русским зарницам несет
ребятишек домой.
В «черном тюльпане» те,
кто с заданий,
едут на родину милую в землю залечь.
В отпуск бессрочный, рваные в клочья,
им никогда,
никогда не обнять теплых плеч…

Со временем, когда сюда потянулись другие похожие судьбы, но не прошедшие Афганистан, постамент с самолетом перенесли к построенной часовенке, а всю территорию засадили тюльпанами. Так и стали называть этот живописно-загадочный островок: «Тюльпан».

Жизнь острова не зависела от «большой земли»: электричество, отопление, питьевая вода, связь — все было свое. Здесь же работали опытные наркологи, психологи, психиатры, спасая искалеченные судьбы. По своему уровню центр не был похож на обычную городскую больницу, забитую наркоманами и пьяницами, поэтому попасть в «Тюльпан» не всем было по карману. Само это заведение считалось частным.

Селиванов — сам в прошлом «афганец» — был одним из тех, кто много помогал «Тюльпану». Он даже не мог предположить, что сюда попадет его первенец — наследник рода Селивановых, всеми любимый Данилка, Даня, — продолживший семейную династию офицеров-пограничников. Когда Андрей Григорьевич с Люсей заметили, что с сыном творится что-то неладное, начали подозревать большую беду и спохватились, — было уже поздно: он попал в зависимость от наркотиков.

Прямо у причала Андрея Григорьевича ждал дежурный врач, он и проводил его к сыну.

— Сегодня Даня может возвратиться домой, — сказал врач, пока они шли к корпусу. — Все необходимое от нас он получил, теперь ему необходимо получить от вас: домашняя обстановка, родные люди, родные голоса, улыбки… Память к нему будет возвращаться, но нужно терпение и время, время и терпение.

Данил, как и большинство пациентов «Тюльпана», лежал в одноместной палате, наполненной тишиной, светом и чистым воздухом. Едва сдерживая волнение и слезы, Андрей Григорьевич, а за ним остальные, вошли в палату. От увиденного нельзя было не заплакать… Вместо Данила — их Дани: красавца-парня, спортсмена, молодого офицера в зеленом берете пограничника — сидел настоящий заморыш: исхудавший, бледный, с испуганным лицом, забившийся в угол палаты.

— Данечка, сынок… — Селиванов хотел обнять сына, но тот затрясся от страха и забился в угол еще дальше.

— Кто это? — спросил он врача.

— Твой родной отец, — ответил тот. — Не бойся, это все твои гости.

— Гости… — повторил он. — Ночью гости, днем гости… Минуты не дают поспать спокойно.

Прищурившись, он посмотрел на мать: — А ты кто такая?

Люся заплакала:

— Сынок… Господи, что же с ним творится?..

— Творится… — снова механически повторил он. — Здесь каждую ночь такое творится, что… Негры бегают, собаки, коты облезлые… Никто за порядком не смотрит. Дайте мне автомат и пару магазинов — я быстро порядок наведу.

Теперь он взглянул на Ольгу:

— А ты чего приперлась? Куртку я тебе не верну. Тю-тю курточки!

— Какую куртку? — удивилась Ольга.

— Дурочку из себя не строй, ладно? Ты ведь в «Modis» работаешь?

— Да, но не пойму, о какой куртке речь? — еще больше удивилась Ольга и посмотрела на сопровождавшего их врача. Но тот дал знак продолжать разговор.

— Замшевой. Она одна такая была.

Ольга в недоумении пожала плечами.

— Все ты хорошо понимаешь, только прикидываешься. Висела замшевая куртка, я померил — как на меня сшита. Даже тебе понравилось. Но ты сказала, что если я передумаю, то можно вернуть. Главное, чтобы все бирки на месте остались.

— Ну и…

Даня засмеялся.

— Я хотел вернуть. Но не потому, что курточка не понравилась, а чтобы с тобой познакомиться. Ты, между прочим, мне сразу приглянулась. Стою я, значит, в этой курточке, морожено ем. И вдруг ляп на курточку! Молочное пятно так и растеклось по замшу. Куда теперь вернешь? Досада взяла. Снял я эту куртку — и в мусорный ящик. Потом спохватился — и назад, чтобы забрать. Глядь — а куртку какая-то цыганка уже вытащила, затолкала к себе в

сумку — и ходу по улице.

Ольга рассмеялась:

— Я ничего не знаю и не помню этой курточки!

— Скажи еще: «Честное пионерское!», чтобы я поверил тебе, — буркнул Данил и накрылся одеялом.

— Это поражение памяти, — шепнул доктор. — Больной может не узнавать самое родное и близкое, но помнить такие детали, такие подробности, о которых человек в нормальном состоянии давно забудет. Ничему не удивляйтесь.

Пока сына собирали, Селиванов рассказал Ольге историю беды:

— Даня рос нашей радостью, нашей гордостью. Получил погоны лейтенанта, хорошее назначение служить на таможне. Я посодействовал через старых друзей на свою голову. Лучше бы он начинал свою службу где-нибудь на дальней погранзаставе, как остальные его друзья. Там соблазна меньше. А где таможня — там и контрабанда, и наркотики, и много чего другого. Всего хватает. Вот и попался. Попробовал разок, еще раз — и не заметил, как сам стал нарушителем границы: уже своей собственной… Молодая жена ушла, погоны полетели с плеч вместе со службой на таможне. Всего лишился, а страсть к наркотикам осталась, даже усилилась. На какие шиши их купить? Из собственной квартиры все вынес, потом и квартиру продал, но денег все равно не хватало, а желание только усиливалось. Не миновать бы ему тюрьмы, но успели остановить. Теперь здесь боремся, чтобы он снова стал нормальным человеком…

Возвращались тем же путем: катером по вечернему озеру. В машине ехали молча: каждый думал о своем. Данил спал, откинувшись на заднем сиденье. Время от времени он что-то бормотал, размахивал руками, от кого-то отбивался. Люся сидела рядом, тихо плакала и молилась.

Наконец, они подъехали к дому, где жила Ольга. Селиванов повернулся к ней и взял за руку:

— Спасибо тебе за все…

Ольга собралась выйти, но тут Данил открыл глаза и тихо сказал:

— Останься рядом…

— Кому это он? — спросила Ольга Селиванова.

— Наверное, тебе. Мы и так всегда рядом с ним.

20

Медленно, день за днем, Данил возвращался в реальность. Ольга Г У почти все время сидела рядом с ним и слушала, слушала, слушала его бесконечные рассказы. На работе ей дали отпуск: звонок Селиванова решил все вопросы. Его больной сын словно заново проживал свою жизнь, вспоминая все, каждый прожитый день едва не с раннего детства, сколько мог себя вспомнить. Ольга была для него не просто слушателем, перед которым ему нужно было выговориться, а якорем, за который он ухватился и держался изо всех сил, чтобы снова не свалиться в ту бездонную пропасть, куда уже летел.

Оказывается, в нем жил романтик. С особым вдохновением Даня рассказывал о тех местах, где бывал, которые повидал.

— Срочную службу я тоже на государственной границе проходил, рядом с Турцией. Видела бы, какая там красота! — восторженно говорил он.

И перед Ольгой, словно наяву, рисовалась картина тех далеких незнакомых мест: старинное армянское село, кругом низенькие домики, слепленные из глины и камней, над ними — церковь из розоватого камня туфа с остроконечным куполом, похожим на заточенный карандаш; где-то звучит грустная мелодия армянского дудука[19] — «души» абрикосового дерева; слышно, как шумит горный арык, через него переброшен горбатый каменный мостик. Проехать оттуда еще несколько сотен метров — и шлагбаум: здесь начинается территория пограничной заставы. Она в горной теснине, между двух скал: видно домики офицеров, солдатские казармы, бетонные боксы с военной техникой, пограничные вышки с часовыми, все обнесено колючей проволокой. А по горным склонам, куда ни глянь — красные цветы, огромный красный ковер.

— Ляжешь на него — и от запаха голова кружится, — Данил закрывал глаза, вспоминая свои ощущения. — Таких красивых цветов я нигде больше не видел. И всегда мечтал подарить их своей любимой девушке — огромный букет этих горных цветов. У меня ни с кем ничего серьезного еще не было. А вот, думаю, появится, — и я ей обязательно подарю.

Он вздохнул:

— Но она так и не появилась в моей жизни… И служба моя там тоже скоро кончилась.

А что могла о себе рассказать Ольга? Детство в деревне, там же школа, потом жизнь в городе, работа… Ничего интересного. Нигде не была, никуда не летала. Собралась один раз полететь с Максом — и все сорвалось.

«Наверное, смотрит на меня, как на дурочку деревенскую», — думалось ей, когда она сравнивала себя с сыном Селиванова.

Но Данил с каждым днем все сильнее привязывался к Ольге. Они уже 1уляли по двору, подолгу сидели в тенистой беседке, где по вечерам собиралось семейство Андрея Григорьевича: тогда ставился большой русский самовар и начиналось чаепитие — до глубокого вечера. Конечно, Ольга не могла подумать, что между ней и Даней будет что-то серьезное, но Селивановы, напротив, смотрели на все с надеждой и радостью. Они видели, как рядом с Ольгой их сын начинал возвращаться к нормальной жизни, он все чаще вспоминал только о том, что в ней было светлым.

Но кошмары, особенно ночью, когда он оставался сам, его еще давили и мучили. Тогда он опять становился невменяемым: рычал, наливался кровью, требовал «дозы», грозился всех перестрелять из автомата, бился в судорогах. На вызов приезжали врачи, давали успокоительное, он мучительно засыпал, а когда просыпался, то снова видел рядом с собой Ольгу.

— Я чувствую, что во мне живет еще ктото, — открывался он ей. — Не знаю, кто: мой двойник, дикий зверь или же сам дьявол. Он вошел в меня с первой же дозой, которую я принял. Я думал, что все будет хорошо, что я не сяду «на иглу», как другие. Тот, который во мне, тоже обещал, что все будет хорошо, нечего бояться. Так и было, но лишь поначалу. Дальше — хуже и хуже, страшнее и страшнее. Теперь он внушает мне вообще уйти из этой жизни. Требует

сделать это. «Я, — говорит мне, — твой хозяин, а ты мой раб». А кто он? Знаю, что если он во мне не умрет, то умру я…

В один из дней они все вместе поехали к отцу Афанасию. Батюшка уже обо всем знал, поэтому горячо молился за спасение Данила.

В этой суете и заботах Ольга забыла о Даше, но та однажды вечером сама позвонила ей. Обрадованным голосом она с ходу начала тараторить:

— Ты не поверишь! Представь: сегодня меня вызывают городские начальники. Я вся на нервах, трясусь от страха, не могу найти покоя. Может, хотят лишить меня материнских прав и забрать детишек в интернат? Сейчас ведь чего только не наслушаешься! Там забрали, там отняли, там лишили, там засудили, там продали иностранцам… Места себе не нахожу, реву. Позвонила пастору, братьям: те тоже ничего не знают. Пошла по кабинетам, а куда ни зайду — мне и стульчик предлагают, и водичкой минеральной угощают, и все расшаркиваются, обращаются только на «вы». Ничего не пойму: может, мне все это снится? А они мне объявляют — только не упади от радости, как я, — что принято решение выделить мне отдельное жилье. Можешь себе представить? Не какую-то клетушку для отвода глаз, а целую половину новенького домика со всеми удобствами, даже с готовой мебелью. Посадили в машину, повезли на место, все показали. Заходи — и живи! Ураа-а! Велели срочно собрать разные бумаги — и гуляем новоселье!

— Как же я теперь буду без вас? — улыбнулась Ольга, радуясь за подругу.

— Мы тебя к себе заберем. Там места много, целых три комнаты! Кстати, ты думаешь возвращаться? Или что-то серьезное?

— Да ничего особенного, помогаю одному хорошему человек, — уклончиво ответила Ольга. — Еще пару деньков — и встретимся. Я за вами так скучаю…

Даша помолчала, а потом вдруг тихо спросила:

— Скажи честно: это ты? Твоя работа?

— В каком смысле? — не поняла Ольга.

— Ну, жилье для нас… Я до сих пор не верю. Думаю, что это мне снится. Такое ведь только в сказке или во сне может быть. Кому мы нужны в тепершнее временам? Кто о нас побеспокоится, кто вспомнит?

— Бог, — спокойно ответила Ольга. — Жаль, что ты этого до сих пор не поняла. Не туда ты, Дашка, ходишь, не туда ты ножки бьешь.

— Олечка, — прошептала счастливая Даша, — кое-что я и сама начинаю понимать. Если ты возьмешь меня с собой, то я пойду. Возьмешь?

— Куда? В магазин?

— К тому батюшке, о котором ты мне рассказывала. Отец Афанасий, кажется? Я тоже хотела бы с ним познакомиться. Пусть он и мне поможет во всем разобраться.

Тот вечер для них обоих — Данила и Ольги — был особенно теплым и романтичным. Они первый раз решили провести время вдвоем в уютном кафе. Снова шел дождь: то усиливался, то

моросил. Можно было посидеть и спокойно поговорить. О чем? Казалось, Даня уже рассказал Ольге обо всей своей жизни, а та — ему. Между ними не было недосказанности. Они сидели и смотрели друг на друга.

— Помнишь, я рассказывал тебе о красных цветах, которые расцветали у нас весной на заставе в горах? — спросил Данил.

— Конечно, — тихо ответила Ольга. — Ты так красиво обо всем рассказал, что я представила себя на этом сказочном ковре.

— Я бы хотел подарить эти цветы тебе. Именно тебе, как всегда мечтал подарить своей единственной любимой.

Ольга смутилась и покраснела: — Не спеши.

Раздался оглушительный раскат грома, дождь пустился с новой силой, настоящий ливень. Ольга засмеялась:

— Наверное, последняя гроза в этом году. А мы и зонтика не взяли.

Она услышала звонок телефона.

«Может, лучше выключить? — подумала она. — Гроза все-таки».

Но, увидев, что звонил Андрей Григорьевич, ответила.

— Вы где? Не мокните?

— Нет, мы в парке, в «Авроре» чай пьем.

— Может, Колю за вами прислать?

— Не нужно беспокоиться. Дождь скоро кончится. Если что — возьмем такси.

Наверное, даже врачи из «Тюльпана» сейчас вряд ли узнали бы в этом парне своего бывшего изможденного пациента-наркомана. Он быстро становился похожим на прежнего Данила Селиванова: энергичного, уверенного, обаятельного, умного. Он уже всерьез подумывал начать работать, иметь собственное дело.

— На погранслужбу меня уже не возьмут, но кое-чем другим могу заняться, — рассуждал он. — Все-таки я свободно владею фарси[20], а переводчики этого языка всегда нужны.

Ольга засмеялась:

— Фарси? Никогда не знала, что есть такой смешной язык. Ну-ка скажи что-нибудь.

— Что-нибудь на нем не говорят. Это язык великих поэтов, мыслителей, философов, мудрецов. Но специально для тебя скалу: «Doset daram!»

— Как красиво! Теперь переведи.

— Переведу. Только вместе с букетом тех красных цветов, которые хочу тебе подарить. Очень хочу.

Дождь начал усиливаться. Ольга предложила возвращаться, чтобы дома не волновались. Прямо напротив входа в парк стояло несколько пустых такси. Добежать до них было сущим пустяком. Даня и Ольга взялись за руки и, весело смеясь, побежали. Не раздумывая, они прыгнули в первое, что стояло справа.

— Ну и погодка, — Ольга стряхивала с мокрых волос капли дождя.

— Да, явно нелетная, — отозвался водитель, дремавший в ожидании пассажиров. — В такую погоду ко мне одни «шмары»[21] просятся. Порядочные девушки дома у телевизора сидят, носки вяжут или Богу молятся. Вы из каких будете: из первых или из вторых?

Он повернулся к ним лицом: это был Макс. От неожиданности Ольга растерялась:

— Какая тебе разница?

Максим посмотрел на Ольгу циничным взглядом:

— Раз сразу на «ты», значит, настоящая «шмаруха». Культурные девушки на «вы» обращаются. Вот и вся разница. Плюс разница в тарифе: «шмары» со мной чаще всего «натурой» рассчитываются, а культурные девушки — по двойному счетчику, потому что уже вечер. Ну что, поехали?

— Нет, приехали!

Ольга хотела открыть дверь и немедленно выйти, но Макс опередил: он щелкнул кнопкой блокировки замков — и все остались в машине. Сообразив, что происходит что-то неладное, Данил резко взял Максима на боевой захват, но тот умело освободился и с разворота ударил того ребром правой ладони прямо в солнечную артерию, потом, не дав опомниться, слегка сдавил ее пальцами — и Данил потерял сознание.

— Ты что сделал?! — ужаснулась Ольга.

— Ничего особенного. Он не по делу дернулся, вот и получил «ответку». Ничего страшного, пусть немного поспит. Это отработанный прием.

Он снял блокировку замков.

— Садись рядом, — сказал Ольге. — Базарить будем.

— Нам давно не о чем говорить, — отрезала Ольга.

— Зачем так грубо? Людям всегда есть о чем говорить, особенно тем, у кого была общая постель. Как у нас. Или ты со своим фраером совсем забыла меня? Садись рядом.

Он вышел, распахнул заднюю дверцу, силой вытащил оттуда Ольгу и грубо толкнул на переднее сиденье. Потом сел за руль и снова щелкнул блокировкой.

— Так-то лучше. Тепло, светло и мухи не кусают.

Ольга схватила Максима за руку:

— Что ты хочешь?

Тот одним движением освободился:

— Осторожнее, девочка, не то сейчас сделаю тебе больно, и будешь валяться рядом с тем тюфяком.

Он кивнул на заднее сиденье, где лежал Данил.

— На кого ты разменяла меня? На него? Или на Бога?

— Какое тебе дело? Выпусти нас немедленно! Или я…

Она недоговорила. Блеснула ослепительная молния, раздался оглушительный раскат грома, и вокруг погас свет: парк, улицы, дома — все погрузилось в темноту.

— Что «или я»? Что ты сделаешь? Включишь свет? Или прикажешь своему Богу наказать меня?

Он рассмеялся. В его смехе было что-то демонически-страшное. Потом он резко обнял Ольгу и впился в ее губы жарким поцелуем. Она вырвалась.

— Я любил тебя… Очень любил. Посмотрим, любит ли тебя Бог.

Максим завел мотор, сразу дав ему предельно высокие обороты.

— Что ты собираешься делать? — испугалась Ольга.

— Я же сказал: проверить, кто больше любит тебя — я или Бог. Твой фраер вообще не в счет, пусть спит.

Он вырулил со стоянки и утопил педаль газа. Раздался визг бешено вращающихся колес, машина закружилась на месте. От страха Ольга вжалась в кресло и закрыла ладонями лицо. Максим захохотал:

— Сейчас начнется самое интересное! Лови кайф!

И он рванул по мокрому асфальту, поднимая за собой клубы водяной пыли и брызг. Одинокие прохожие в ужасе глядели вслед этому безумцу.

Машина мчалась сначала по широкому проспекту, потом свернула на набережную, где машин почти не было. Кто-то из встречных водителей успел мигнуть фарами: впереди гаишники, надо сбавить обороты. Но это еще больше раззадорило Макса. Его охватило настоящее безумие: он хохотал, громко кричал, уже не обращая никакого внимания на мольбы Ольги остановиться и выпустить, пожалеть их.

— Ну, где твой Бог?! — крикнул он, повернувшись к ней.

В ответ раздался новый оглушительный раскат грома.

— И это все?! — расхохотался Макс. — На войне бывало громче и страшнее. А-а-а!..

Он снова выскочил на широкую улицу. Сзади уже слышался вой сирен полицейских патрульных машин, которые гнались за ним, доносился приказ немедленно остановиться. Но на Максима ничто не действовало: ни сирены, ни приказы, ни слезы Ольги. Он был одержим страшной силой, разжигавшей в нем еще больший азарт.

— «Броня крепка и танки наши быстры!» Вперед, лошадиные силы!

Стрелка спидометра уперлась в правый указатель скорости. Машина неслась на пределе технических возможностей, завывая бешеными оборотами двигателя и визгом резины колес на мокром асфальте. «Дворники» не успевали очищать лобовое стекло от ливня.

Перед ними начинался еще один городской проспект: ровный, как стрела. В зеркало заднего вида было заметно, что полицейские машины уже садились на хвост. Впереди тоже мелькнули проблесковые маячки патрульных машин, готовых на перехват.

— Хотите взять на понт, мусора поганые? — Максим грязно выругался и вцепился в руль. Потом он тряхнул Ольгу, от страха не видевшую ничего, что творилось вокруг:

— Давай молись! Помощь твоего Бога нам не помешает! Ну, где Он?! Или с нами только черти остались?!

Он уставился в одну точку немигающим взглядом и погнал машину. Он сам не знал, что его ждет за какие-то мгновения: полицейский блок-пост, уход от погони или смерть. Ему было на все наплевать.

Ольга первой заметила вдалеке фигуру одинокого прохожего, который вышел на пешеходную «зебру».

— Осторожно! — закричала Ольга, указывая вперед. — Там человек!

— Вижу… — процедил Максим. — Какого… его сюда принесло?..

Расстояние стремительно сокращалось. Вместо того, чтобы идти быстрее, он, наоборот, замедлил шаг, а потом вообще остановился, глядя на несущееся такси.

— Какого ты там встал?! — закричал Максим. — Убирайся!

Теперь можно было разглядеть, что этот человек был в длинном мокром плаще. Он стоял на «зебре», набросив накидку на самые глаза, никуда не спеша уходить, словно ничего не видя.

— Ты что, скотина? — в ярости кричал Максим. — Ослеп? Сейчас от тебя мокрое место останется! Пошел вон с дороги! Пошел во-о-о-н!!!

Ольга уже видела, как из-под мокрого капюшона выглядывают длинные мокрые волосы. Ей вдруг показалось, что она уже где-то видела этого человека, даже разговаривала с ним… Страшная догадка осенила ее: да это же… Вот он медленно поднял голову — и его взгляд: спокойный, уверенный, лишенный страха смерти — встретился с горящими бесовскими глазами Максима. Макс истошно закричал и, уходя от лобового столкновения с этим безумцем, резко повернул руль влево…

…Того, что произошло дальше, Ольга уже не видела: передняя дверца машины открылась, и неведомая сила выбросила ее на мокрый асфальт; машину понесло прямо на стальные ограждения, она несколько раз ударилась об них, а потом врезалась в бетонную опору столба — как раз тем краем, где сидел Макс. Она не видела, как его живая кровь брызнула фонтаном на лобовое стекло, а сам он в один миг превратился в груду окровавленного человеческого мяса…

21

Ольга очнулась и увидела себя в странном месте. На все стороны, куда ни глянь — во всю даль и ширь — валялись машины: целыми грудами и аккуратными рядами, по нескольку и по многу. Каких здесь только не было! И разбитые, и сгоревшие, и ржавые, и искореженные, с колесами и без колес, отечественные и иномарки, легковые и грузовые, новенькие, прямо из салона, и ретро, словно из музеев — «всех времен и народов». Между ними виднелись узкие проходы. Но странное дело: на этом кладбище автомобилей не было видно ни одного человека, ни души — только стаи каркающих ворон, перелетавших с места на место в поисках поживы. Ветерок разносил неприятные резкие запахи: солярки, бензина, моторного масла, истлевшего тряпья, сгоревших покрышек, дешевого хозяйственного мыла…

«Что за кино? — подумала Ольга, не переставая оглядываться по сторонам. — Где я?..»

В ответ — карканье тучи воронья, пролетевшего над головой. С собой у нее ни телефона, чтобы позвонить Данилу, Андрею Григорьевичу или той же Дашке, ни навигатора, чтобы определить место, где находилась.

«Что за чудеса? — продолжала думать Ольга, осторожно перешагивая через груды металла, чтобы не зацепиться и не пораниться. — Кто меня сюда привез? Зачем?..»

И туг неподалеку послышался сначала какой-то шорох, потом лязг сыплющихся железяк — и на ту же дорожку, на которой стояла Ольга, вышла женщина, обвешанная грязными сумками. Они свисали с обоих плеч, были за спиной, на груди. К тому же, сразу по две сумки она держала в каждой руке. Тяжело дыша от такого количества груза, она остановилась и посмотрела на Ольгу:

— Ага, явилась — не запылилась…

Ольга удивилась еще больше: это ведь была та незнакомка, похожая на цыганку или бродячую нищенку, с которой она общалась в трамвае и в парке. Та сняла и опустила на землю свои сумки, потом вытащила из груды обломков замасленный деревянный ящик, следом еще один — ржавый железный, из-под запчастей — и кивнула на него Ольге:

— Присаживайся, в ногах правды нет.

Сама села на деревянный. Ольга представила себе, что будет с ее голубым платьем, сядь она на этот грязный ящик, и осталась стоять.

— Что, культурной стала? — усмехнулась незнакомка. — Не зря говорят, что к хорошему быстро привыкают. Забыла, как коровам хвосты закручивала, как матери помогала навоз на ферме вычищать? Руки по самые локти в дерьме, а ты хвать кусок хлеба — и в рот. Вы все там одним «миром» были мазаны, а теперь — фу ты, ну ты! Ладно, стой дальше, а у меня сил нет таскаться со всем этим.

Она пхнула ногой одну из сумок, и оттуда высыпались свечи зажигания, ржавые болты, гайки, разные железки.

— Зачем это тебе нужно? — удивилась Ольга.

— Каждому свое, — ответила женщина, собирая рассыпанное назад в сумку. — Тебе ведь тоже кое-что нужно. Или кое-кто, а?

И подмигнула Ольге. Та продолжала стоять.

— Даня… Он тебе нужен?

— Нужен, — спокойно ответила Ольга.

— Зачем? Он ведь наркоман. А наркоманов, запомни хорошенько, бывших не бывает, как и хронических алкашей. Сегодня бросил — завтра начал, сегодня малость подлечился — завтра сорвался.

— Я хуже его, хоть и не пробовала этой дряни.

— Глянь, как изменилась… Раньше себя лучше всех считала, а теперь говоришь, что хуже того, кто «таранится»[22].

Незнакомка замолчала, пересыпая грязными ладонями собранные железки из одной (умки в другую. Закончив свое занятие, она тоже встала и посмотрела на Ольгу:

— Значит, Даня тебе нужен?

Ольга молча кивнула.

— Что ж… Как говорится, совет вам да любовь. Съедешь, наконец, из своей конуры, станешь жить по-человечески, мир увидишь. Селиванов мужик не скупой, они тебя полюбили. Макса ты все равно прошляпила, хоть теперь не упусти шанс. Судьба-злодейка тебя любит.

Незнакомка начала опять обвешиваться грязными сумками, собираясь уйти.

— Погоди, — остановила ее Ольга, — ты ведь ничего не сказала, как все это…

Та махнула рукой:

— Все равно не поймешь…

Она поправила сумки и поплелась по тропке вдоль свалки машин. Пройдя немного, остановилась и повернулась к Ольге:

— Топай в ту сторону, — она указала грязной палкой.

Сделав еще несколько шагов, снова остановилась и окликнула Ольгу:

— Чуть не забыла! Я положу тебе в тумбочку замшевую куртку: ту самую, из магазина. Мороженое нужно есть аккуратнее и не быть свиньей. Так своему Дане и передай.

Ольга ни о чем не стала переспрашивать: откуда ей известно о замшевой куртке, в какую тумбочку она ее положит, что это вообще за бред? Она неторопливо пошла в ту сторону, куда ей было указано.

Все так же было пустынно, все так же кружились и каркали стаи голодных ворон, все так же ветер гонял над свалкой запахи солярки, бензина, автомобильных шин, отработанных масел. Но постепенно к ним стал примешиваться еще один запах — совершенно не свойственный этому мрачному месту, даже чуждый ему: необыкновенный запах полевых цветов. Ольга ощущала его все сильнее и сильнее, все явственней, он заполнял все пространство вокруг, вытесняя зловоние. Ольга осматривалась, не в состоянии понять, откуда он мог исходить, ведь

вокруг не было видно ни одного цветочка, ни одного живого деревца — только труды мертвого металла.

Наконец, она увидела перед собой небольшой пригорок и побежала к нему, надеясь оттуда увидеть эти сказочно пахнущие цветы. Она ловко перепрыгнула через рваную покрышку и… открыла глаза.

Ольга осмотрелась. Она лежала в больничной палате. За головой слышалось тихое потрескивание какого-то прибора, окно было приоткрыто, свежий ветерок колыхал белые занавеси. Рядом на тумбочке лежал букет красных живых цветов: от них-то и исходил этот необыкновенный аромат, который Ольга чувствовала там… Где? Она сама не могла понять: во сне, в каком-то видении? Свалка, груды машин, стаи воронья, незнакомая женщина, обвешанная грязными сумками с железяками…

— Где я? — снова не веря в реальность происходящего, прошептала Ольга.

— Слава Богу, ты пришла в себя, — рядом показался Даня. — С возвращением!

— Спасибо… А где я была?

— С того света. Трое суток врачи боролись за твою жизнь.

— Что произошло?

— Такси, на котором мы ехали, на полной скорости врезалось в столб. За миг до этого тебя выбросило из кабины, а меня спасло то, что я оказался зажатым между задними и передним сиденьями. Немного помяло ребра, но это так, пустяки по сравнению с тем, что досталось водителю.

— Что с ним?.. — прошептала Ольга, понемногу восстанавливая в памяти страшную картину той бешеной гонки.

— Его вытаскивали по кускам. Остаться в живых у него не было никаких шансов. Мгновенная смерть на месте.

— Господи, прости его и нас…

Данил взял Ольгину руку и нежно поцеловал:

— Возвращайся к жизни. Ты возвратила меня, а теперь возвращайся сама.

В это время открылась дверь, и в палату вошла целая гурьба гостей: Андрей Григорьевич, его жена, Танечка, Даша с детишками. Селиванов по-отечески обнял Ольгу:

— Мы все молились, чтобы Господь спас тебя от смерти. Отец Афанасий молился, отец Дмитрий тоже.

— Отец Дмитрий? — оживилась Ольга. — Он простил меня?

— Да, конечно. И сам у тебя просит прощения. Он сказал, что сделает это перед всеми людьми в церкви, чтобы не только ты, но и они простили его, как немощного человека.

Слезы навернулись на глазах Ольги:

— Это лишнее…

— Батюшке виднее, не будем его учить. Он уже получил хороший урок.

К Ольге подошла радостная Даша и показала связку новеньких ключей:

— А мы завтра переезжаем в свой новый дом. Выпишешься — и сразу к нам: в гости или насовсем — решай сама.

— Насовсем она переезжает ко мне, — вмешался Данил, обняв Ольгу. — Если, конечно, не против.

Ольга ничего не ответила. Она вдруг до мелочей вспомнила разговор с незнакомкой посреди грязной свалки. Ее насторожило даже не то, о чем она предупредила в начале разговора: «Наркоманов бывших не бывает, как и хронических алкашей». Насторожило другое: с какой быстротой и радостью она согласилась, чтобы Ольга вошла в семью Селивановых. Вспомнились и наставления отца Афанасия не доверяться лукавым видениям, не принимать их на веру, отвергать все, что они сулят.

— Ты не сказала, согласна ли переехать к нам? — повторил свой вопрос Данил.

Ольга снова промолчала, погрузившись в свои мысли. Гости поняли ее молчание по-своему и тихо вышли из палаты. Даня наклонился к ней и нежно прошептал:

— Doset daram, милая!

— Doset daram… Ты обещал перевести.

— Эти слова на любом языке звучат одинаково красиво: «Я люблю тебя». Я дарю тебе свое признание вместе с цветами, которые мечтал подарить любимой девушке. Сейчас эта девушка рядом со мной, а цветы рядом с ней. Я жду твоего ответа. На любом языке.

Ольга вспомнила еще кое-какие детали разговора с той незнакомкой.

— Открой-ка тумбочку, — попросила она Данила.

— Это твой ответ на мои слова? — удивился он.

— Открой, пожалуйста…

Тот молча открыл и заглянул вовнутрь.

— Что там?

— Ничего особенного: коробочки с инъекциями, система для капельницы, стерильные салфетки… А что должно было быть?

— То, чего не должно быть, — усмехнулась Ольга, убедившись, что разговор о замшевой курточке тоже был очередным обманом.

Обескураженный Даня посмотрел на Ольгу:

— Я сказал тебе самые заветные слова: «Я тебя люблю». А что скажешь ты?..

Ольга вздохнула и ласково взяла Данила за руку:

— Я скажу, что это был бы красивый конец романтического фильма. Она — деревенская простушка, он — принц на белом коне, красавец-офицер. Между ними вспыхивает сначала искра, а потом пламя любви… Все вокруг счастливы. Чем не сюжет для кино?

— И что мешает нам сделать это не в кино, а в жизни? Счастье же вот, рядом! Или ты не веришь в него?..

Не выпуская руки Дани, Ольга сказала:

— Есть одна притча. Когда Господь слепил человека, у Него осталось немножко глины. И Он спросил человека: «Что слепить тебе еще?» «Слепи мне счастье», — ответил человек…

Ольга замолчала.

— И что на это сказал Бог? — задумчиво спросил Данил.

— Бог ничего не ответил человеку, а положил ему в ладонь тот кусочек глины.

— Ты хочешь сказать, что…

Даня осекся. Он и сам понял, что счастье в его руках: но с неба, как в романтическом кино или книжках про любовь, оно не падает. Его нужно строить — с Богом, Который дал тебе эту жизнь.

2018 год

[1] То же, что и жадина, скряга *(презр.)*

[2] Августин (Аврелий) — один из знаменитейших и влиятельнейших отцов христианской церкви. Им написано много творений: по удостоверению ученика и жизнеописателя его Поссидия, число их доходит до 1030. Блаженный Августин прежде всего заботился о том, чтобы его сочинения были понятны и назидательны. Выдающаяся личность и огромное богословское наследие Иппонийского святителя неизменно привлекают к нему пристальное внимание ученых и богословов, но, к сожалению, остаются мало известны большинству православных. А между тем жизнь и творения святого Августина, дышащие, по выражению святителя Филарета Черниговского, глубоким искренним благочестием, являются чрезвычайно поучительными для современных христиан. Его память отмечается Русской Православной Церковью 28 июня (н. ст.)

[3] Мк.9:17–31.

[4] Ин.9:1–38.

[5] Мф.11:28–30.

[6] Лк. 7,36-50.

[7] Пс. 129, з.

Начало Канона на разлучение души от тела.

[9] Умер *(жаргон).*

[10] Воспалительные образования, ограниченное скопление лимфоидной ткани, в котором происходит развитие лимфоцитов. Имеются в лимфатических узлах, миндалинах, гортани и некоторых других органах.

[11] Бэк-вокал (*англ,* backing vocal — дословно: «пение на заднем плане»), или подпевка — песенное исполнение, сопровождающее основную вокальную партию.

[12] В основе этого рассказа лежит реальная история, связанная с местночтимой иконой Божьей Матери, которая находится в одной из старейших обителей Руси — Свято-Троицком Мотронинском монастыре в урочище Холодный Яр (Черкасская епархия УПЦ).

[13] Мк.10:38–40.

[14] Пс.115:2.

[15] Сол.4:14–15.

[16] Мк.5:21–43.

[17] «Черный тюльпан» — советский самолет Ан-12, увозивший тела погибших советских военнослужащих (груз 200) с территории Афганистана в ходе афганской войны.

[18] Душман (*перс.* «враг») — противник, враг. Это слово использовалось по отношению к местным солдатам и партизанам во время событий в Афганистане в 70–80-е годы прошлого века.

[19] Дудук — язычковый деревянный духовой музыкальный инструмент с двойной тростью. Представляет собой трубку с 9-ю игровыми отверстиями. Варианты распространены среди народов Кавказа, Ближнего Востока и Балканского полуострова.

Персидский язык, также известный под названием Фарси, является самым распространенным языком иранской ветви индо-иранских языков индоевропейской группы. Это язык Ирана (бывшей Персии), хотя на нем разговаривают и в Афганистане, и в Таджикистане (там распространена более старая форма фарси), и на Памире.

[21] Шмара — женщина легкого поведения *(жаргон).*

[22] Таранить, тараниться — принимать наркотики в виде инъекций *{жаргон).*

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch